

Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена

ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

*Сборник материалов международной
научно-практической конференции,
Санкт-Петербург, 22–23 марта 2019 года*

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2019

Редакционная коллегия:

- Воронцов А. В.**, президент ПАНИ, декан факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, доктор философских наук — ответственный редактор;
Майборода Л. А., почетный президент ПАНИ, доктор технических наук;
Смирнов М. Ю., заведующий кафедрой философии Ленинградского областного университета им. А. С. Пушкина, доктор социологических наук;
Прилуцкий А. М., заведующий кафедрой истории религии и теологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, доктор философских наук — научный редактор;
Мелихов С. Ю., и. о. ученого секретаря Санкт-Петербургской академии СК РФ, кандидат юридических наук;
Субетто А. И., профессор кафедры истории религии и теологии РГПУ им. А. И. Герцена, доктор философских наук, доктор экономических наук;
Гайдуков А. В., доцент кафедры истории религии и теологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, кандидат философских наук;
Богачев А. М., заведующий лабораторией религиозоведческих исследований факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена

Рецензенты:

- Семенов В. Е.**, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;
Боронов А. О., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Бурятия

Э41 **Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук:** сборник материалов международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22–23 марта 2019 года / под ред. проф. А. В. Воронцова. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. — 268 с.

ISBN 978-5-8064-2706-0

Сборник представляет собой уникальную совокупность научных трудов, посвященных еще недостаточно разработанной, но чрезвычайно актуальной теме экспертной деятельности в сфере гуманитарных наук. Включенные в сборник работы относятся к таким областям научного знания, как правовая, психологическая, лингвистическая, психологическая, религиоведческая, геополитическая, характеризуюсь при этом междисциплинарной направленностью. Содержание этих работ представляет интерес как для узких специалистов, так и для всех читателей, интересующихся развитием современного научного знания.

ББК 60

- © Коллектив авторов, 2019
© С. В. Лебединский, оформление обложки, 2019
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019

ISBN 978-5-8064-2706-0

СОДЕРЖАНИЕ

Информационное сообщение о проведении международной научно-практической конференции «Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук»	7
---	---

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Приветствие председателя Оргкомитета конференции, председателя Следственного комитета Российской Федерации, доктора юридических наук <i>А. И. Бастрыкина</i>	10
Приветствие ректора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктора филологических наук <i>С. И. Богданова</i>	11

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Международной научно-практической конференции «Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук»

<i>Воронцов А. В.</i> (президент Петровской академии наук и искусств). Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук	13
<i>Сванкулов А. Э.</i> Использование лингвистических знаний в судебной экспертизе: сравнительный анализ	19
<i>Васильева В. В., Редькина Т. Ю.</i> Медиалингвистические принципы в организации экспертного исследования	23
<i>Прилуцкий А. М.</i> Методологические проблемы религиоведческого экспертного исследования	28
<i>Алехин А. Н.</i> Социокультурная динамика психологической науки в аспекте экспертных решений	33

ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ: НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Богданова Т. В.</i> Нарративный анализ текста в рамках судебной экспертизы	40
<i>Волкова М. А., Пруель Н. А.</i> Социологические подходы к понятию «экспертные сообщества»	45

<i>Данилова Н. А., Елагина Е. В., Николаева Т. Г.</i> Назначение судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: некоторые проблемы нормативной регламентации.	53
<i>Ильина В. А.</i> Судебно-психологическая экспертиза по показаниям участников уголовного судопроизводства как вид гуманитарной экспертизы.	63
<i>Комиссарова Я. В.</i> К вопросу о выборе эксперта при назначении судебно-психологической экспертизы материалов экстремистского содержания	67
<i>Свободный Ф. К.</i> Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии: понятийный аппарат и диагностические возможности	73
<i>Петрова И. В.</i> Экспертная практика в социологическом исследовании современных социальных проблем	79
<i>Погасий А. К.</i> Еще одна загадка российского правосудия: антиэкстремистскую книгу признали экстремистской	87
<i>Салахутдинова Р. Х.</i> Социология в практике судебной экспертизы по уголовным делам экстремистской направленности.	96
<i>Тепляков О. В.</i> Использование научного потенциала террологии в процессе изучения экстремистской среды	103
<i>Фролова Ю. Н.</i> Практические аспекты столкновения понятий в рамках изучения проблем сепаратизма	109
<i>Шуванов И. Б., Новикова С. С., Церекидзе Я. В.</i> К вопросу о диагностике вербальных и невербальных признаков достоверности информации на основе видеозаписи следственных мероприятий при экспертизе по делам об экстремизме	113

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

<i>Вассоевич А. Л.</i> Экспертная оценка течений в радикальном исламе	118
<i>Гайдуков А. В.</i> Экспертная оценка состояний неоязыческих объединений на Северо-Западе России.	124
<i>Головушкин Д. А.</i> Фундаментализм: проблема дефиниций, измерений и векторов	130
<i>Горюнов А. П.</i> Государственная религиоведческая экспертиза при регистрации религиозной организации езидов на примере Ярославской области.	136

<i>Крюков Д. О.</i> Религиоведческая экспертиза в Российской Федерации: проблема источников и методов (методологические основы религиоведческой экспертизы)	143
<i>Мусина Д. Р.</i> Экспертное исследование текстов религиозного характера по делам об экстремизме в рамках судебной религиоведческой экспертизы в Республике Казахстан.	145
<i>Сироткин П. Ф.</i> Государственная религиоведческая экспертиза в Пермском крае	151
<i>Смирнов М. Ю.</i> Религиоведение: научная работа как экспертная деятельность	157
<i>Щукина Е. Л.</i> К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях и практике религиоведческой экспертизы в Ростовской области.	163
<i>Тамбовцев Ю. В.</i> Феномен русского ислама: проблемы исследования	170
<i>Шошин С. В.</i> Некоторые проблемы религиоведческой экспертизы. . .	173

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Колотов В. Н.</i> Актуальные проблемы региональной безопасности на ближних и дальних рубежах России	179
<i>Субетто А. И.</i> Прогноз ноосферно-геополитической трансформации мира	184

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ГУМАНИТАРНОЙ ПРАКТИКЕ

<i>Абишева Н. А.</i> Психологические корни деструктивного религиозного поведения	210
<i>Бизюкова Е. С.</i> Психосемантический анализ терминов, используемых для описания сексуального деликта	217
<i>Кирюхина Е. В., Емельянова Ю. М.</i> Актуальные вопросы психолого-лингвистической экспертизы по уголовным делам экстремистской направленности	220
<i>Волкова Е. Н.</i> Экспертиза в деятельности практического психолога образования	226
<i>Григорьева О. А.</i> Формирование объединенного Экспертного совета по гуманитарно-художественному образованию в пространствах Петровской академии наук и искусств и АНО ВО «Международная академия искусств»	231

<i>Малкова Е. Е.</i> Опыт разработки и апробации алгоритма проведения гуманитарной экспертизы эффективности социально-психологических услуг в сфере реабилитации детей с особыми возможностями здоровья (ОВЗ)	239
<i>Лактионова Е. Б.</i> Психологическая экспертиза образовательной среды: теоретико-методологический аспект	247
<i>Черкасова Е. С., Алёхин А. Н.</i> Психологические и личностные детерминанты экстремистской деятельности: понимание и возможности установления.	252

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Праневич А. А., Гайдуков А. В.</i> Проект «Я учусь в многоконфессиональном Санкт-Петербурге».	257
Резолюция международной научно-практической конференции «Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук» 22–23 марта 2019 года, Санкт-Петербург.	262
Сведения об авторах	264

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

22–23 марта 2019 года состоялась международная научно-практическая конференция «Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук», проведенная Оргкомитетом под руководством председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина.

Организаторами конференции выступили: Петровская академия наук и искусств (ПАНИ), Санкт-Петербургская академия Следственного комитета России и Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

В конференции приняли участие ученые ПАНИ во главе с президентом академии А. В. Воронцовым, преподаватели РГПУ им. А. И. Герцена, представители подразделений центрального аппарата Следственного комитета Российской Федерации, руководители и сотрудники следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации, слушатели учебных потоков института повышения квалификации Следственной академии, сотрудники подразделений МВД, прокуратуры, судебных органов, научные и педагогические работники юридических вузов Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, Республики Казахстан (и других стран), религиозных и иных общественных организаций.

Приветственная телеграмма председателя Оргкомитета конференции, руководителя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина была оглашена ректором Санкт-Петербургской академии Следственного комитета генерал-лейтенантом юстиции А. И. Ефремовым.

В своем выступлении А. И. Ефремов, в частности, отметил, что конференция — это первый научный форум такого масштаба, проходящий на новой площадке Академии. В зданиях, отнесенных к объектам культурного наследия страны, в XIX–XX веках располагалась Александровская военно-юридическая академия, преемницей традиций которой по праву считается Санкт-Петербургская академия Следственного комитета.

Советник ректора РГПУ им. А. И. Герцена В. В. Лукьянов огласил текст приветствия ректора РГПУ им. А. И. Герцена С. И. Богданова.

С приветствием также выступил секретарь экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Главном управлении Минюста России по Санкт-Петербургу В. Ю. Бирюков.

Пленарное заседание форума включало разносторонние доклады, охватывающие основные тематические направления конференции.

Роль и деятельность Петровской академии наук и искусств в экспертной сфере, а также актуальные вопросы методологии современной экспертизы раскрыл президент ПАНИ А. В. Воронцов с докладом: «Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук».

Доказательственному значению судебной экспертизы по уголовным делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, был посвящен доклад заместителя руководителя ГСУ СК России по Санкт-Петербургу П. А. Камчатного.

Опыт организации экспертной деятельности в Казахстане поделился главный эксперт Института судебных экспертиз по городу Алматы Центра судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан А. Э. Сванкулов, выступивший на тему: «Использование лингвистических знаний в судебной экспертизе».

О современных достижениях лингвистики в экспертной деятельности рассказала доцент кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета В. В. Васильева в докладе «Медиалингвистические принципы организации экспертного исследования».

Актуальной проблематикой организации и проведения религиоведческих экспертиз поделился председатель совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при управлении Минюста России по Ленинградской области, заведующий кафедрой истории религии и теологии Герценовского университета А. М. Прилуцкий, выступивший с темой «Методологические проблемы религиоведческого экспертного исследования».

Проблемные вопросы научно-психологического характера в своем сообщении «Социокультурная динамика психологической науки в аспекте экспертных решений» отразил заведующий кафедрой клинической психологии и психологической помощи Герценовского университета А. Н. Алёхин.

Пленарное заседание и первая часть конференции была завершена обзором дел и материалов, поступающих на комплексную судебную психолого-лингвистическую экспертизу экспертам системы Министерства юстиции России, проведенным государственными судебными экспертами Федерального бюджетного учреждения «Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации» А. С. Медведевой и С. В. Балыбердиной.

Во второй части работа конференции на площадке Санкт-Петербургской академии продолжилась в двух секциях.

Первую из них — «Экспертная деятельность по делам об экстремизме: научно-методические проблемы» — возглавили исполняющий

обязанности Ученого секретаря Академии С. Ю. Мелихов и старший научный сотрудник научно-исследовательского института Академии С. В. Кузнецов.

Заседание второй секции «Психологическая экспертиза в гуманитарной практике» было проведено под руководством директора Института психологии РГПУ им. А. И. Герцена Е. Н. Волковой и заведующего кафедрой клинической психологии и психологической помощи А. Н. Алёхиным.

Большой интерес вызвала прошедшая в два этапа секция, посвященная разнообразным проблемам религиоведческой экспертизы (руководители: доцент кафедры истории религии и теологии Д. А. Головушкин и заведующий кафедрой философии ЛГУ им. А. С. Пушкина профессор М. Ю. Смирнов).

Крайне актуальные темы (включая вопросы евразийской дуги нестабильности) были рассмотрены на секции «Геополитические аспекты экспертной деятельности» под руководством профессора А. И. Субетто и профессора В. Е. Семенова.

Секционные заседания сопровождались активной научной дискуссией и обменом мнениями.

Для участников и гостей конференции в помещениях Академии Следственного комитета были организованы выставочные экспозиции художников-членов Петровской академии наук и искусств по тематике «Блокада Ленинграда» и «Возникновение российской государственности».

Итогом научно-практического обобщения прозвучавших в рамках форума идей стала выработка его участниками резолюции, которая опубликована в виде отдельного программного документа.

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Приветствие председателя Оргкомитета конференции,
председателя Следственного комитета Российской
Федерации, доктора юридических наук
А. И. Бастрыкина

Ф.ТГ-17	
 ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА	
Примем: <u>20.03.16</u>	Для заметок адресата
Бланк № 0396	
Повинял: <u>[Signature]</u>	

Т Е Л Е Г Р А М М А

МОСКВА 207590/1 94 20/3 1639=

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ НАБ.Р.МОЙКИ Д.96
РЕКТОРУ ФГКОУ "САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ"
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ
ЕФРЕМОВУ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ=

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ВСКЛ
ОТ КОЛЛЕКТИВА СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ОТ СЕБЯ ЛИЧНО СЕРДЕЧНО ПРИВЕТСТВУЮ УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ "ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК".
ПРОВОДИМАЯ В СТЕНАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО
КОМИТЕТА СОВМЕСТНО С ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК И ИСКУССТВ
И РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПЕДАГОГИЧЕСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА КОНФЕРЕНЦИЯ - БОЛЬШОЕ СОБЫТИЕ ДЛЯ НАС. СЕГОДНЯ ВАМ
ПРЕДСТОИТ ОБСУДИТЬ ВАЖНЕЙШИЕ ВОПРОСЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ - ОСОБЕННОСТЯМ И ТОНКОСТЯМ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ,
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ БАЗЫ, РАЗРАБОТКЕ НАУЧНО-
КОРРЕКТНЫХ МЕТОДОВ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. УЖЕ ПРОДЕЛАНА БОЛЬШАЯ
НАУЧНАЯ РАБОТА, К ОБСУЖДЕНИЮ ВЫНЕСЕНЫ САМЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ И НАСЛУШНЫЕ
ТЕМЫ, ЗАТРОНУТЫ РАЗЛИЧНЫЕ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. УБЕЖДЕН, ЧТО
КОНФЕРЕНЦИЯ "ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК"
ПО ПРАВУ СТАНЕТ СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУССИОННОЙ ПЛОЩАДКОЙ, ПОЗВОЛЯЮЩЕЙ
ОБСУЖДАТЬ САМЫЕ ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ,
ПРАВООТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ.
К СОЖАЛЕНИЮ, В СВЯЗИ СО СЛУЖЕБНОЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ НЕ МОГУ
ПРИСУТСТВОВАТЬ НА МЕРОПРИЯТИИ. ПОЗВОЛЬТЕ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОЖЕЛАТЬ
ВАМ И ВСЕМ УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ИНТЕРЕСНЫХ ОТКРЫТИЙ, ПРОДУКТИВНОГО ДИАЛОГА, ВДОХНОВЕНИЯ И НОВЫХ
ПОБЕД ВО ИМЯ НАУКИ ВСКЛ
С ГЛУБОКИМ УВАЖЕНИЕМ=
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГЕНЕРАЛ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ А.И. БАСТРЫКИН-

НННН 1640 20.03 0044

Приветствие ректора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктора филологических наук С. И. Богданова

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Глубокоуважаемые коллеги!

Я рад приветствовать участников конференции, посвящённой проблемам экспертной деятельности в сфере гуманитарных наук, актуальность и своевременность которой не вызывает сомнений.

Глобальные перемены во всех сферах жизни нашей страны, связанные с социально-экономическими и политическими преобразованиями, с научно-техническим прогрессом в области компьютерных технологий и новых коммуникационных возможностей, сказались и на практике экспертных исследований, в том числе и в области гуманитарных наук. Проведение экспертных исследований в современных условиях становится сложным научно-исследовательским процессом, требующим от эксперта высокой компетентности, владения современными технологиями и методами исследований, комплексного видения соответствующих проблем.

В связи с этим становится особо актуальной подготовка квалифицированных экспертов, не только обладающих профессиональной компетентностью, но и соответствующих самым высоким этическим стандартам. Герценовский университет работает именно в этом направлении, осуществляя подготовку правоведов, филологов, религиоведов, социологов и других востребованных специалистов. Достижению этой цели во многом способствует сотрудничество Герценовского университета с другими ведущими вузами, в том числе с Санкт-Петербургской академией Следственного комитета, с которой мы заключили договор о сотрудничестве. Сегодняшняя конференция является примером продуктивности такого сотрудничества.

Наша конференция интересна не только для ученых-теоретиков, но и для экспертов-практиков. В Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена создан и успешно функционирует Центр экспертиз, в работе которого активное участие принимают высококвалифицированные специалисты в различных областях знаний.

Современное гражданское, арбитражное, административное и уголовное судопроизводство также требует совершенствования правового регулирования общественных отношений в этих областях, использования специальных знаний во всех видах судопроизводства. Не случайно в программе конференции много докладов, подготовленных юристами.

Желаю всем участникам конференции успешной работы, конструктивных дискуссий по наиболее важным и сложным вопросам избранной тематики, результатом которых были бы предложения, реализованные в образовательной практике.

Ректор, профессор

A handwritten signature in black ink, consisting of a series of loops and a long horizontal stroke that curves upwards at the end.

БОГДАНОВ С. И.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ Международной научно-практической конференции «Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук»

Воронцов А. В.
(президент Петровской академии
наук и искусств)

Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук

Аннотация. В материале раскрываются ключевые аспекты современной экспертной деятельности. Рассмотрены различные направления экспертной деятельности ученых Петровской академии наук и искусств. Поставлены наиболее актуальные и острые вопросы, связанные с развитием экспертной деятельности в РФ.

Annotation. The material reveals the key aspects of modern expert activity. It is also devoted to different directions of expert activities of the scientists of the Petrovskaya Academy of Sciences and arts. The most topical and acute issues related to the development of expert activities in the Russian Federation are raised.

Ключевые слова: экспертная деятельность, экспертиза, гуманитарные науки, ПАНИ, компетенции, типология.

Key words: Expert activity, expertise, Humanities, PANI, competence, typology.

Глубокоуважаемый Александр Иванович, глубокоуважаемые члены президиума, дорогие друзья и коллеги!

Примите искренние поздравления с началом работы нашей конференции от Петровской академии и искусств (ПАНИ), насчитывающей около 6 тысяч ученых из Санкт-Петербурга, Москвы и многих других регионов страны, а также ближнего и дальнего зарубежья, в том числе Белоруссии, Казахстана, Армении, Украины, Китая и Сирии.

Академия объединяет ученых, представителей различных сфер науки, представителей культуры и искусства, общественных и государственных деятелей, труд которых направлен на развитие фундаментальной и прикладной науки, сохранение и улучшение качества жизни народа, обеспечение свободного творчества на благо людей, духовное возрождение и развитие России. Хочу особо отметить, что ПАНИ —

общественная научная организация непартийная, но стоящая на твердых государственно-патриотических позициях. Часто можно слышать, что в России нет господствующей идеологии, и что она не нужна. По мнению ученых ПАНИ, это не так. Есть такая идеология. Это — либеральная идеология, которая пронизывает экономическую сферу, культуру и иные сферы общественной жизни. Одновременно с этим существует и идеология, основанная на православных ценностях. В свое время внимание пользователей Интернета привлекло обращение ПАНИ к верующим и неверующим в защиту канонической Православной церкви на Украине. Вообще Православная Церковь является важным фактором, развития и укрепления русского мира и русского языка.

Ученые ПАНИ (особенно историческое отделение) дают отпор неоколлаборационизму в гуманитарных науках, в том числе попыткам реабилитации идеологии предательства и антигосударственной деятельности (и в частности попыткам реабилитировать предательство власовцев в годы Великой Отечественной войны; для более подробной информации смотри журнал «Медный Всадник» № 3–4 за 2018 год на сайте Петровской академии <http://петрани.рф>).

Есть и другие направления научных изысканий экспертов-ученых ПАНИ, в том числе в области катастрофического ухудшения экологической ситуации в мире и в России; продовольственной безопасности в нашей стране. Эти темы чрезвычайно актуальны, хотя и выходят за пределы тематики настоящей конференции. Тем не менее хочу подчеркнуть, что ученые ПАНИ откликнулись на Экологический манифест, который подписали более чем 15000 ученых из 84 стран мира, «Предупреждение человечеству» о том, что народы мира находятся на грани экологического самоубийства. Удивительно, что эта проблема не волнует политические элиты мира, да и в нашей стране нет должной озабоченности ни со стороны правительства, ни со стороны депутатов разных уровней, ни со стороны политических партий, в том числе левого толка. При этом учеными России и, в том числе Петровской академией, разработана концепция Ноосферного развития человечества, и России в частности. Эта концепция получила признание учёных из крупнейших научных центров России и мира.

Мы активно сотрудничаем с Санкт-Петербургской академией СК РФ и вместе с РГПУ им. А. И. Герцена уже провели ряд значимых научных форумов. Конференция, которая проходит сегодня в новом здании академии СК РФ, привлекла внимание большого количества ученых из разных регионов и в адрес Оргкомитета до сих пор поступают заявки ученых из различных регионов.

По существу, это — первая международная научно-практическая конференция, посвященная такой актуальной теме, как «Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук». Современная российская наука нуждается во всемерной поддержке со стороны государства и общественных институтов. Как неоднократно отмечал Президент нашей страны Владимир Владимирович Путин российская наука, в том числе высшая школа, призвана сыграть значимую роль в реализации стратегических целей долгосрочного управлении социально-экономическим развитием России.

Президент РАН А. М. Сергеев, бывший президент академии В. С. Фортов, выдающийся ученый-математик, член президиума РАН и Совета по науке и образованию при президенте РФ В. В. Козлов с горечью отмечают не востребованность результатов фундаментальных исследований российским бизнесом, вследствие его ориентации на «короткие» деньги и на «короткие» инвестиции из-за высокой процентной ставки.

Замечу, что, например, в Китае и Японии доля предпринимательства в финансировании фундаментальных исследований составляет порядка 70%, а в США и Германии — порядка 65%. В России же согласно экспертным оценкам этот показатель составляет 10–15%.

Сегодня гуманитарные науки переживают методологический кризис, наука субъективизируется. Одной из причин кризиса является доминирование технократизма в управлении наукой. При этом забывается завет Петра Великого при создании Российской академии наук «об объединении под одной крышей наук и искусств». Напомню, М. В. Ломоносов был не только великим естествоиспытателем и гуманитарием, но и творцом изящных наук. К сожалению, оптимизация в организации академической науки, образования и медицины обернулась снижением потенциала этих сфер в контексте жизнестойкости российского общества. Процесс этого снижения продолжается и входит в диссонанс с достижением сформулированных президентом целей и приоритетных задач по инновационному прорыву России. Нам жизненно необходимы сквозные образовательные научные программы, развитие междисциплинарных форматов на стыке гуманитарных и точных наук, привлечение выдающихся исследователей, как российских, так и зарубежных, обладающих знаниями и компетенциями в перспективных областях науки. Все это требует тщательной проработки, в том числе и на экспертном уровне, однако в настоящий момент следует признать слабую разработку методологии экспертизы по целому ряду направлений, а также отсутствие продвижения даже на тех направлениях, где такая методология существует. Далеко не в полной мере используется экспертная функция Российской академии

наук и Российской академии образования. Национальные программы, к сожалению, принимаются без экспертизы со стороны научного сообщества.

На мой взгляд, это во многом связано с проблемами в области развития российского образования. Безусловно, наша образовательная система не должна существовать в изоляции от мирового образовательного сообщества. Однако Болонский процесс в нашей стране проходил в форме «красногвардейской атаки» на образование без учета специфики страны, советского опыта в образовании, традиций отечественной школы. Мы ни экономически, ни организационно не были готовы к тому, чтобы 100% высших учебных заведений перевести на рельсы Болонского процесса. Отмечу, что и в западных странах, таких как Германия и Франция, к болонской системе перешли от 60 до 70% образовательных учреждений. В Германии Приложение об особой позиции по отношению к Болонскому процессу занимают три тома, а мы его приняли безоговорочно. На Западе широкие действительно демократические права в решении всех вопросов предоставлены самим университетам. В нашей стране подготовка специалистов, в том числе специалистов, готовых к экспертной деятельности, в настоящий момент существенно затруднена, что является серьезным препятствием на пути реализации обозначенных президентом задач. Не могут же нынешние бакалавры давать профессиональные экспертные оценки. Как в свое время заметил ректор МГУ В. П. Садовничий, по уровню своего образования они ближе к лаборантам, чем к специалистам.

В трудах ученых Петровской академии наук и искусств системно представлены соответствующая научная аргументация. В частности, речь идет о монографии известного в нашей стране и в мире ученого А. И. Субетто «Качество непрерывного образования в Российской Федерации. Состояние. Тенденции. Проблемы. Прогнозы».

Академики ПАНИ уделяют огромное внимание проблемам культуры. Действительными членами ПАНИ являются Александра Пахмутова, Василий Лановой, Владислав Чернушенко, Татьяна Доронина, Константин Плужников, Ольга Григорьева, Сергей Журавлев и многие другие. Активно работает отделение театра и музыки ПАНИ и отделение живописи, скульптуры и архитектуры. Наши художники представили сегодня выставку картин, посвященных войне и блокадной тематике. ПАНИ с беспокойством отмечает неудовлетворительное состояние музейного дела в западных странах. Воинствующий модернизм и постмодернизм с ориентацией на войну против памяти и традиций вытес-

няют из общего культурного пространства шедевры классической живописи, а также музыки и балета, и это — повсеместный процесс. Присутствующий здесь профессор А. М. Прилуцкий посетил недавно Лувр и с возмущением говорит о том, что весь первый этаж отдан безвкусице постмодернизма с большим уклоном в сторону порнографии. К сожалению, это все больше проявляется и у нас, и сегодня данной проблеме будут посвящены несколько докладов в секциях. Об этом будут говорить на секциях известные деятели культуры А. Ф. Полозов, Л. М. Грабко и др.

Ученые Петровской академии наук и искусств активно работают над исследованием ряда других проблем, которые относятся к сфере экспертной деятельности и, в той или иной степени, будут рассмотрены на нашей конференции. Позволю себе перечислить их в «телеграфном режиме», понимая, что одной конференции здесь мало:

1. Проблема соотношения экспертизы и науки. Является ли экспертиза в социально-экономической общественной жизни одной из форм научного исследования? Отвечу: естественно — «да», и убежден, что в работе нашей конференции это положение будет раскрыто.

2. Что представляет собой экспертное сообщество? Как оно соотносится с институтом науки и профессиональным сообществом? Является ли экспертное сообщество частью научного сообщества? Безусловно — «да», и в некоторых докладах на пленарном заседании и в рамках секций эта проблема будет рассмотрена.

3. Является ли экспертная деятельность профессиональной компетенцией культурологов, социологов, экономистов, юристов и правоведов, лингвистов, историков, политологов, психологов, религиоведов и других профессий. Если «да», то тогда должны быть сформулированы требования к развитию фундаментального образования в системе высшей школы.

4. Проблема оценки качества уровня подготовки экспертов (квалиметрия экспертов и экспертиз). Сошлюсь на монографию А. И. Субетто «Квалиметрия человека и образования» (2016 г.). Напомню, что эта проблема явилась предметом обсуждения на XI симпозиуме «Квалиметрия в образовании: методология, методика и практика» (2006 г.), в котором активное участие приняли ученые ПАНИ.

5. Проблема сложности объекта экспертизы. Например, полигенезис экстремизма (разные причины проявления экстремизма: религиозный экстремизм, национальный экстремизм, политический экстремизм, социокультурный экстремизм и др.).

6. Проблема истинности итогов и типология экспертизы. В докладе профессора А. М. Прилуцкого эта тема будет конкретизирована.

7. Проблема соотношения общезначимости и объективности итогов экспертизы. Эта тема активно обсуждается в гуманитарных научных кругах. Думаю, что она и подвигла председателя нашего Оргкомитета А. И. Бастрыкина провести конференцию со столь актуальной тематикой.

8. Проблема заказчика экспертизы. Вопросы договора на экспертное заключение и т. д.

9. Рынок экспертных услуг как генератор фальсификации качества выводов экспертизы и, как результат, падение общественного доверия к итогам экспертизы. Нам нужно ответить на вопросы, что делать в этих условиях, какие меры для исправления данной ситуации мы можем предпринять.

10. Фундаментально-прикладной характер экспертно-аналитических оценок и заключений. Раскрытие этого пункта опирается на методологические достижения науковедения, где поднимаются вопросы фундаментальных и прикладных исследований.

11. Этос науки и этос экспертов.

12. Экспертиза со стороны неформальных экспертов-блогеров. Сетевые экспертные сообщества в России (~ 5000 чел.; закрытый состав). Рост роли общественных оценок в Интернете. Данное явление служит почвой для формирования псевдоэкспертной субкультуры. Возникает необходимость государственно-общественной аттестации экспертов и создания института научной экспертизы.

13. Соотношение научных прогнозов и экспертиз тенденций исторического развития.

14. Коммерческая и политическая ангажированность экспертиз. Проблема зависимости экспертов от заказчиков и лоббирующих сил.

Убежден, что перечисленные выше проблемы должны привлечь пристальное внимание ученых самых разных научных профилей. Таким образом, настоящая конференция — это только начало длинного пути. Предлагаю сделать нашу конференцию инструментом мониторинга ситуаций экспертизы в сфере гуманитарных наук. Кроме того, считаю, что экспертная оценка актуальных проблем современного российского общества и социальных рисков, а также, принимая во внимание задачу формирования полноценного гражданского общества, предлагаю провести отдельную конференцию, посвященную теме — «Патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи как фактор противодействия деструктивным субкультурам».

Спасибо за внимание!

Использование лингвистических знаний в судебной экспертизе: сравнительный анализ

Svankulov A.

The use of linguistic knowledge in forensics. Comparative analysis

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования лингвистических и психологических знаний в судебно-экспертной деятельности, проводится сравнительный анализ лингвистических и психологических исследований в Республике Казахстан и Великобритании, а также выделяются наиболее актуальные проблемы и возможные пути их решения.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, дискурс, психолого-филологическая экспертиза, судебное автороведение, продукты речевой деятельности, лингвистические исследования, психологические исследования.

Annotation. The proposed article examines the use of linguistic and psychological knowledge in the forensic activity, a comparative analysis of linguistic and psychological research in the Republic of Kazakhstan and the UK, designates current problems and their possible solutions.

Key words: forensic linguistics, discourse, forensic authorship, the products of speech activity, linguistic research, psychological research.

Лингвистическая экспертиза — один из новых видов экспертных исследований, который основывается на применении лингвистических знаний в судебно-экспертной деятельности. Часто данное направление называют юридической лингвистикой или юридическим дискурсом.

Использование филологических знаний впервые было внедрено в практику судебной экспертизы Казахстана в 1999 году в виде комплексного психолого-филологического исследования текстов. С тех пор оно прошло несколько этапов своего развития и на сегодняшний день представляет собой самостоятельный и полноценный вид судебной экспертизы.

За указанный период развития в Казахстане были разработаны методические пособия по проведению экспертных исследований лингвистического направления, сформирована научная и учебно-методическая база, опубликовано множество научных статей прикладного характера.

В 2015 году структура психолого-филологической экспертизы была реформирована, в результате чего на основе комплексной судебной психолого-филологической экспертизы сформировался новый самостоятельный вид — судебная религиоведческая экспертиза. На сегодняшний день имеется необходимость выделения таких новых видов

судебных экспертиз, как судебная лингвистическая экспертиза и судебная психологическая экспертиза. Это, на наш взгляд, позволит расширить и упорядочить возможности использования данных филологии и психологии в судебно-экспертной деятельности.

Выделяются следующие направления лингвистических исследований, наиболее актуальные в правоохранительной и экспертной практике:

- 1) экспертиза спорных речевых произведений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации;
- 2) экспертиза речевых произведений по обвинению в экстремистской деятельности, а также по обвинению в возбуждении расовой, религиозной, национальной и социальной ненависти и вражды;
- 3) лингвистическая экспертиза рекламных текстов и договоров;
- 4) лингвистическая экспертиза товарных знаков;
- 5) исследование устной разговорной речи при расследовании дел, связанных с пропагандой экстремизма и терроризма, при расследовании коррупционных преступлений, мошенничества, вымогательства и так далее.

Лингвистическая экспертиза в Республике Казахстан на современном этапе развития тесно связана с другими видами судебных экспертиз. Например, лингвистические знания активно используются при проведении судебной видеофонографической экспертизы, когда стоит задача идентифицировать говорящего по устной речи, записанной на фонограмме. Также лингвистические знания используются в автороведческой экспертизе, когда возникает вопрос об установлении авторства анонимного письменного или устного текста, характеристике автора с точки зрения уровня образованности, пола, места проживания и так далее. Кроме того, лингвистические знания используются в судебной психолого-криминалистической экспертизе в процессе решения вопроса о заученности речи обвиняемого либо свидетеля во время допроса, другого следственного действия.

Сравнительный анализ экспертной практики в сфере использования лингвистических знаний в зарубежных странах, в частности в Великобритании, свидетельствует, что содержание и возможности лингвистической экспертизы, фактически, аналогичны экспертной практике Казахстана и России: актуальными являются те же направления лингвистических исследований, которые были указаны выше, решаются те же вопросы и задачи.

Вместе с тем формы использования лингвистических знаний в судебно-экспертной системе Великобритании выглядят несколько иным образом.

Одной из особенностей использования лингвистических знаний в судебно-экспертной системе Великобритании является то, что лингвистические экспертизы проводятся, как правило, не в экспертных

учреждениях, а в научных образовательных центрах гуманитарной направленности. Лидирующие позиции в этой сфере занимают такие учреждения, как the University of York, The Centre for Forensic Linguistics at Aston University, Forensic linguistics institute и другие, в которых имеются Department of Language and Linguistic Science.

Использование лингвистических знаний в судебной экспертизе Великобритании сконцентрировано в одном роде судебных экспертиз под названием forensic speech. Данный род подразделяется на несколько видов экспертных исследований, базирующихся на применении лингвистических знаний. Рассмотрим основные из них подробнее:

- 1) судебное автороведение (forensic authorship) является одним из основных видов экспертных исследований, которое базируется на применении лингвистических знаний. В рамках данного вида решаются такие задачи, как определение авторства устного или письменного текста, определение индивидуальных особенностей автора (возраст, образование, религиозные, политические взгляды, профессия, место проживания, национальность, пол и другое). При проведении автороведческих исследований используются данные самых различных разделов языкознания: лексикологии, диалектологии, семантики, синтаксиса и др.;
- 2) судебная фонетика (forensic fonetics) фокусируется на решении задач идентификации говорящего по устной речи. Как видно из названия этого вида судебной экспертизы, здесь в основном используются данные таких разделов языкознания, как фонетика и фонология;
- 3) судебная стилистика (forensic stylistics). Это направление лингвистических исследований направлено на определение смыслового значения тестов и выявление в их содержании признаков плагиата. Объектами исследования в этом случае являются различные текстовые произведения. Судебная стилистика в настоящее время приобретает все более актуальное значение, что связано с необходимостью защиты прав интеллектуальной собственности. Отметим, что в Казахстане задачи, решаемые в рамках судебной стилистики, относятся к компетенции автороведческого исследования;
- 4) дискурс-анализ (discourse analysis). Данное направление лингвистических исследований, с нашей точки зрения, является одним из обширных и перспективных. Дискурс-анализ разговоров имеет дело с анализом письменного, устного текста в совокупности с невербальными средствами коммуникации (жесты, мимика), то есть основным объектом исследования является дискурс, речь в контексте жизненных событий. Данное исследование может решать задачи по определению коммуникативных ролей собеседников, интенции говорящего, задачи по определению в разговоре угроз, вымогательства, скрытого смысла.

Также часто дискурс-анализ проводится при расследовании дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

В рамках лингвистических экспертных исследований в учреждениях Великобритании решаются также задачи по установлению заученности текста. В частности, на подобных исследованиях фокусируется Институт судебной лингвистики. При этом определение заученности текста, его подготовленности проводится только на основании лингвистических знаний. Данное положение считаем обоснованным, так как анализ только невербальной информации не является продуктивным. Необходимо анализировать речь подозреваемого, свидетеля с точки зрения лингвистики, поскольку объект исследования является продуктом речевой деятельности.

По результатам исследования форм и методов использования лингвистических знаний в судебной экспертизе, проведя сравнительный анализ состояния судебной лингвистической экспертизы в Казахстане, можно констатировать следующее. Несмотря на значительный прогресс в развитии судебной лингвистической экспертизы в Казахстане, существует ряд проблемных вопросов, основным из которых, на наш взгляд, является то, что до настоящего времени не определено место лингвистической экспертизы в общей классификации судебных экспертиз, то есть нет четких границ ее компетенции.

В сегодняшнем виде судебная лингвистическая экспертиза не входит ни в один из общепринятых классов судебных экспертиз. В отличие от Казахстана, в России существует новый род так называемых речеведческих экспертиз, в Великобритании экспертные лингвистические исследования сконцентрированы в роде *forensic speech*. С целью решения классификационного вопроса предлагается внедрение нового класса экспертиз продуктов речемыслительной деятельности, рода речеведческих экспертиз, включить в его состав такие виды экспертиз, как лингвистическая экспертиза, автороведческая экспертиза, фонографическая экспертиза, экспертиза словесных обозначений товарных знаков.

Список литературы

1. *Adler J. R., Gray J. M.* Forensic Psychology concepts, debates and practice // Routledge Taylor and Francis Group, London and New York. 2011.
2. *Coulthard R. M.* Author identification, idiolect, and linguistic uniqueness. *Applied Linguistics*. 2004. 25(4).
3. *Coulthard R. M.* Whose Voice Is It? Invented and Concealed Dialogue in Written Records of Verbal Evidence Produced by the Police, *Language in the Legal Process* /edited by Janet Cotterill. 2002.
4. *Coulthard R. M., Johnson A.* An Introduction of Forensic Linguistics: language in evidence. London and New York: Rutledge, 2007.

5. *Shuy R. W.* Dialect as Evidence in Law Cases // Journal of English Linguistics. 1995. Vol. 23(1/2). P. 195–208.
6. *Shuy R. W.* To Testify or Not to Testify? // Language in the Legal Process / edited by Janet Cotterill. 2002. P. 3–19.
7. The Cambridge handbook of forensic psychology / ed. by J. M. Brown, E. A. Campbell. Cambridge University press, 2010.
8. The use of textual, grammatical and sociolinguistic evidence in forensic text comparison. 2010. Vol. 17. № 2: 211–250 of The International Journal of Speech, Language and the Law. URL: <http://www.sudexpert.ru/possib/lingv.php>.
9. *Tiersma P. M.* The Language and Law of Product Warnings // Language in the Legal Process /edited by Janet Cotterill. 2002. P. 54–75.
10. *Акашев А. Б.* Судебно-психологическая экспертиза в гражданском судопроизводстве. Усть-Каменогорск, 2003.
11. *Нагаев В. В.* Основы судебно-психологической экспертизы. М., 2000.

Васильева В. В., Редькина Т. Ю.

Медиалингвистические принципы в организации экспертного исследования

Vasilyeva V. V., Redkina T. Yu.

Medialinguistic principles for the organization of expert research

Аннотация. Авторы обосновывают необходимость использования медиалингвистического анализа при проведении лингвистической экспертизы текста для юридических целей. На примерах реальных экспертиз показаны исследовательские инструменты, такие как интенциональность, поликодовость, гипертекстуальность и presupпозиции аудитории.

Annotation. The authors substantiate the need for medialinguistic analysis of the text when it is examined for the purpose of administration of the law. The examples of real expert texts are used to demonstrate the research tools, such as intentionality, code multiplicity, hypertext environment and audience's presuppositions.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, медиатекст, медиалингвистика, интенциональность, поликодовость, гипертекстуальность, presupпозиция.

Key words: linguistic examination, media text, medialinguistics, intentionality, code multiplicity, hypertext environment, presupposition.

Задачей лингвистического экспертного исследования является, в первую очередь, научно обоснованный и подготовленный с использованием релевантных методик ответ на поставленные перед экспертом вопросы. Однако можно утверждать, что у лингвистической экспертизы есть

и другая, возможно не менее важная, задача — представить результаты анализа текста (шире — информационных материалов) таким образом, чтобы людям, не владеющим специальными лингвистическими знаниями, стали понятны особенности смысловой организации и коммуникативной направленности текста, а также его дискурсивный статус, даже если в качестве объекта исследования эксперту предложен не весь текст, а его фрагменты.

Таким образом, общая коммуникативно-семантическая характеристика текста или гипертекста, более или менее полная, является обязательной частью текста экспертизы. Подход к любому тексту или фрагменту текста как, выражаясь языком Ф. де Соссюра, к «продукту и орудию» конкретной коммуникативной ситуации, представленной в рамках определенной дискурсивной практики, является одним из основных принципов медиалингвистики [5].

Сказанное приобретает особую остроту как методологическая проблема при экспертизе медиатекстов — опубликованных информационных материалов (книг, брошюр, высказываний в ходе интернет-коммуникации, произведений различных жанров в СМИ), адресатом которых является неопределенно широкий круг лиц. Медиатекст рассматривается в медиалингвистике как «социальное коммуникативное действие, осуществляемое в рамках того или иного вида речевой деятельности» [4: 74], как действие направленное, реализующее определенные интенции (направленность текста), находящееся во взаимодействии с другими медиатекстами (см., например, гипертекст в [7, 10]).

Как всякое коммуникативное действие медиатекст рождается и воспринимается в рамках определенной коммуникативной ситуации. Отметим, что в качестве элемента коммуникативной ситуации медиалингвистика рассматривает также пресуппозицию (фоновые знания, апперцепционную базу) адресата, без которой невозможно как понимание содержания текста, так и конструирование его смысла, при этом под содержанием понимается информация, конвенционально связанная с речевыми (языковыми) единицами текста, а под смыслом — информация, связанная с речевыми (языковыми) единицами текста в сознании конкретного адресата (или говорящего) в определенный момент времени [6: 8–13]. При этом медиатекст является носителем разнородной информации, которая формируется текстовыми компонентами разной семиотической природы (вербальными, визуальными, аудиальными), что определяется как поликодовость — одно из онтологических свойств медиатекста, гетерогенность его формы [3: 88]. По количеству взаимодействующих семиотических систем, в которых используется разнородный знаковый материал, поликодовые тексты весьма различны [2]. Однако ключевым для всех медиатекстов

является наличие взаимодействия. На это в свое время обратил внимание Р. Барт: «В телевидении, кино, в рекламе возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображения, звука и начертания знаков» [1: 124]. Понятно, что экспертное исследование медиатекста включает и анализ его поликодовой организации. Важно при этом, что медиатекст выступает как единое структурное, смысловое и функциональное целое, так как он нацелен на комплексное воздействие на адресата. В рамках одного медиатекста могут быть реализованы не все потенциально возможные гетерогенные компоненты — это зависит от конкретной коммуникативной задачи, реализуемой данным медиатекстом: поликодовые составляющие вычлняются в медиатексте для исследовательских целей.

Обратившись к опыту конкретных экспертиз, покажем, что игнорирование в экспертном исследовании коммуникативной интенции текста как инструмента определенной профессиональной деятельности, отраженной, в частности, в речевом жанре, может привести эксперта к ошибочным утверждениям. Рассмотрим лингвистическую экспертизу, объектом исследования в которой выступали переведенные на русский язык проповеди американского протестантского проповедника Б. Текст каждой проповеди был издан в виде отдельной брошюры и сопровождался указанием жанра, места и времени произнесения проповеди; в текстах также встречались ремарки, сообщавшие о некоторых действиях проповедника и паствы во время проповеди. Эксперт-лингвист, проводивший исследование, указал, что основной интенцией данных текстов является информирование адресата; в качестве аргумента он привел высказывания из текста, представляющие собой репрезентативы.

По Дж. Р. Серлю, репрезентативы являются одним из типов иллокутивных (речевых) актов, наряду с директивами, коммисивами, экспрессивами и декларациями, при этом целью некоторых иллокуций, в частности репрезентативов, является сделать так, чтобы слова соответствовали миру, в то время как другие иллокуции имеют целью сделать так, чтобы мир соответствовал словам [9]. В тексте проповеди могут присутствовать информирующие иллокуции (репрезентативы), но не они, однако, определяют ее интенциональность, поскольку коммуникативная интенция проповеди как профессионального церковно-религиозного речевого жанра — воздействие, ядро проповеди — дидактический жанр поучения (назидания), иллокутивная цель проповедника — привить адресату определенные стереотипы правильного для данной религии поведения и скорректировать возможные отступления от нормы [8], а не проинформировать о положениях той или иной религии, чем и отличается, например, обращение Ага-хана IV к своим единоверцам от университетской лекции, посвященной религии мусульман-исмаилитов.

Таким образом, эксперт, охарактеризовавший переведенные на русский язык тексты проповедей американского протестантского проповедника Б. как тексты информирующие, не учел особенностей коммуникативной ситуации, связанной с данными текстами, и неверно оценил их роль в современном российском публичном коммуникативном пространстве, что, в свою очередь, могло послужить поводом к судебной ошибке, поскольку, как уже было сказано, общая коммуникативно-семантическая характеристика анализируемых текстов в экспертизе отсутствовала.

К ошибочным выводам может привести игнорирование хронотопа (пространственно-временных параметров) коммуникативной ситуации, элементом которой является текст, а также характера адресата текста и имеющихся у него пресуппозиций.

Обратимся к опыту еще одной экспертизы, объектом исследования в которой выступали все те же переведенные на русский язык проповеди американского протестантского проповедника Б. Эксперт определил целевую аудиторию текстов проповедей как американцев середины XX века, хорошо знакомых с протестантской религиозной традицией, допустив тем самым подмену адресата и объекта исследования. Тексты на русском языке, появившиеся в России в XXI веке, не могли быть адресованы американцам середины XX века: их аудиторией являются русскоязычные граждане, мало сведущие в протестантизме, поскольку он не является широко распространенной на территории Российской Федерации формой христианства. Еще одним проявлением игнорирования пресуппозиций реального адресата текста стало утверждение эксперта о том, что данные тексты представляют собой памятники религиозной мысли (полемики). Однако имя проповедника Б., человека, не имевшего какой-либо богословской подготовки и считавшего себя пророком, до сих пор известно в России только ограниченному кругу специалистов. Если встать на точку зрения эксперта, то, чтобы адресат (неопределенно широкий круг лиц) смог увидеть в сочинениях Б. памятники религиозно-философской мысли, необходимо было снабдить тексты предисловиями и издать их в менее убогом полиграфическом оформлении, которое выполняло бы функции индексального знака и указывало бы на то, что представленные тексты обладают общественно признанной социальной и духовно-нравственной значимостью.

На примере еще одной экспертизы покажем важность вычленения текстовых компонентов различной семиотической природы. Одним из вопросов, поставленных перед экспертом, был вопрос о наличии негативной информации о ком-либо, а также задача определить, в чей адрес направлена негативная оценка, если таковая выражена в медиатексте. Практика показывает, что объектом экспертного анализа чаще всего

являются материалы, размещенные на интернет-странице, где кроме традиционных визуальных компонентов (фотографий, рисунков) имеются и вербальные элементы, дистантно расположенные относительно основного текста, представленного для исследования. Такими дистантными элементами могут быть активные ссылки для перехода на другие тексты или страницы (слова и словосочетания, выделенные цветом и реагирующие при наведении на них курсора). При медиалингвистическом анализе эксперт рассматривает все видимые фрагменты страницы как компоненты медиатекста, а слова-ссылки (метки) являются тематическими тегами (формируют ключевые слова, по которым можно найти тексты данной темы) и навигационными тегами (показывают место данного текста в структуре сайта). Судя по навигационным тегам в приводимом примере текст был размещен на четвертом структурном уровне сайта под меткой «Новости»; переход на третий уровень объединяет тексты под меткой «Мошеничество в ЖКХ», переход на второй уровень — «Прокуратура N-ского района», переход на первый уровень открывает главное тематическое поле сайта — «Генеральная прокуратура...». Переход по навигационным тегам позволяет эксперту установить, что объектом негативной авторской оценки (сама оценка выявлялась собственно лингвистическими методами) в анализируемом тексте является не только названное по имени и фамилии лицо, но также деятельность тех организаций, которые указаны в информационных тегах, и сам текст использован в этом случае как пример критикуемой деятельности.

Таким образом, можно сформулировать важнейшее требование к организации экспертного исследования медиатекста: анализировать текст с учетом его медийных свойств (интенциональность, поликодовость, гипертекстуальность, особый характер адресата и его пресуппозиции). Принципы классической филологии, сыгравшие огромную роль в развитии литературоведения и лингвистики, но сформировавшиеся в «до-дискурсный» период, когда текст представлял собой самодостаточный и самоценный объект исследования, не могут обеспечить успешного решения задач, стоящих перед лингвистической экспертизой, без использования достижений новых научных направлений, и в частности медиалингвистики.

Список литературы

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. *Большакова Л. С.* О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник СамГУ. 2008. № 4 (63). С. 19–24.
3. *Васильева В. В.* Поликодовость // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой; редкол.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М., 2018. С. 88–91.

4. Дускаева Л. Р. Медиатекст // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой; редкол.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М., 2018. С. 74–78.
5. Дускаева Л. Р. Метод (общий) праксиологии в медиалингвистике // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой; редкол.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М., 2018. С. 79–83.
6. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
7. Купер И. Р. Гипертекст как способ коммуникации // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 36–57.
8. Розанова Н. Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 341–363.
9. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 170–194.
10. Bolter J. D. The writing space: the computer, hypertext, and the history of writing. Hillsdale, New York, 1991.

Прилуцкий А. М.

Методологические проблемы религиоведческого экспертного исследования¹

Prilutskii A. M.

Methodological problems of expert research in the place of religious studies

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с методологией знания в области религиоведения. Особое внимание автор уделяет проблемам терминологии и определений основных религиозных понятий, связанных с деятельностью эксперта.

Ключевые слова: экспертиза, религиоведение, понятия, определения.

Annotation. The article deals with the problems associated with the methodology of expertise in the field of religious studies. The author pays special attention to the problems of terminology and definitions of basic religious concepts related to the activities of an expert.

Key words: expertise, religious studies, concepts, definitions.

¹ Данная публикация является дополненной версией статьи: Прилуцкий А. М. Религиоведческая экспертиза — проблема методологии // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего — наука молодых»: в 2 т.; под общ. ред. З. Х. Саралиевой. 2017. С. 293–297.

Религиоведческая экспертиза остается одной из наиболее дискуссионных форм экспертной деятельности. Отчасти это объясняется сравнительной «молодостью» религиоведческой экспертизы, отчасти тем методологическим кризисом, который переживает современное религиоведение. Ранее мне уже приходилось говорить о том, что отечественное религиоведение в целом работает в рамках описательной парадигмы: переход от методов наблюдения и описания к методам изучения в нем так и еще и не состоялся, и это не может не влиять негативно на религиоведческую экспертизу. Полагаю, мы имеем все основания говорить о том, что кризис методологии провоцирует иные кризисные явления, которые в итоге могут привести к кризису доверия.

Заключения экспертов-религиоведов, особенно в формате судебных экспертиз, часто приводят к эмоциональным дискуссиям в СМИ, иногда они реально раскалывают научное сообщество на «противников» и «сторонников» соответствующих выводов. Суть данной проблемы, как нам представляется, состоит том, что в современном религиоведении отсутствуют четкие критерии, достаточные для однозначного заключения о религиозном характере деятельности организаций и отдельных людей. Кроме того, при назначении религиоведческой экспертизы перед экспертами зачастую ставится широкий круг вопросов, в том числе о наличии-отсутствии в деятельности потенциально религиозных организаций признаков экстремизма, пропаганды расового превосходства, религиозной розни и т. п. Подобные вопросы не относятся к компетенции экспертов-религиоведов, но на практике часто именно они ставятся перед ними.

Но и отвечая на вполне корректный вопрос о религиозном характере деятельности той или иной организации, эксперт часто оказывается в состоянии реального затруднения. В определенном смысле он становится заложником непроработанности методологической базы экспертно-религиоведческой деятельности, поэтому вынужден опираться на «общепринятые» критерии религиоведческого исследования, сложившиеся в рамках совершенно иного, не экспертного подхода. Поэтому в условиях терминологической и методологической неясности, множества определений и подходов к интерпретации сущности религии, существует опасность того, что эксперт подойдет к экспертному исследованию как к сугубо научной задаче, не имеющей однозначного решения. Однако то, что уместно в научной дискуссии — в формате судебной экспертизы может в ряде ситуаций оказаться совершенно неуместным и неприемлемым.

Стоит признать, что отсутствие четкого, общепринятого понимания значения термина «религия» в научном религиоведении давно уже стало притчей во языцех. В настоящее время мы наблюдаем, как данная проблема из сугубо лексикографической, религиоведческой и философской

превращается в проблему правовую. В качестве примера последнему можно указать на Заключение судебной религиоведческой экспертизы (эксперт Л. С. Астахова) по делу Сайентологической Церкви Москвы, вызвавшее серьезный общественный резонанс. Последовавшая «война экспертиз» свидетельствует о том, что в современном юридическом религиоведении отсутствуют надежные критерии доказательств и апробированные методы объективного исследования религиозных организаций, корнем чего как раз и является данная терминологическая проблема.

Для устранения данной проблемы можно при формировании списка критериев опираться не на одно определение религии, а на несколько наиболее распространенных в отечественном религиоведческом дискурсе, руководствуясь при их отборе критерием частотности. Иными словами, эксперт составляет список критериев, полученных на основе анализа нескольких определений. В этом случае на основании применения метода оценки соответствия могла бы быть составлена матрица соответствий, содержательная интерпретация которой и стала бы основанием для экспертного заключения. Но сути проблемы не снимает и такая модификация методологии — сам принцип отбора определений термина религии, а соответственно и выявленных на их основе признаков, оставляет место для существенной критики, обвинения эксперта в предвзятости, равно как и фактор частотности трудно отнести к критерию истины.

Исследователи уже неоднократно констатировали, что «в отличие от других видов судебных экспертиз (лингвистической, медицинской, психиатрической и др.) религиоведческая экспертиза не имеет специальной, формально определенной методики», а соответственно требования к эксперту ссылками на нормативные акты обосновать правомочность применения им тех или иных методов экспертизы может использоваться как недобросовестная уловка.

Понимая, что в рамках данного исследования проблема дефинирования термина «религия» не может быть решена, практические рекомендации для эксперта-религиоведа могут быть предложены в рамках несколько иного подхода. Выявление признаков, наличие которых позволяет с большой степенью вероятности квалифицировать то или иную форму социокультурной деятельности как религиозную, можно осуществить не на основании определения термина, но в результате анализа соответствующего объема понятия. Поскольку задачей экспертизы является выявление характера религиозной деятельности в соответствии с нормами законодательства, вполне обоснованным является обращение к признакам, приведенным в ст. 6.1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ:

- наличие вероисповедания;

- совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;
- обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Обратимся к сформулированным в законе признакам религиозных объединений. Очевидно, что первый признак: наличие вероисповедания — является основным, а прочие — производными от него. Поскольку религиозная деятельность в общественном сознании достаточно четко соотносится с богослужениями, представляется целесообразным в рамках экспертного исследования разграничивать: ритуализированную религиозную деятельность и ее неритуализированную форму.

Сразу оговоримся, что сам факт наличия вероисповедания не может априорно рассматриваться как достаточный квалификационный признак религиозной деятельности, последняя предполагает, что заявленное вероисповедание является основой социальной практики, формирующей поведенческие паттерны и отношение человека к действительности.

Однако и здесь имеет место терминологическая сложность: «вероисповедание» трактуется в современной лексикографии зачастую как синоним религии, или — как принадлежность к той или иной религиозной организации. Получается своего рода герменевтический круг — одно неопределенное понятие задается через опосредованную ссылку на него же. В этой ситуации может быть предложена следующая методология исследования, позволяющая минимизировать влияние на выводы эксперта субъективных факторов.

На первом этапе исследования эксперт, анализируя предложенный корпус текстов, выявляет в нем устойчивые мифологемы и теологемы, значимые для анализируемой социокультурной общности.

На следующем этапе исследования эксперт должен доказать, используя методы сравнительно-исторического анализа, а также герменевтического и дискурс-анализа, что выявленные им компоненты мировоззренческой культуры являются именно теологическими и (или) мифологическими, но не научными или квазинаучными, не являются формами агностицизма, в том числе — вульгарного агностицизма («Что там такое есть, но что — я не знаю и никто не знает»).

На третьем этапе, доказав теологический (мифологический) характер основных постулатов анализируемой культурной традиции (в широком смысле), эксперт делает обоснованное предположение о том, что анализируемый дискурс является преимущественно религиозным.

Возвращаясь к проблеме выявления религиозной деятельности общественных объединений различной организационно-правовой формы, зарегистрированных в качестве «альтернативы» религиозным объединениям, можно сформулировать несколько рекомендаций для экспертов.

Анализируя ритуальные практики, необходимо обратить внимание на регулярность, частоту и продолжительность совершаемых ритуальных и ритуализированных действий, независимо от того, интерпретируются последние участниками как собственно религиозные ритуалы, или иным образом. Изучая дискурс публичного мероприятия, имеющего черты, как религиозной проповеди, так и просветительской лекции, необходимо обратить внимание на наличие (отсутствие) миссионерских целей, религиозный статус лектора (наличие сана, особой сакральной санкции), а также оценить точку зрения лектора на предмет изложения (позиция вовлеченного участника / стороннего наблюдателя).

Сам факт наличия одного из этих признаков не делает деятельность религиозной, но наличие нескольких признаков позволяет сделать именно такую оценку.

Религиозная деятельность и деятельность религиозных организаций — различные понятия, и это необходимо учитывать эксперту.

Очевидно, что оценивая наличие религиозной деятельности общественных объединений, в ряде случаев эксперт вынужденно делает заключение в модальностях вероятности и возможности, последнее свидетельствует не о недостаточной компетентности эксперта, но соответствует специфике современной религиозной ситуации.

Эксперт-религиовед в процессе своей деятельности вполне может столкнуться с различными кверулянтами, психопатами, фанатиками и прочими деструктивными личностями, чья деятельность направлена на разрушение функционирующих в обществе социальных структур, к числу которых относятся традиционные религии и юрисдикции. Эксперт может стать жертвой диффамационной кампании, к которой могут быть подключены морально деградировавшие личности, для которых не существует ограничений в виде социокультурных приличий. Так, независимо от отношения к личности и профессионализму А. Л. Дворкина, необходимо признать, что раскрытие информации о его здоровье (неважно — мнимой или реальной), почерпнутой из незаконно добытых кверулянтами медицинских документов как нельзя лучше свидетельствует об их моральных принципах.

В 2015 году была введена правовая норма, согласно которой Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами. Это порождает проблему экспертного оценивания инклюзивных переводов этих текстов, которые помимо передачи смысла оригинального текста могут использоваться в качестве инструмента пропаганды экстремистских взглядов — для этого бывает достаточно несколько сместить акценты, подобрать экспрессивную лексику, усилить перлокутивную силу текста.

Существуют и иные сопряженные вопросы. Тождественны ли понятия «Библия» и «перевод Библии»? Очевидно, что теолог, текстолог, юрист, «обычный верующий» etc. ответят на этот вопрос по-разному, причем вполне обоснованно. Тождественны ли понятия «Библия» и «пересказ Библии», например, для детей. Тождественны ли понятия «Библия» и «неправильный перевод Библии», искажающий ее смысл? Полагаю, что эти вопросы дискуссионные. Однозначного ответа на них нет.

Представим такую ситуацию. Переводчик, зная, что Библия не подлежит экспертизе на предмет экстремизма, целенаправленно включает в свой перевод сформулированные им экстремистские призывы, не имеющие аналога в оригинальных источниках. Общий объем таких «привнесений» может быть меньше 1% от текста. Как квалифицировать такой перевод? Переводчик всегда может сослаться на специфику переводческого труда — «творчество», перевод «духа, а не буквы», просто плохое знание языков — ведь плохо знать древнегреческий это не преступление.

Алехин А. Н.

Социокультурная динамика психологической науки в аспекте экспертных решений

Alekhin A. N.

Socio-cultural dynamics of psychological science in the aspect of expert decisions

Аннотация. В статье показано, что эпоха тотальной информатизации породила особую личность, обладающую такими особенностями, которые в недавнем прошлом могли квалифицироваться в качестве патологических. Несостоятельность традиционных психологических концептов в объяснении современности вынуждает исследователей прибегать к «переходным» концептам, таким, например, как «псевдопсихопатология». Наука о человеке не может не принимать того, что новая личность генерирует, транслирует, использует новые знания. Обосновывается вывод о важности разработки новых концептов, адекватно означающих современные феномены поведения человека.

Annotation. The following article reviews that the age of global informatization has produced a new kind of individual, who in the recent past was considered severely pathological. Incapacity of present psychological concepts to wholly include the observed phenomena leads to emergence of such notions as «pseudopsychopathological» phenomena. It is required to be noted that the new personality generates, implements and uses their latest knowledge. Exiting the present crisis means developing new concepts.

Ключевые слова: псевдопатологические феномены, науки о психике, кризис психологии, методология психологических исследований, социокультурные условия. **Key words:** pseudopsychopathological phenomena, science of the psyche, crisis of psychology, psychological research methodology, socio cultural condition.

Дифференциация научного знания и узкая специализация профессиональных исследователей делают всё более значимой работу экспертов в той или иной области практики. Не без основания считается, что лишь эксперт способен дать исчерпывающее объяснение некоторому факту, опираясь на свои профессиональные знания и опыт. Достоверность экспертного знания априорно не подвергается сомнению. Однако стремительные изменения, происходящие в мире, вовлекающие как отдельного человека, так и большие социальные группы людей, обуславливают перманентные разрывы фактической реальности и знания о ней. Это нередко порождает неадекватные экспертные решения, которые сами нуждаются в экспертной оценке. Так, например, результаты классических методик патопсихологического эксперимента, опредмеченные концептами отечественной психологии, зачастую не адекватно фиксируют особенности поведения мигранта, психическое развитие которого осуществлялось в принципиально иной этнокультурной среде. Это в полной мере относится и к вопросам, выносимым для экспертного решения: «знал и понимал», «морально-этическое значение», «осведомлённость в характере осуществляемых действий» и т. п.

Результаты психологических исследований (О. А. Литвиненко, А. А. Грекова, А. Н. Алёхин, Е. И. Осташева [1–5, 10]) психической адаптации человека в меняющемся мире свидетельствуют о существенных изменениях описанных ранее феноменов. Эти изменения анализируются, рассматриваются в контексте тех социокультурных трансформаций, которые переживает российский социум последние 30 лет, сложного перехода от прежнего уклада жизни к принципиально иному. Теперь не актуальны те идеологические дискурсы, которые оформляли отношения людей и их социальное поведение в прошлом веке, изменилась роль социальных институтов, воспроизводивших и транслирующих мировоззренческие схемы подрастающим поколениям, трансформировались воспитательные и образовательные практики.

В эти же десятилетия произошла тотальная информатизация всех сфер жизни, одним из эффектов которой стала виртуализация повседневных форм активности человека: деятельности, игры, общения. Мультимедийные образы стали атрибутами повседневности, традиционные формы трансляции психологического опыта уходят в прошлое, как и традиционные дидактики. Сегодня мы стали участниками ситуации, подобной той, в которой оказался Л. С. Выготский, когда сформулировал

не оспоренные по сей день основы культурно-исторической методологии в психологии [6]

В рамках этой методологии следует понимать, что формирование психики и личности человека есть, по своей сути, процесс ассимиляции и фиксации актуального социокультурного контекста, формируемого общественными практиками на определенном историческом этапе развития социума. Следовательно, изменения условий психического развития, появление новых практик и ценностных ориентаций не может не фиксироваться в формировании новых когнитивных образований, паттернов поведения, взаимоотношений людей, то есть формировании новой личности.

Об этом уже во всю говорят философы, социологи, а психологи в своей повседневной работе постоянно встречаются с новыми психологическими ситуациями деликтов, совершенно неадекватными формами активности и мышления представителей новых поколений. Насущной задачей научной психологии становится анализ подобных феноменов поведения и переживаний, их теоретическое осмысление и формулирование. В результате проводимых исследований получены фактические данные о формировании личности и психогенно обусловленном морфозе психических расстройств [10], об изменениях умственной деятельности современных представителей молодого поколения, формирование психики которых пришлось на время тотальной виртуализации форм активности: деятельности, игры, общения.

Изменения условий формирования психики, обусловленные этим, актуализируют проблему «псевдопатопсихологических» или «псевдопсихопатологических» феноменов, которая активно разрабатывалась в медицинской психологии в середине прошлого века и как раз в связи с освоением человеком новых сред обитания. Так, экспериментальные патопсихологические исследования мышления [4] с помощью классических методик свидетельствуют о значительной распространённости в молодежной студенческой среде таких признаков, которые раньше расценивались, как патопсихологические симптомы. Это абстрактность и формализм мышления, снижение критичности при воздействии эмоции, эгоцентризм, искажение процесса обобщения; это и снижение рефлексивной функции, и ослабление способности построения причинно-следственных связей, фрагментарность мировосприятия и мировоззрения, эгоцентрическая организация когнитивной системы у современных молодых людей.

Эти данные трудно объяснить, не привлекая к объяснению культурно-исторический метод для анализа динамики социокультурной ситуации психического развития человека. Но, и это важно, наблюдаемые

феномены означаются сегодня через концепты традиционных психологических представлений, носителем которых являются большинство активных сегодня исследователей. Означивание их как псевдопатологических — вынужденный ход. Понимая естественный характер подобных феноменов, но, не имея для фиксации их соответствующих концептов, исследователи используют определения «от противного», поскольку для описания поведения и переживаний современного человека традиционные методики не пригодны.

Новые методики и концепты появляются, но и они тоже являются знаменем времени и несут на себе отпечаток той социокультурной ситуации, в которой оказался современный исследователь «души человека». Актуальна проблема, которая пока не рефлексруется психологическим сообществом: фиксируемые подвижки в психической организации человека не могут не найти отражения в тех знаниях, которые этот новый человек генерирует, транслирует и потребляет. И научное знание не является здесь исключением.

Исторически медицинская (клиническая) психология, вопреки популяризированным сегодня представлениями о ней, как о «способе применения психологического знания к задачам клинической практики» [7], является продолжением врачебной практики в сферу высших проявлений человеческого — психики, познавательной деятельности, личности. Со времён Э. Блейлера, Р. Крафт-Эббинга, О. Минковского, Э. Крэчмера, З. Фрейда, А. Адлера, В. Райха, других классиков, развивалась как такое расширение врачебной практики [15]. Эту же традицию продолжали и выдающиеся отечественные клиницисты — В. П. Осипов, С. С. Корсаков, В. Ф. Чиж, В. М. Бехтерев, В. А. Гиляровский, О. В. Кербиков, В. Н. Мясищев, работы которых как раз и отличаются глубоким психологизмом [1]. И методологическим фундаментом этой науки изначально был клинический метод анализа наблюдаемых феноменов. «От простого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике», так создавались все фундаментальные постулаты клинической психологии. Не останавливаясь сейчас на других сферах клинико-психологических изысканий, осуществлённых в физиологических школах (И. М. Сеченов, И. П. Павлов, А. А. Ухтомский, К. М. Быков, И. Т. Курцин, А. Г. Иванов-Смоленский, Л. С. Выготский), уместно обратиться к работам недавнего прошлого, которым мы могли быть уже свидетелями. Впервые представления о «псевдопсихопатологических» феноменах были сформулированы в работах замечательных отечественных учёных, военных врачей О. Н. Кузнецова и В. И. Лебедева. Им довелось участвовать в отборе и подготовке первых советских космонавтов. Тогда, используя сурдокамерные испытания кандидатов в космонавты, они смогли не только увидеть и описать,

но и дать исчерпывающий психологический анализ феноменов, которые казались патологическими по своим проявлениям, но оказались сугубо психологическими при тщательном клинко-психологическом анализе. Эти находки стали содержанием замечательной монографии упомянутых учёных «Психология и психопатология одиночества», изданной в 1972 году. Тогда, понятно, не было ни психодиагностического инвентаря, ни огромных выборок, ни современных вычислительных средств, ни услужливых статистических пакетов, готовых предоставить в руки исследователей готовые теории. Лишь используя клинический метод, упомянутые исследователи сделали то, что позволило людям осваивать космос и океанские глубины. Анализ психологических механизмов адаптации человека в изменённых условиях существования позволил разработать не только прогностические решения, но осуществлять психологическую подготовку экипажей и коррекцию состояний нарушений психической адаптации и решать множество других практических задач.

Когда и как осуществлялась подмена клинической психологии массовыми опросами населения — перспективный предмет будущих диссертационных исследований. В этой подмене существенную роль сыграла иллюзия, что психодиагностические опросники «объективизируют» непосредственный опыт [2], а биометрические статистические методики анализа множеств переменных позволяют прояснить некие «глубинные» закономерности. К тому же появление недорогих и производительных средств вычисления численных данных породило иллюзию «проникновения» в суть вещей. В результате клиническая психология превращается в иллюстративный материал прикладной статистики. Любая научная работа пестрит множеством таблиц, якобы достоверно отображающих некоторые выявленные закономерности, при том, что за этими таблицами и диаграммами стоят несуществующие вещи, некий средний человек, без пола, без возраста, без собственной биографии. Неслучайно ведь любая научная работа по психологии заканчивается утверждением, что полученные данные, могут, мол, быть использованы для проведения чего-то там. Но о самой практической применимости полученных данных мало кто рассуждает. И это — честно, потому что полученные данные описывают несуществующее, и по этой причине никогда нигде не могут быть использованы, когда мы имеем дело с живым человеком. Но возникает вопрос: чем обусловлена эта смена парадигмы: от клинического к статистическому методу. Лишь на первый взгляд это выглядит как стремление к объективности. Но если всмотреться, то это всего лишь дань диссертационным советам, издательствам, грантодателям. То есть сами исследовательские подходы, а следовательно, и полученные знания детерминированы уже не фактической реальностью, а существующими

социальными институтами и их практиками, проще говоря, отношениями спонсоров и спонсируемых. Да, нам далеко ещё до наших зарубежных коллег, работающих в условиях развитого рынка. Они уже объявили человека «голой обезьяной» [12] и чутко переориентировались с экзистенциальных размышлений о душе человека к нейрофизиологическим механизмам работы мозга. Да, там новые технологии, там другие возможности финансирования и новая иллюзия объективности. Но так уж ли, при всей пафосности подобных исследований, они продвинули понимание высших форм человеческого поведения? Пока ещё делаются лишь робкие попытки оспорить эту тотальную редукцию [17], но новая технологическая машина уже набирает обороты, «человек, который не так давно ещё звучал гордо» (М. Горький) [1], теперь представляет собой некий «коннектум» «центров активности» [16]. Аналогичные смещения легко наблюдать и во врачебной практике, где на смену призыву «лечить больного, а не болезнь» (В. Я. Мудров) [8] внедряются стандарты, клинические рекомендации, доказательные методы. При том, что все методы доказательной медицины основаны на тех же статистических приёмах анализа данных. И, признавая человека существом «уникальным», ему, однако, в уникальности принципиально отказывают, усредняя его до «несуществующего». И является ли запрос о стандартизации лечения врачебным запросом? А может это всё та же дань страховым компаниям, фирмам производителям медицинских изделий, многочисленным учреждениям контроля и отчётности? Одно из положений марксизма звучало так: «Бытие определяет сознание» [11], — и в рамках тех же дисциплин известна работа «классовый подход в науке» [14]. Новые экономические реалии жизни социума, новые экономические отношения, новый человек, новые методы, новое знание. Но, что характерно, несмотря на успехи научного производства, основные проблемы человеческой жизни (здоровье, выбор, ответственность, воспитание и обучение детей) остаются без внятных ответов [3].

Таким образом, методологический анализ научных изысканий предполагает не только оценку методов, с помощью которых эти изыскания осуществляются. Необходимым условием адекватной оценки научного факта становится исследование той социокультурной ситуации, в которой это знание было получено. «Странная» эволюция психологической науки — убедительное тому доказательство.

Экспертная деятельность, предполагающая опору на достоверное знание, сейчас как никогда нуждается в методологической разработке проблем гуманитарных наук, порождаемых изменениями способов жизни современных людей.

Список литературы

1. Александров Ю. А. Пограничная психиатрия. М.: РЛС-2006, 2006. 1280 с.
2. Алёхин А. Н. Психологическая диагностика как производство симулякров // Научное мнение. 2011. № 1. С. 133–138.
3. Алёхин А. Н. Прогресс знания или злокачественная пролиферация текста? // Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. № 3. С. 226–228.
4. Алёхин А. Н., Грекова А. А. «Псевдопсихопатологические» формы мышления в современных условиях // Вестник психотерапии. 2018. № 66(71). С. 137–151.
5. Алёхин А. Н., Осташева Е. И., Литвиненко О. А. Социокультурные аспекты формирования отношений личности // Universum: Вестник Герценовского университета. 2014. № 3–4. С. 130–135.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
7. Карвасарский Б. Д. Клиническая психология. СПб.: Питер, 2006. 896 с.
8. Кузнецов И. В. Люди русской науки. М.: Государственное издательства физико-математической литературы, 1963. 894 с.
9. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972. 336 с.
10. Литвиненко О. А., Алёхин А. Н. Онтогенетические предпосылки особенностей бреда при эндогенном психозе // Вестник психотерапии. 2014. № 52. С. 104–114.
11. Маркс К. К критике политической экономии. М.: Либроком, 2012. 178 с.
12. Моррис Д. Голая обезьяна. М.: КоЛибри, 2016. 848 с.
13. Осташева Е. И. Псевдопсихопатологические феномены в поведении современных подростков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2015. № 174. С. 153–158.
14. Попов М. В. Главное в ленинизме: В. И. Ленин о классовом подходе к анализу общественных явлений. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та. 2009. 311 с.
15. Фейдимен Д., Фрейдджер Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. М.: Прайм-Евроник, 2006. 704 с.
16. Фритт К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: Corpus, 2014. 336 с.
17. Tallis R. Aping Mankind: Neuromania, Darwinitis and the Misrepresentation of Humanity, Acumen, 2014. 388 pp.

ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ: НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Богданова Т. В.

Нарративный анализ текста в рамках судебной экспертизы

Bogdanova T. V.

Narrative analysis of the text in the framework of forensic expertise

Аннотация. При анализе текстов, выступающих предметом юридических разбирательств, с целью выявления их интенциональной направленности продуктивно использовать нарративный метод анализа повествования. В статье представлены виды, семантические критерии и структурные элементы такого анализа, а также пример использования в экспертной деятельности.

Annotation. In the analysis of texts, acting subject to a legal proceeding, with the aim of identifying their intentional orientation of the productive use of narrative analysis method. The article presents the types, semantic criteria and structural elements of such analysis, as well as an example of use in expert activities.

Ключевые слова: психолингвистическая экспертиза, текст, интенции автора, нарративный анализ. **Key words:** psycholinguistic expertise, text, author's intentions, narrative analysis.

Нарративный анализ повествовательных текстов, зародившийся в литературоведении, в последнее десятилетие активно применяется в качестве эффективного инструмента социогуманитарных наук для анализа нехудожественных текстов. При этом в любой из использующих это понятие науке нарратив представляет собой ценность не как объективная основа рассказа (чистые факты и реальность), а именно работа рассказчика — сделанный им отбор фактов, характер их изложения, смысл, вложенный в повествование.

Повествование — это такой отбор и монтаж элементов событийного ряда, при помощи которого автор достигает реализации своего пафоса косвенным путем: посредством рассказывания истории, создающей

определенную точку зрения на предмет речи, то есть его образ. «В повествовании образ события создается при помощи разложения некоего отрезка действительности (реальной или вымышленной) на ряд отдельных атомарных событий. Автор выбирает те события и факты, совокупность которых повлечет за собой определенный вывод, создаст определенный образ предмета речи» [4, 124].

По оценке Й. Брокмейера и Р. Харре, нарратив является не описанием некой реальности, а «инструкцией» по определению и пониманию последней: «Иными словами, наш локальный репертуар нарративных форм переплетается с более широким культурным набором дискурсивных порядков, которые определяют, кто какую историю рассказывает, где, когда и кому <...> Представить нечто как нарратив — не значит “экстернализировать” некую “внутреннюю” реальность и придать ей лингвистическую форму. Скорее наоборот, нарративы представляют собой формы, внутренне присущие нашим способам получения знания, которое структурирует наше восприятие мира и самих себя» [1, 30–34]. Так значение нарративного анализа в психологии, по мнению многих ученых, состоит именно в том, что данный метод позволяет отделить формальное содержание текста от выражения смысла, непосредственно отображающего скрытую психологическую реальность [5].

Именно такого порядка вопросы, касающиеся выявления смысла устного или письменного текста, все чаще и чаще ставятся перед экспертами (психологами, лингвистами, психолингвистами) органами, запрашивающими исследование: «Каково смысловое значение высказывания/текста?», «Какова смысловая направленность...?», «Каковы намерения коммуникантов, реализуемые в данных текстах?» и т. п. Представляется, что экспертам в подготовке ответов на подобные вопросы способны помочь методы нарративного анализа.

К. Рисман выделяет несколько моделей нарративного анализа. Одной из моделей является тематический анализ, основное внимание в котором уделяется тому, что говорится. Другой моделью является структурный анализ, уделяющий внимание тому, как ведется повествование, механизму нарратива. Интеракционный анализ — акцентирует внимание на диалоге нарратора и слушателя (автора и читателя). При перформативном анализе нарратив рассматривается как действие и процесс [7]. К основным категориям нарративного анализа относятся: повествователь (нарратор), персонажи, время, события, пространство, взаимоотношения между категориями (дихотомии), интертекстуальные связи и культурные пресуппозиции [3].

Е. Калмыкова и Э. Мергенталер предлагают для операционального определения нарратива использовать два семантических критерия:

временную последовательность событий (в том числе действия актора, или актанта), ведущих к изменению собственного состояния актанта и/или его окружения (ситуации, других действующих лиц); повествование с отчетливым указанием на место и время действия, а также на действующих лиц [2].

У. Лабов выделяет шесть элементов структуры нарратива, каждый из которых несет определенную функциональную нагрузку: 1) краткое изложение для слушателя существа происшедших событий, о которых пойдет речь; 2) ориентация слушателя относительно времени, места, ситуации, участников событий; 3) передача последовательности событий; 4) оценка значимости и смысла действий, выражение отношения рассказчика к событиям и действиям; 5) разрешение ситуации (что случилось в конце концов), 6) кода: возврат к настоящему времени [6].

Представим в качестве примера использование интеракционного нарративного анализа в психолингвистической экспертизе текста радиотрансляции, которая представляла собой повествование (нарратив) — пересказ некоторым лицом полилога трех собеседников. Перед экспертом были поставлены вопросы, касающиеся наличия в тексте высказываний и призывов экстремистского характера.

Основная тема повествования — отношение к деятельности современных муджаидов. **Проблема** — наличие у чеченцев разного отношения и прямо противоположных оценок деятельности современных муджаидов. **Идея** — «Ну как образумить этих людей? Как донести до них? Ему было больно, что оскорбляют лучших из человечества» — т. е. образумить осуждающих, не поддерживающих современных муджаидов. **Сюжет** — рассказ (нарратив) некоторого лица о двух полемических беседах лиц (Муслим и Арби // Махмуд), имеющих разные точки зрения по обсуждаемой проблеме.

Композиция:

- экспозиция: рассказчик обозначает свою позицию (очевидец), представляет действующих лиц;
- завязка: столкновение противоположных точек зрения на действия муджаидов;
- развитие действия: стороны высказывают свои аргументы;
- кульминация: нарратор методом «от противного» заставляет оппонентов признать правоту своей позиции;
- развязка: выводы рассказчика на основе изложенного текста, обозначение собственной позиции, прямое обращение к аудитории.

Презентация актантов. Автор первоначально заявляет свою позицию как нейтральную — простой наблюдатель и слушатель, подчеркивая идентификацию своей позиции с любым из слушателей данного повествования. Однако имплицитно, через представление собеседников посредством лек-

семьи «патриоты», обозначается его позиция позитивного, одобрительного отношения к собеседникам и теме их разговора. Следовательно, по его мнению, те, кто любит свою родину («патриоты»), ведут беседы о деятельности муджаидов, имеют свою позицию по этому вопросу. Более того, между лексемами «чеченские патриоты» и «националисты» поставлено семантическое равенство. Пояснительный союз «или» указывает на это.

Таким образом, в контексте нарратива лексема «патриот» получает значение приверженца политики национальной исключительности и национального превосходства, стремления к национальному раскрепощению и независимости, сохраняя при этом положительную коннотацию (добавочные семантические или стилистические оттенки, накладывающиеся на основное значение слова). Контекстуальная синонимия распространяет позитивную коннотацию и на лексему «националист». Рассказчик транслирует слушателям позитивное отношение к национализму как проявлению патриотизма и значимости для патриотов определиться с отношением к муджаидам.

Семантическое пространство нарратива. Наличие в тексте имен чеченцев — участников исторических событий XIX–XX вв., указывает, что текст рассчитан в первую очередь на тех, кто знаком с историей Чечни, кто уже «в проблеме» сепаратистских движений на Кавказе. Для человека непосвященного такой исторический экскурс сильно осложняет семантику текста, а следовательно, степень его воздействия резко снижается.

В категорию «самых достойных чеченцев», «героев» (и по мнению ведущих дискуссии, и по мнению рассказчика) попадают исторические личности, которых объединяет национальная принадлежность и активные военные действия против Российской империи и СССР. Таким образом, «патриоты» восхищаются теми, кто ведет активную военную националистическую политику.

Культурные presupпозиции. Слушатели подводятся к мысли, что от действий «героев» всегда страдает мирное население и надо к этому относиться с пониманием, более того, эти страдания также героизируются — *«карательные войска полностью уничтожили несколько сел, но жители Галанчи и дальше продолжали укрывать его»*. Имплицитно транслируется идея о возможности войти в историю стойкостью перенесения страданий из-за активных военных действий «героев-националистов», посредством сочувствия к ним и укрывательства их. Тем самым осуществляется имплицитный призыв побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы и образцы поведения.

«Герои-националисты» прошлого за их военные действия против русских объявляются лучшими и достойнейшими представителями нации — *«именно такие люди являются солью нашей земли, что только на действиях*

такого рода людей держится имидж, хребет нации, что благодаря им, инишала, осталась в сердцах вайнахов религия Ислам». Задается образец для подражания, и тем самым осуществляется имплицитный призыв (т. е. речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы) к военным действиям против русских.

Кода нарратива: отношение к муджаидам в начале диалог и к его окончанию. Изначально неодобрение поступков муджаидов Муслимом и Арби, призванными символизировать в повествовании ту часть населения современной Чечни, кто с любовью относится к Родине, но хочет мирной жизни и не видит смысла в продолжении военных действий («все это бессмысленно»), осуждается рассказчиком. Их аргументы названы «глупостью», а действия муджаидов определены как «удача» и «успешные операции». Заметим, что Муслим и Арби указывают следующие действия муджаидов — «взрывы», «убийства», «самоподрывы», «из-за муджаидов гибнут мирные люди». Таким образом, взрывы, убийства, самоподрывы, гибель мирных граждан определена рассказчиком в категорию «успешных операций» муджаидов, что подпадает под категорию экстремизма — «Поощрение, оправдание репрессий в отношении представителей какой-либо нации, расы, религии».

Отношение к муджаидам в результате беседы: рассказчик подводит итог проведенной беседы, еще раз расставляет акценты для слушателей: муджаиды — герои, а представители официальной конституционной власти Чеченской Республики — «предатели», «продажные подонки», тем самым имплицитно осуществляется призыв к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации.

Разрешение дихотомии. В конце повествования рассказчик выступает от своего имени. По стилю эта часть текста близка к проповеди: риторические вопросы, патетически возвышенный взволнованный тон повествования, художественные приемы (тропы), высокая лексика, демонстрация личной убежденности. Текст обращен уже напрямую к слушателям и именно к тем, кто в отличие от истинных «патриотов» (Махмуд) и частично заблуждавшихся, но переубежденных (Муслим и Арби), «воюет» против муджаидов и «служит» русским («продав свою душу за кусок русского бюджета»). Через их осуждение («будут стесняться и проклинать ваши же потомки») передана угроза в адрес соотечественников, воюющих против муджаидов.

Таким образом, в тексте эксплицитно и имплицитно выражены критерии призывов и пропаганды экстремистской деятельности.

Список литературы

1. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
2. Калмыкова Е. С., Мергенталер Э. Нарратив в психотерапии: рассказы пациентов о личной истории // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 1–2 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychol.ras.ru> (дата обращения: 24.02.2019).
3. Репьевская М. Н. Нарративный анализ как метод исследования языкового сознания // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2013. № 2. С. 111–112.
4. Салиева Л. К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. Серия «Управление (государство и общество)». 2012. № 3. С. 116–128.
5. Фабрикант М. С. Применение нарративного анализа в исследовании больших социальных групп // Психологический журнал. 2010. № 1. С. 64–68.
6. Labov W. Language in the Inner City. Philadelphia: University of Philadelphia Press, 1972.
7. Reissman C. K. Narrative Analysis // The Sage Encyclopedia of Social Science Research Methods / Eds. W. S. Levis-Beck, A. Bryman and T. F. Liao. Thousand Oaks, Calif.: Sage, 2004.

Волкова М. А., Пруель Н. А.

Социологические подходы к понятию «экспертные сообщества»

Volkova M. A., Pruel N. A.

Sociological Approaches to the Concept of «Expert Community»

Аннотация. Вместе с дискурсом современности и современного общества часто поднимается тема экспертизы, экспертных сообществ и экспертного знания. В связи с этим рассмотрение темы экспертных сообществ в рамках социологии управления является очень актуальным вопросом. В статье рассмотрены существующие подходы зарубежных и отечественных ученых к экспертным системам в современной социологии. Кроме того, автором проанализирована возможность исследования экспертных сообществ в рамках каких-либо организаций.

Annotation. The topic of expertise, expert communities and expert knowledge is often raised in conjunction with the discourse of modernity and modern society. In this regard, study of expert communities within the framework of management sociology as relevant as ever. In this paper the author presents the main concepts of foreign and domestic researchers relating to the problems of expert systems in modern sociology. And on top of that, this article deals with the possibility of research an expert communities in the framework of any organizations.

Ключевые слова: *экспертное сообщество, экспертная система, экспертное знание, глобализация, модерн, постмодерн.* **Key words:** *expert community, expert system, expert knowledge, globalization, modernity, postmodernity.*

Хотелось бы начать данную статью со слов У. Бека о том, что «пост» — это ключевое слово нашего времени [1]. Автор утверждает, что как только в дискурсе появляется термин «постмодернизм» все расплывается, и сложно ухватить тот самый смысл. Современное общество — это общество быстрых и, чаще всего, довольно радикальных изменений. Сегодня в научных кругах (и не только) очень часто поднимаются вопросы постиндустриального общества, общества постмодерна, позднего модерна, информационного общества, глобализации. Научное сообщество пытается осмыслить, что нас ждет, к чему мы пришли. Данная тема, безусловно, остра и спорна, но с уверенностью можно сказать, что изменения касаются всех сфер общественной жизни.

Вместе с дискурсом современности и современного общества часто поднимается и тема экспертного знания, экспертных сообществ, экспертов, экспертных систем и экспертизы. Под экспертными сообществами обычно подразумеваются системы профессиональной экспертизы, которые повсеместно организуют нашу социальную жизнь. Проще говоря, все мы, кто-то реже, кто-то чаще, сталкиваемся с необходимостью обращения к сообществу экспертов, будь то врач или юрист.

Последнее время стал часто подниматься вопрос о коллективном управлении в организации и создании экспертных сообществ с привлечением не только высшего руководства, но и среднего звена, а также уровня исполнения. Целью создания именно таких экспертных сообществ в организации является ее более эффективная работа. В результате такого стиля управления активная роль в создании и применении экспертного знания передается рядовым сотрудникам, которые непосредственно участвуют во взаимодействии с клиентами, поставщиками и т. д. Конечно же, при построении такой системы нужно учитывать большое количество факторов, как, например, нежелание некоторых сотрудников участвовать в принятии каких-либо решений. Помимо этого, важно учитывать и экспертное знание, которое находится за пределами организации. Внутреннее экспертное сообщество, которое обладает внешней информацией от конечных клиентов, партнеров по бизнесу, СМИ, поможет организации правильно функционировать и быть конкурентоспособной. Во всем этом, безусловно, важна структурированность и системность применяемого анализа [6].

В связи со всем вышесказанным рассмотрение темы экспертных сообществ в рамках социологии управления является актуальным вопросом. Исходя из этого, целесообразно рассмотреть, какие подходы к данной проб-

лематике существуют в социологии. Важно понимать, что тема экспертных сообществ развивается из полемики об устройстве современности, поэтому свое рассуждение я начну с концепции общества риска У. Бека, далее будут, безусловно, рассмотрены работы Э. Гидденса, П. Бергера и Т. Лукмана, а также некоторые статьи, где поднимается вопрос экспертизы.

У. Бек выдвинул концепцию «общества риска» в рамках рассуждения о модернизации, которая, по его мнению, наделила общество большим количеством проблем. Автор проводит историческую параллель и утверждает, что «как в XIX веке модернизация привела к распаду закосневшее в сословных устоях аграрное общество, так и теперь она размывает контуры индустриального общества, и последовательное развитие модерна порождает новые общественные конфигурации» [1, 10]. Общество риска — это продукт развития индустриального общества, стадия модернизации общественной жизни, этап «рефлексивной модернизации» или «высокого модерна».

Важно отметить, что проблематика риска возникла в социологии и раньше, но именно У. Бек ввел эту проблематику в более широкий оборот. Согласно Беку риски — это не какие-либо последствия жизнедеятельности общества, риски производятся самим обществом, причем во всех сферах, как, например, экономика, политика или социальная сфера. Результатом модернизации, ко всему прочему, становится и все большая индивидуализация, которая ведет к тому, что увеличивается индивидуализация принятия решений. Риски, в свою очередь, возникают там, где появляется необходимость принимать решения, а значит повсеместно.

Особенностью рефлексивной модернизации является и латентность рисков, так как многие из них просто не могут быть восприняты органами чувств человека. Невидимые риски играют существенную роль в социальном смысле, так как видимая нужда или видимое богатство, в итоге, оттесняются на задний план. Именно здесь и поднимается тема экспертных сообществ и экспертного знания, без которых в современном мире обычному человеку довольно трудно прожить. Иллюзия отсутствия опасности подпитывается этими самыми невидимыми рисками. И здесь возникает актуальная проблема — высочайшая роль экспертного знания в современном мире. Фактически эксперты становятся единственными, кто может достоверно определить степень и вероятность возникновения риска. Именно в данной ситуации экспертное знание получает новое политическое значение, которое легитимизирует всеобщее загрязнение, плохую экологию, болезни и катастрофы. Отсюда институт экспертов, ответственный за определение степени рискогенности новых технологий, а также средства массовой информации, распространяющие знания о них, занимают в общественной жизни довольно важное положение.

Эксперты в обществе риска представляют собой некую элиту, которая не явным способом регулирует жизнь остального населения. В итоге общество разделяется на тех, кто обладает каким-либо знанием и имеет право его интерпретировать по-своему и тех, кто это знание потребляет. Однако, зачастую искаженная и неверная информация заставляет остальное население задумываться об истинности предоставляемой информации. В данном случае У. Бек отмечает, что потенциал всех страшных катастроф кроется, как раз в крахе и несостоятельности научно-технической и правовой рациональности. В итоге возникает борьба между научной и обыденной рациональностью: «источник научно-технического скепсиса лежит не в “иррационализме” критиков, а в несостоятельности научно-технической рациональности перед лицом растущих рисков и цивилизационных опасностей» [1, 71]. Данное противостояние в обществе риска неизбежно, но, по мнению У. Бека, в скором времени оно должно привести к их объединению: «Констатации рисков — это еще не признанный, неразвитый симбиоз естественных и гуманитарных наук, обыденной рациональности и рациональности экспертов, интереса и факта» [1, 33]. По своей сути данный симбиоз и лежит в основе так называемого коллективного подхода к управлению персоналом, где экспертное сообщество не представляет собой только собрание топ-менеджеров, но и рядовых сотрудников.

Общество риска у У. Бека не обходится без экспертизы, экспертов, экспертного знания. По его мнению, именно с расширением производства рисков, существенно изменяется роль науки, как в жизни, так и в политике. Это в свою очередь связано с экспертным знанием, так как большинство рисков, порождаемых успехами научно-технической модернизации, причем наиболее опасных (ядерное оружие, генная инженерия, химическое оружие) не воспринимаются непосредственно органами чувств человека. Эти риски существуют лишь в форме экспертного знания о них. Также У. Бек отмечает социальные особенности риска, среди которых в числе прочего и тот факт, что степень риска зависит от экспертов и экспертного знания.

Концепцию экспертных систем далее развивает Э. Гидденс в своей работе «Модерн и самоидентичность». Важно отметить, что Э. Гидденс рассматривает общество через осмысление взаимоотношений между социальными структурами и социальным действием. В своих работах, посвященных модерну, автор разрабатывает теорию современного «глобализированного» общества, как и У. Бек. Э. Гидденс называет современный этап в развитии социальных систем «поздним», «высоким» или «радикализированным» модерном. Ученый сравнивает в исторической перспективе две эпохи — это традиционализм и эпоха модерна, которая,

собственно, и породила современность. Э. Гидденс размышляет о глобализирующихся макротенденциях и личностных диспозициях и ставит перед собой задачу «проанализировать характер этих взаимосвязей и предоставить специальный понятийный аппарат для их осмысления» [11, 1]. Экспертные системы здесь возникают в рамках абстрактных систем.

Автор говорит о существовании таких систем, как символические знаки (знаковые системы) и экспертные системы, вместе они образуют так называемые абстрактные системы. На данных системах есть смысл остановиться подробнее, так как они являются ключом к пониманию экспертных систем в работах Э. Гидденса.

Под символическими знаками понимаются средства обмена, как, например, деньги. Хотя и раньше средства обмена присутствовали, сейчас денежные системы намного абстрактнее и сложнее. Под экспертными системами понимаются системы профессиональной экспертизы, которые организуют наше социальное окружение. Экспертные системы, по мнению Э. Гидденса, окружают нас повсеместно, начиная от еды, которую мы едим, заканчивая домами, в которых живем. Все люди, без исключения, являются участниками экспертных систем. В экспертные системы включено экспертное знание, в котором мы нуждаемся очень часто, например, при походе к врачу или парикмахеру. Здесь автор подмечает, что экспертное знание не является только неким техническим знанием, но и социальным. Таким образом, абстрактные системы являются примером того, как разделено пространство и время в современности, как местное и локальное уходит на второй план. Оба этих механизма невозможны без феномена доверия, которое является ключевым, по словам Э. Гидденса, в его работе. Если говорить об экспертном знании, то, например, определенное техническое знание не может существовать без доверия, так как получатель знания сам не имеет должного представления о нем. Доверие и безопасность, риск и опасность — это те черты, которыми можно описать современность.

Ко всему прочему автор поднимает вопрос рефлексивности модерна. Здесь подразумевается то, что в эпоху высокого модерна существует постоянная необходимость ревизии существующего знания. Это, ко всему прочему, ведет за собой последствия, о которых говорил и У. Бек, а именно, постепенно зарождающееся сомнение. Радикальное сомнение, т. е. скепсис в отношении науки как средства управления природой и обществом, существенным образом влияет на социальную значимость и функции субъективного доверия. Э. Гидденс обращает наше внимание на один немаловажный факт в отношении экспертизы и экспертного знания. Он приводит в пример то, что в традиционном обществе также существовали эксперты, например, маги и колдуны, которые обладали знанием недоступным

для большинства. Сейчас же ситуация другая — с расширением возможностей Интернета, любой человек может получить знание, не обращаясь к экспертам, но сможет ли он его правильно интерпретировать, не обладая, например, должным образованием — это уже другой вопрос. Получается, что в эпоху позднего модерна любой дилетант может стать экспертом, что таит в себе большую угрозу. В результате истинные эксперты, которые обладают должным образованием и навыками, вынуждены постоянно тратить время на самосовершенствование и борьбу с «ненастоящими» экспертами. Все это порождает еще большие риски, недоверие, скепсис, что и является неотъемлемыми чертами современного общества.

Еще раз к теме экспертизы и экспертного знания автор возвращается при рассуждении о судьбе, риске и безопасности. Э. Гидденс утверждает, что «в условиях современности как для обывателей, так и для экспертов-специалистов в какой-либо области мыслить в понятиях риска и оценки риска стало более или менее постоянным занятием, отчасти даже незаметным» [11, 119]. Климат риска становится для современных жителей постоянным. Конечно же, и в традиционном обществе риск присутствовал, однако, сейчас ситуация поменялась. Благодаря научно-техническому прогрессу общество имеет возможность регулировать риски, связанные с эпидемиями, стихийными бедствиями, но в то же время, оно создает дополнительные риски, которые только ухудшают ситуацию (рынки, биржи и т. д.). Все мы оказываемся обывателями по отношению к огромному числу экспертных систем, которые нас окружают. На данный момент осталось не так много экспертных систем, где между экспертами существует согласие, так как специализация зачастую становится все уже, а информации, в том числе и недостоверной, все больше. По мнению автора, в основе риска со значительными последствиями лежит тот факт, что экспертов уже мало кто контролирует. Все мы осознанно взаимодействуем с экспертными системами, которые помогают реконструировать личность, именно этот факт отражает проблемы, которые порождает современность. «Я» остается один на один с собой при выборе экспертной системы, «Я» находится в вечном поиске и размышлении о том, кому доверять, а кому нет.

Э. Гидденс, как и У. Бек поднимает в своих работах тему современного общества, в основе которого лежит риск. Риск и экспертные системы находятся очень близко друг к другу и являются взаимозависимыми структурами. Жизнь в эпоху высокого модерна не легка, индивиды постоянно находятся перед выбором доверять или нет экспертам, которые все чаще оказываются не правыми. Теперь все чаще поднимается вопрос об ограниченности экспертного знания. В эпоху позднего модерна меняется положение экспертов в обществе: эксперт — это не тот, кто имеет обоснованное знание, а тот, кто признан другими в качестве эксперта.

Темы экспертов и экспертного знания, так или иначе, касаются П. Бергер и Т. Лукман в своей работе «Социальное конструирование реальности». В рамках социологии знания авторы рассматривают социальный конфликт между экспертами и практиками, а также непосредственно между экспертами. Суть конфликтов заключается в том, что определение реальности у них может быть абсолютно разным, что, в свою очередь, ведет к недопониманию в их кругах. Эксперты, по мнению авторов, являются теми, кто обладает легитимацией и имеет право определять реальность. Само возникновение структур экспертизы связано с возникновением так называемых смысловых подуниверсумов. Эксперты, в числе которых могут быть группы и общности, поддерживают смысловые подуниверсумы и создают специализированные значения и определения реальности. Между данными группами также могут возникать конфликты и борьба за определенные ресурсы. Внутри смысловых подуниверсумов могут существовать официальные и альтернативные определения реальности, так как и у экспертов могут существовать разногласия. Так же, как Э. Гидденс и У. Бек, авторы говорят о все усложняющейся ситуации с легитимацией экспертного знания, так как смысловые подуниверсумы со временем трансформируются. В данном случае авторы говорят о самых развитых смысловых подуниверсумах, а именно о символических, которые связаны с институциональным порядком. Экспертные системы П. Бергер и Т. Лукман относят именно к таким подуниверсумам.

Ко всему прочему, авторы рассматривают различные типы экспертов, которые когда-либо существовали, и говорят, например, об интеллектуале, «экспертиза которого не является желательной для общества в целом» [3, 205]. П. Бергер и Т. Лукман объясняют это тем, что интеллектуалы в какой-то степени являются контр-экспертами (нежелательными экспертами) в определении реальности, так как их «проект общества» не представлен в соответствии с институциональными программами, как у настоящих экспертов. В итоге их определение реальности может быть применимо только в круге таких же интеллектуалов, как они.

Хотелось бы также отметить несколько статей других авторов, в которых поднимается тема экспертных систем. Целесообразность их рассмотрения заключается в том, чтобы показать, насколько проблема экспертизы может быть поднята в различных областях. Например, В. И. Дудина в рамках социологии образования рассматривает влияние на «экспертные культуры» скрытых учебных программ, которые существуют в образовании. Выдвигается предположение, что практики обучения в университете влияют на формирование экспертных систем в обществе, поднимаются вопросы трансляции экспертного знания.

Ко всему прочему, довольно часто в последнее время поднимается тема экспертных сообществ с точки зрения их несостоятельности и утраты профессионализма. М. В. Рубцова с коллегами рассматривает этот вопрос с точки зрения «депрофессионализации», где экспертные сообщества предстают, скорее, как профессиональные сообщества. Авторы используют определение Р. Мертона, где под профессиональным сообществом понимается «организация практикующих специалистов, признанных профессионально компетентными, которые объединились ради своих общих интересов и общественного блага» [8, 69]. Так профессиональные сообщества, по мнению авторов, конструируются на основе четких формальных и неформальных норм, в отличие от экспертных сообществ. Экспертные сообщества здесь предстают, скорее, как непрофессиональные собрания людей, решения которых имеют большой вес в обществе. Авторы приводят в пример «доказательную медицину», где вместо проведения каких-либо исследований, врачи собираются и обсуждают свои случаи из практики. Таким образом, сообщество экспертов воспринимается авторами, как сообщество, которое не несет ответственность за свои решения, смещая при этом сообщества профессионалов, которые работают на благо общества.

Подводя итог краткому обзору существующих социологических концепций экспертных сообществ, хотелось бы, в первую очередь, отметить, что данная тема и по сей день остается актуальной. В связи с непростыми событиями, которые происходят в мире, становится понятным, что несостоятельность некоторых экспертных систем и некомпетентность различных представителей экспертных сообществ может повлечь за собой тяжелые последствия.

В рассмотренных работах темы риска, доверия, знания, экспертизы и непрофессионализма поднимаются одновременно, так как именно они являются непосредственными чертами современного общества. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос существования экспертных сообществ в современных организациях, которые окружают нас повсеместно. Можно ли говорить об их состоятельности или несостоятельности? Может ли стать экспертное сообщество актором управленческих решений в организации? Это только часть исследовательских вопросов, которая возникает в рамках исследования в данной области.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Thesis. 1994. № 5.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5.
5. Дудина В. И. Экспертные культуры и скрытая учебная программа в высшем образовании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2.
6. Долгушев Н. В. Коллективное управление в организации: создание экспертных сообществ [Электронный ресурс]. URL: http://www.almagrid.com/en/almaGRID_Case_X_CollectiveLeadership.htm (дата обращения: 21.03.2019).
7. Егоров В. К. «Экспертократия»: об институциональной сути явления // Социология власти. 2012. № 3.
8. Рубцова М. В., Мартыанов Д. С., Мартыанова Н. А. Профессиональные и экспертные сообщества как субъекты управления в контексте общества знания // Вестник СПбГУ. 2013. № 1.
9. Beck U. How modern is modern society? // Theory, culture, society. 1992. № 2.
10. Brian P. Bloomfield. Expert Systems and Human Knowledge: A View from the Sociology of Science // Ai & Society. 1988. № 2.
11. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
12. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1996.

Данилова Н. А., Елагина Е. В., Николаева Т. Г.

Назначение судебных экспертиз по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: некоторые проблемы нормативной регламентации

Danilova N. A., Yelagina E. V., Nikolaeva T. G.

Appointment of forensic examinations in criminal cases of crimes of extremist orientation: some problems of normative regulation

***Аннотация.** В статье рассматриваются отдельные проблемы, возникающие при расследовании преступлений экстремистской направленности, обусловленные ненадлежащей правовой регламентацией назначения и производства судебных экспертиз.*

***Annotation.** The article discusses some problems that arise in the investigation of crimes of an extremist nature, due to inadequate legal regulation of the purpose and production of forensic examinations*

***Ключевые слова:** экстремизм, расследование преступлений, судебная экспертиза.*

***Key words:** extremism, crime investigation, forensic.*

Экстремистская деятельность националистических, радикальных религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная

на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривластической и социальной обстановки в стране, без сомнения, относится к одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации. В силу этого Президентом Российской Федерации на расширенной коллегии МВД РФ 28 февраля 2019 в очередной раз было обращено внимание на необходимость как предупреждения конфликтов на этнической, религиозной почве, так и принятия решительных мер для выявления и наказания тех, кто пытается распространять идеологию агрессии, насилия, нетерпимости.

В соответствии с утвержденной Президентом РФ Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2020 года (далее — Стратегия) целью государственной политики в сфере противодействия экстремизму является защита основ конституционного строя Российской Федерации, общественной безопасности, прав и свобод граждан от экстремистских угроз (п. 24) [7]. Достижение этой цели должно обеспечиваться решением сформулированных в п. 26 Стратегии задач, к числу которых отнесена разработка и осуществление комплекса мер по повышению эффективности профилактики, выявления и пресечения преступлений экстремистской направленности¹.

По данным, размещенным на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, на декабрь 2018 года было зарегистрировано 1265 преступлений экстремистской направленности (для сравнения: 1329 — в 2015, 1450 — в 2016, 1521 — в 2017) [1]. Однако отмеченная позитивная тенденция не является основанием для снижения активности деятельности правоохранительных органов и, как следствие, ставит задачи по выявлению проблем, возникающих в ходе расследования рассматриваемой группы преступлений и разработке путей их разрешения.

Как показывает анализ судебно-следственной практики, работники правоохранительных органов традиционно испытывают серьезные

¹ Согласно примечанию 2 к ст. 282.1 УК РФ и в соответствии с разъяснением, содержащимся в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», к преступлениям экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные ст. ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ, п. «л») ч. 2 ст. 105, п. «е») ч. 2 ст. 111, п. «б») ч. 1 ст. 213 УК РФ, а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е») ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание [5].

затруднения при решении вопросов, связанных с привлечением сведущих лиц. Между тем расследование преступлений экстремистской направленности невозможно без использования специальных знаний [2], поскольку, с одной стороны, обязательным является установление мотива — политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, с другой — преступниками используется весь арсенал современных технических средств как для изготовления экстремистских материалов, так и для «освещения» своей деятельности, кроме того, преступниками широко используются возможности сети Интернет. Именно в Интернете создаются электронные ресурсы и организуется их работа, размещаются экстремистские материалы²; осуществляется пропаганда экстремистской деятельности; планируется и координируется деятельность как отдельных лиц, так и различных групп (сообществ) и др.

Доказывание по уголовным делам экстремистской направленности невозможно без учета результатов судебных экспертиз. Особо подчеркнем, что наряду с традиционными криминалистическими (трасологическая, почерковедческая, судебно-техническая экспертиза документов, взрыво-техническая, баллистическая, видео-фоноскопическая и др.), судебно-медицинскими, судебно-психиатрической и судебно-психологическими экспертизами, в ходе расследования в обязательном порядке назначаются экспертизы, субъектами производства которых являются носители гуманитарных знаний. В зависимости от устанавливаемых обстоятельств может возникнуть необходимость в производстве лингвистической, психолингвистической, культурологической, социолингвистической, религиоведческой, теологической и иных, так называемых «гуманитарных» экспертиз. Следует обратить внимание, что данные экспертизы в обязательном порядке должны проводиться в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, поскольку являются, едва ли не единственным источником

² Экстремистские материалы — предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы (п.3 ст.1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.15) «О противодействии экстремистской деятельности»).

информации, позволяющей установить деликтность действий. Для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначена комплексная экспертиза, к производству которой могут привлекаться, помимо лингвистов, специалисты соответствующей необходимой области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.)³.

Не преследуя цель рассмотреть весь комплекс проблем, с которыми сталкиваются правоприменители при привлечении сведущих лиц, остановимся на наиболее, на наш взгляд, принципиальных, обусловленных ненадлежащей правовой регламентацией назначения и производства судебных экспертиз.

Законодателем в п. 49 ст. 5 УПК РФ судебная экспертиза определена как «экспертиза, производимая в порядке, установленном УПК РФ». Считаю необходимым отметить, что определение (лат. «definitio» — «определение») понятия — логическая операция, посредством которой указываются существенные (отличительные) свойства изучаемого объекта, достаточные для его распознавания, в результате чего раскрывается содержание понятия, позволяющее отделить объекты, охватываемые данным понятием, от всех других объектов изучения. Однако определение понятия не должно содержать «порочного круга»⁴, т. е. недопустимо определять одно понятие через другое, которое, в свою очередь, определяется при помощи первого. Таким образом, ошибка законодателя, допущенная при определении понятия «судебная экспертиза», не позволяет судить ни о содержании этого понятия, ни о субъектах производства судебной экспертизы.

Справедливости ради укажем, что более подробное определение понятия «судебная экспертиза» приведено в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁵ — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом,

³ Пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

⁴ Разновидностью «порочного круга» в определении понятия является тавтология (от греч. — ταυτολογία — «повторяющий одно и то же») — ошибочное определение, в котором определяющее слово повторяет определяемое.

⁵ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [8]; далее — ФЗ о ГСЭД в РФ.

судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Исключительное значение при назначении судебной экспертизы имеет правильный выбор экспертного учреждения, которому поручается ее производства, или конкретного лица, наделяемого процессуальным статусом «эксперт» [3]. В соответствии с ч. 2 ст. 195 УПК РФ и ст. 41 ФЗ о ГСЭД в РФ судебная экспертиза может производиться как в государственных судебно-экспертных учреждениях, так и лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами. В свою очередь согласно ФЗ о ГСЭД в РФ государственными судебно-экспертными учреждениями являются специализированные учреждения федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданные для обеспечения исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей посредством организации и производства судебной экспертизы (ст. 11), а государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей (ст. 12). При этом ни в УПК РФ, ни в ФЗ о ГСЭД в РФ не конкретизируется, в каких случаях привлекаются государственные, а в каких — негосударственные эксперты, лишь в ст. 11 ФЗ о ГСЭД в РФ указывается, что в случае невозможности производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем указанную территорию, в связи с отсутствием эксперта конкретной специальности, необходимой материально-технической базы либо специальных условий для проведения исследований, судебная экспертиза для органов дознания, органов предварительного следствия и судов может быть произведена государственными судебно-экспертными учреждениями, обслуживающими другие территории.

Наряду с этим, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, основываясь на содержании ст. 11 ФЗ о ГСЭД в РФ, обратил внимание правоприменителя, что условиями поручения производства судебной экспертизы негосударственному экспертному учреждению или лицу, не работающему в государственном судебно-экспертном учреждении, являются отсутствие в государственном судебно-экспертном учреждении эксперта конкретной специальности, отсутствие надлежащей материально-технической базы либо специальных условий, а также наличие обстоятельств, указанных в ст. 70 УПК РФ [3].

Помимо государственных экспертов, субъектами экспертной деятельности могут быть лица, обладающие специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами. При этом вполне очевидно, что к производству ряда судебных экспертиз (в частности, лингвистической, психолингвистической, культурологической, социогуманитарной, религиозно-теологической) привлекаются носители специальных знаний, не являющиеся сотрудниками судебно-экспертных учреждений. В этой связи нельзя не отметить, что нормативная правовая база, регламентирующая деятельность негосударственных экспертов, представляется не вполне достаточной, поскольку не содержит в себе ни четкого определения понятия негосударственного судебно-экспертного учреждения, ни требований, предъявляемых к компетентности негосударственного эксперта, ни критериев, которым должны удовлетворять используемые при производстве экспертизы методики.

Не оспаривая возможности, а в ряде случаев, и необходимости привлечения негосударственных экспертов для производства экспертизы, отметим, что, к сожалению, в настоящее время существует достаточное количество экспертных организаций (центров), декларирующих универсальность своих возможностей при оказании содействия субъекту расследования и суду, наличие соответствующих профильных экспертов, использование исключительно эффективных методик и т. п. Между тем внимательное ознакомление с материалами, характеризующими деятельность ряда подобных организаций, позволяет прогнозировать катастрофичность последствий обращения к ним в целях производства судебной экспертизы. В подтверждение этого позволим себе процитировать материалы с сайта (с указанием конкретных адресов страниц в Интернете) одной из таких организаций (*все выделения далее в тексте наши. — Авт.*):

Многопрофильный центр судебных экспертиз и криминалистики (МЦСЭК) [4] является независимым экспертно-исследовательским учреждением, основным видом деятельности которого является проведение независимых судебных экспертиз и исследований практически по всем видам экспертных и научных направлений (*экспертиза документов, криминалистика, медицина, генетика, психология, психиатрия, ветеринария, лингвистика, строительство, землеустройство, кадастровые экспертизы, дендрология, химия, биология и многие другие направления*).

Центр проводит независимые экспертизы для судов, органов предварительного следствия (*Следственный комитет РФ, следственные отделы и отделы дознания Министерства внутренних дел*), для адвокатов, физических и юридических лиц.

Все эксперты нашего центра имеют необходимые допуски и сертификаты для проведения судебных экспертиз, обладают большим стажем профессиональной деятельности. Многие наши эксперты имеют ученые степени и звания.

Многопрофильный центр судебных экспертиз и криминалистики предлагает *полный спектр* психологических и психиатрических экспертиз, включая комплексные и комиссионные психолого-психиатрические экспертизы, посмертные психиатрические и посмертные психолого-психиатрические экспертизы, экспертизы морального вреда, психологические экспертизы детей, экспертизы детско-родительских отношений, психологическую экспертизу ребенка при разводе родителей, а также довольно редкие виды:

- психолого-сексологическая экспертиза, сексолого-психиатрическая экспертиза, психолого-сексолого-психиатрическая экспертиза;
- экспертизы по делам об экстремизме и терроризме (экспертиза экстремизма, экспертиза материалов терроризма, психолого-лингвистическая экспертиза экстремизма и терроризма) включают в себя довольно большой и разносторонний спектр экспертиз и исследований, к которым могут быть отнесены:
- лингвистические экспертизы по делам об экстремизме и терроризме;
- комплексные психолого-лингвистические экспертизы по делам об экстремизме;
- психолого-почерковедческие экспертизы по делам об экстремизме;
- автороведческие экспертизы по делам об экстремизме и терроризме;
- искусствоведческие экспертизы по делам об экстремизме и терроризме;
- религиозоведческие экспертизы по делам об экстремизме и терроризме;
- политологические экспертизы по делам об экстремизме и терроризме;
- фоноскопические экспертизы по делам об экстремизме и терроризме;
- видео- и компьютерно-технические экспертизы по делам об экстремизме;
- другие виды комиссионных и комплексных экспертиз по делам об экстремизме и терроризме [9].

Чрезвычайно «обширный» перечень возможностей (который не может не вызывать ряд вопросов) в сочетании с содержанием отдельных страниц упомянутого выше сайта позволяет констатировать, что

в данном центре предполагают допустимым решать вопросы, явно выходящие за пределы компетенции сведущего лица, наделенного процессуальным статусом «эксперт» (например, установление «подлинности»). Более того, даже конкретные виды экспертизы уже в своем названии содержат данный термин: «Экспертиза *подлинности* почерка / *подлинности* рукописного текста», «Экспертиза *подлинности* документов (*подлинность* документов)», «Техническая экспертиза *подлинности* документов (*подлинность*, монтаж, давность)» [6].

Нельзя не удивиться неосведомленности руководства и экспертов данного центра о том, что судебно-психиатрическая экспертиза по уголовным делам может проводиться исключительно в государственных судебно-экспертных учреждениях, поскольку, несмотря на то, что в ст. 62 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан» установлено, что судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы проводятся в медицинских организациях экспертами в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной судебно-экспертной деятельности, что предполагает в соответствии со ст. 41 ФЗ о ГСЭД в РФ и ст. 195 УПК РФ альтернативность выбора судебно-экспертного учреждения, результаты анализа ведомственной нормативной правовой базы дают основание для вывода, что указанные экспертизы могут быть произведены исключительно в государственных судебно-экспертных учреждениях. Соответственно, поручение производства судебно-психиатрической экспертизы негосударственному судебно-экспертному учреждению влечет наступление негативных последствий вплоть до исключения заключения эксперта как недопустимого доказательства.

Еще более удивляет утверждение, что все эксперты центра имеют «необходимые допуски», поскольку то, что для простоты называется «допуском», а в соответствии с нормативными источниками — аттестация эксперта на право самостоятельного производства конкретного вида экспертизы, является неотъемлемой составляющей деятельности исключительно государственного эксперта (ст. ст. 12, 13 ФЗ о ГСЭД в РФ).

Столь обстоятельный пример приведен нами сознательно с целью проиллюстрировать значимость вопроса выбора негосударственного экспертного учреждения (или физического лица — носителя специальных знаний), которому поручается производство судебной экспертизы.

К сожалению, наряду с законодателем фрагментарностью и нечеткостью предлагаемых формулировок отличаются и разъяснения высшей судебной инстанции. В подтверждение своей позиции приведем в качестве примера отдельные положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», посвященные лицам, проводящим судебные экспертизы [5]. Так,

согласно п. 3 указанного постановления при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации. Неудачная, на наш взгляд, редакция приведенного положения влечет ряд вопросов: что следует понимать под возможностью производства судебной экспертизы (наличие у указанного лица свободного от основной работы времени, его физическое и (или) психическое состояние, иное); о чем свидетельствует однозначное указание на необходимость выяснения стажа работы в качестве эксперта лица, не являющегося государственным судебным экспертом. Если в данном случае речь идет о том, что в качестве эксперта может быть привлечен лишь эксперт негосударственного судебно-экспертного учреждения, то не ясно, как это соотносится с п. 2 этого же постановления, согласно которому к иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, наряду с экспертами негосударственных судебно-экспертных учреждений относятся лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях. Равным образом такая трактовка входит в противоречие со ст. 41 ФЗ о ГСЭД в РФ, в соответствии с которой судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами. Напротив, если руководствоваться содержанием п. 2 вышеупомянутого постановления и ст. 41 ФЗ о ГСЭД в РФ, неизбежен вопрос, каким образом у лица, не работающего в судебно-экспертном учреждении (как государственном, так и негосударственном), может быть стаж работы в качестве эксперта.

Таким образом, вполне очевидно отсутствие в настоящее время надлежащей регламентации правового статуса такого участника уголовного судопроизводства как эксперт. И, наконец, следует признать, что редакция п. 4 упомянутого выше постановления, в котором указано на недопустимость постановки перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда, как не входящих в его компетенцию, также не отличается четкостью формулировки и, как следствие, не вносит ясность в допустимость привлечения в качестве эксперта лица, сведущего в отраслях права, не связанных с оценкой деяния.

Безусловно, существующее положение вещей не способствует активному и эффективному привлечению в качестве экспертов лиц, не являющихся сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений.

В заключение отметим, что даже отдельные примеры ненадлежащей правовой регламентации назначения и производства судебной экспертизы свидетельствуют о явной незаинтересованности законодателя в решении одной из ключевых проблем уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики [Электронный ресурс] <http://crimestat.ru> (дата обращения: 21.03.2019).
2. *Елагина Е. В.* Использование специальных знаний при расследовании преступлений экстремистской направленности // *Правда и закон.* 2018. № 3 (5). С. 53–56.
3. *Елагина Е. В., Николаева Т. Г.* Некоторые проблемы привлечения для производства судебных экспертиз сведущих лиц, не являющихся государственными экспертами // *Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова; ред.-сост.: М. А. Лушечкина.* М., 2015. С. 206–210.
4. Многопрофильный центр судебных экспертиз и криминалистики [Электронный ресурс]. URL: <http://sudkrim.ru/index.php> (дата обращения: 21.03.2019).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2011. № 2, февраль.
6. Почерковедческие экспертизы и экспертизы документов [Электронный ресурс] // Многопрофильный центр судебных экспертиз и криминалистики. URL: <http://sudkrim.ru/index.php/vidy-ekspertiz/ekspertizy-dokumentov-i-grafologicheskie-ekspertizy> (дата обращения: 21.03.2019).
7. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2020 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 05.03.2019).
8. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ,* 04.06.2001, № 23.
9. Экспертизы по делам об экстремизме и терроризме [Электронный ресурс] // Многопрофильный центр судебных экспертиз и криминалистики. URL: <http://sudkrim.ru/index.php/ekspertizy-po-delam-ob-ekstremizme-i-terrorizme> (дата обращения: 21.03.2019).

Судебно-психологическая экспертиза по показаниям участников уголовного судопроизводства как вид гуманитарной экспертизы

Irina V. A.

Forensic psychological examination according to the testimony of participants' criminal proceedings as a type of humanitarian expertise

Аннотация. В статье представлен анализ методологических оснований отношения нетрадиционной судебно-психологической экспертизы по показаниям участников уголовного судопроизводства к виду гуманитарной экспертизы. В качестве аргументов выступает не доказательство истинности (ложности) факта и диагностические цели, характерные для традиционных судебных экспертиз, а прогностические задачи, при которых факты, комментарии и объяснения ложатся в основу доказательной интерпретации.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза, достоверность показаний, гуманитарная экспертиза.

Annotation. The article presents an analysis of the methodological basis for attributing unconventional forensic psychological examination according to the testimony of participants in criminal proceedings to the form of humanitarian expertise. Here the main thing is not the proof of truth (falsity) and the diagnostic goals characteristic of forensic examinations, but prognostic tasks in which facts, comments and explanations form the basis of evidence-based interpretation.

Key words: forensic psychological examination, credibility of testimony, humanitarian examination.

Судебно-психологическая экспертиза по показаниям участников уголовного судопроизводства в судебной практике называется экспертизой по выявлению признаков достоверности (недостоверности) информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства по видеозаписи следственного действия или оперативного мероприятия [1, 87].

К числу традиционных видов судебно-психологических экспертиз данная экспертиза в настоящее время не отнесена по ряду причин. Во-первых, первые разработчики методов оценки показаний (О. Фрай, 2005, Г. Кёнкен, 2010, 2015 и др.) [6] выступали против использования «признаков достоверности» в рамках экспертизы. В частности, они отмечали, что точность дифференциации воспроизведения достоверных или недостоверных показаний хотя и составляет от 70 до 90%, однако она недостаточна для принятия однозначного экспертного решения, тем более, если она имеет инкриминирующее значение.

Более того, немецкие исследователи выступали против применения в экспертных целях анализа невербальных признаков достоверности информации, называли мифом утверждения о том, что особенности невербального поведения человека, дающего ложные показания, отличают его от того, кто говорит правду. Известно также, что и данные известного автора книги «Психология лжи» П. Экмана [7] о микровыражениях лица к настоящему времени не имеют эмпирического и экспериментального подтверждения, не может претендовать на научную обоснованность и метод «Стоп-кадр», поэтому его использование в экспертной практике недопустимо.

Методологические основания неправомерности проведения судебно-психологических экспертиз достоверности показаний путем судебной экспертизы отражены в информационном письме «О неправомерности определения достоверности показания путем судебной экспертизы», подготовленного научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России в 2016 году [4]. К данным основаниям совет отнес следующие из них: 1) следственные и оперативно-розыскные мероприятия не могут выступать в качестве предмета психологической экспертизы; 2) диагностика содержания сознания допрашиваемого в настоящее время с позиций научной психологии невозможна; 3) предметом судебно-психологического экспертного исследования может быть только психическая деятельность человека: экспертиза направлена исключительно на субъекта, а не на информацию, которой он владеет (это же относится и к полиграфологическому исследованию); 4) к лицам, осуществляющим оценку доказательств, закон отнес дознавателя, следователя, прокурора и суд (ч. ч. 3 и 4 ст. 88 УПК РФ), эксперта в этом перечне нет; 5) в соответствии со ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» экспертиза должна проводиться на строго научной и практической основе [4, 69–72].

Таким образом, в настоящее время судебно-психологическая экспертиза по показаниям участников уголовного судопроизводства не внесена в существующие Перечни родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных учреждениях МВД РФ, Минздрава России, Минюста России. Вместе с тем имеются попытки отнести её к такому виду экспертиз, как «Психологическое исследование информационных материалов», который был внесён в сентябре 2017 г. в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России [3].

В настоящее время институционализация нетрадиционных видов экспертиз, в том числе судебно-психологической экспертизы по показа-

ниям участников уголовного судопроизводства, продолжает активно реализовываться и осуществляется она по инициативе экспертных сообществ. Особую роль в данном процессе играет наличие независимых экспертных компаний и объединение экспертных сообществ.

В продвижении судебно-психологической экспертизы по выявлению признаков достоверности (недостоверности) показаний участников уголовного судопроизводства одним из таких центров является Научно-исследовательский центр судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского и некоторые другие, самостоятельные или объединенные с ним сообщества ученых.

Очевидно, что методологическое и правовое состояние судебно-психологической экспертизы по показаниям участников уголовного судопроизводства по-прежнему остается неопределённым. Неопределённость характеризует не только обсуждаемую экспертизу, но и многие другие новые (нетрадиционные) экспертизы, возникшие в конце XX — в начале XXI в. и имеющие существенные качественные отличия от традиционных.

М. В. Рон, исследуя характеристики традиционных и новых видов экспертиз, делает выводы о следующих существенных различиях между ними. Традиционные экспертизы, как известно, носят предметную направленность, монодисциплинарный характер исследования, при котором используются апробированные и легитимные методики, выработанные в науке, дающие ответ об истинности (или ложности) факта. Традиционные экспертизы имеют объективный и внеперсональный характер деятельности эксперта, перед которым стоит диагностическая цель, его заключение носит доказательный характер. Тогда как новые (нетрадиционные) экспертизы отличаются гуманитарной направленностью, при которой предметом экспертизы становятся не доказательство истинности (ложности) факта, а интерпретация факта. Нетрадиционные экспертизы имеют междисциплинарный характер, при котором возрастает потребность в использовании комплекса междисциплинарных методик исследования и поиск методологических подходов. Цель нетрадиционных экспертиз ни столько диагностическая, сколько прогностическая и интерпретационная, в которых факты, комментарии и объяснения ложатся в основу доказательной интерпретации [5, 73–75].

Переноса сделанные М. В. Рон выводы на методологическую специфику судебно-психологической экспертизы по показаниям участников уголовного судопроизводства, можно сказать, что предметом её исследования является смысловое содержание показаний конкретного участника юридически значимого события, его эмоциональное состояние в ходе

допроса и др. По своим характеристикам данный вид судебно-психологической экспертизы можно отнести к *гуманитарной экспертизе*, которая, по мнению исследователей [2; 5; 8], может рассматриваться как новый вид экспертизы, в центре проблемного поля которой находится человек. «Любая специальная экспертиза, — пишет В. П. Козырьков, — в конечном счете, приходит к необходимости дополнить её гуманитарной составляющей. Будь то техническая экспертиза или экологическая, но в любом случае, когда объект экспертизы имеет общественное или культурное значение, социально-гуманитарная экспертиза становится их завершающим звеном» [2, 312].

Гуманитарная экспертиза рассматривается как интеллектуальная технология принятия стратегических решений, необходимых в ситуации социокультурных изменений; как тип коммуникации, связанный с необходимостью решения задач в условиях неопределенности; как социальный институт, обеспечивающий контрольно-превентивные меры, в том числе в сфере нравственно-этических норм общества. Гуманитарная экспертиза направлена не столько на оценку «артефакта», — отмечает М. В. Рон, — сколько на выработку и мобилизацию общественного мнения. «Важную роль здесь играет не только результат, но и процесс принятия решений, требующий согласования интересов различных групп и личностей. Однако такое понимание гуманитарной экспертизы меняет отношение к позиции самого эксперта. В сложившейся ситуации экспертом выступает активная личность, играющая знаковую роль в жизни общества» [5, 75].

Список литературы

1. *Енгальцев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.
2. *Козырьков В. П.* Гуманитарная экспертиза в контексте культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 2. С. 310–314.
3. О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к приказу Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»: приказ Минюста России от 19.09.2017 № 169 // Официальный интернет-портал КонсультантПлюс (дата обращения: 09.10.2018 г.).

4. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы: Информационное письмо утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 6 от 15.06.2016), Ученым советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России (протокол № 7 от 20.06.2016 г.) // Психология и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 61–78.
5. Рон М. В. Традиционные и новые виды экспертиз // Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт: коллективная монография / авт.-сост. Н. А. Кривич; под общ. ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой, Н. А. Кривич. СПб.: Астерион, 2011. 384 с.
6. Фрай О. Детекция лжи и обмана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. 320 с.
7. Экман П. Психология лжи. СПб., 2015. 384 с.
8. Юдин Б. Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 126–135.

Комиссарова Я. В.

К вопросу о выборе эксперта при назначении судебно-психологической экспертизы материалов экстремистского содержания

Komissarova Ya. V.

On the issue of choosing an expert when appointing a forensic psychological examination of extremist materials

Аннотация. Судебная экспертиза может быть поручена любому лицу, обладающему специальными знаниями. В связи с этим возникает проблема проверки компетентности лица, назначаемого экспертом. В России стандартизированы термины и определения, которые должны использовать те, кто проводит судебно-психологические экспертизы. Однако на практике нередки случаи использования в доказывании по уголовным делам экспертных заключений, которые вызывают сомнения у психологов и криминалистов.

Ключевые слова: следы в криминалистике, судебная экспертиза, компетентность эксперта, методика экспертного исследования, заключение эксперта.

Annotation. Forensic expertise may be entrusted to any person with specialize knowledge. This raises the problem of verifying the competence of the person appointed by the expert. In Russia, standardized term sand definitions that should be used by those who conduct forensic psychological examination. However, in practice, it is not uncommon to use expert opinions in proving criminal cases, which raise doubts among psychologists and criminologists.

Key words: the tracks in criminalistics, judicial expertise, competence, expert, method expert study the expert's conclusion.

В статье 18 Конституции РФ подчеркивается: права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Качественное производство судебных экспертиз по уголовным делам — одно из ключевых направлений деятельности правоохранительных органов. Заключение эксперта, составленное лицом, не заинтересованным в исходе дела, с опорой на фундаментальные научные положения и апробированные методики проведения исследования, а также показания эксперта являются весомыми доказательствами по уголовным делам.

Однако в последние несколько лет суд, стороны обвинения и защиты все чаще сталкиваются с ситуацией использования в доказывании по уголовным делам экспертных заключений, которые вызывают сомнения у ученых — психологов и криминалистов.

Например, директором «Экспертного бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа» (г. Калуга), руководителем Департамента судебных экспертиз АНО ДПО «Академия Детекции Лжи» (г. Москва) И. А. Макаренко, а также руководителем «Межрегионального Центра информационной безопасности и судебной экспертизы» (г. Калуга), руководителем Департамента психолингвистики АНО ДПО «Академия детекции лжи» (г. Москва) Н. Ю. Васильевой при производстве судебно-психологических экспертиз используется метод «комплексной интегративной психолого-психофизиологической детекции идеальной следовой информации» [5].

Между тем ГОСТ Р 57344-2016 Национальный стандарт Российской Федерации «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения»¹ не содержит понятий, которыми оперируют указанные лица, выступая в качестве экспертов по уголовным делам. Данный стандарт предназначен для применения лицами, проводящими судебно-психологические экспертизы. Требования стандарта распространяются как на государственных судебных экспертов, так и на негосударственных судебных экспертов.

¹ Разработан Федеральным бюджетным учреждением «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации» совместно с Федеральным государственным бюджетным учреждением «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского» Минздрава России. Внесен Техническим комитетом по стандартизации ТК 134 «Судебная экспертиза». Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12 декабря 2016 г. № 2010-ст (перездание: август 2018 г.).

Согласно информации с сайта «Экспертного бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа» [8] с использованием заявленного метода в рамках комплексной психолого-психофизиологической экспертизы возможно решение вопроса: наличествует ли у Ф. И. О. идеальная следовая информация о том, что... (фактические данные, интересующие следствие)?

По данному факту необходимо пояснить следующее.

В зависимости от условий получения информации о событии преступления криминалисты выделяют три группы следов:

1. Материально-фиксированные следы (следы-предметы, следы-отображения, следы-вещества, особую группу в числе которых составляют запаховые следы) доступны для непосредственного восприятия и изучения независимо от волеизъявления кого-либо из участников судопроизводства.
2. Знаковые следы для непосредственного восприятия недоступны. Однако зафиксированная таким образом информация может быть получена, декодирована и использована в доказывании независимо от волеизъявления участников уголовного процесса.
3. Идеальные следы не только недоступны для непосредственного восприятия, но и не могут быть изучены без согласия и участия человека — «следоносителя».

Понятие «идеальная следовая информация» лишено смысла, так как является смешением разных категорий: материальный носитель (след), форма отображения (психофизиологическая), содержание (информация).

Получение информации всегда предполагает работу с ее материальным носителем. Сведения, сообщаемые людьми, исключением не являются. Однако ситуация межличностного общения весьма специфична, поскольку существует так называемая психофизиологическая проблема. В науке нет ответа на вопрос о соотношении психических и физиологических процессов, протекающих в организме человека в связи с получением, сохранением и воспроизведением какой-либо информации. При этом ложные воспоминания невозможно отличить от истинных, хранящихся в памяти. Они имеют те же свойства, что и любые другие, и ничем не отличаются от воспоминаний о событиях, которые происходили на самом деле.

На основе анализа реакций на стимулы полиграфолог формулирует свою (экспертную) версию относительно информированности обследуемого лица о случившемся. Он также вправе высказать суждение о возможных обстоятельствах получения человеком информации о событии (вероятности ее получения непосредственно в момент события).

Современный уровень развития науки не позволяет путем регистрации и анализа психофизиологических реакций человека в ответ на предъявляемые стимулы конкретизировать информацию, которой он обладает. Механизмы памяти пока до конца не изучены.

Указанный подход закреплен в Видовой экспертной методике производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа (2005), Единых требованиях к порядку проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа (2008), Методических рекомендациях по порядку назначения и производства психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе МВД России (2018), Межведомственной методике производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа (2018).

Разработчик метода «комплексной интегративной психолого-психофизиологической детекции идеальной следовой информации» И. А. Макаренко в публикуемых работах подчеркивает, что метод является уникальным и не имеет аналогов, однако основан на разработках известных ученых и практиков, в частности, С. С. Шипшина, В. А. Шаповалова, М. С. Баева и др. [1].

Заместителем начальника Южного регионального центра судебной экспертизы Минюста России, заведующим отделом судебных психологических экспертиз, имеющим высшее психологическое образование, ученую степень кандидата психологических наук, ученое звание доцента, квалификацию судебного эксперта по специальности «Исследование психологии и психофизиологии человека» С. С. Шипшиным (стаж экспертной работы с 1980 г.) были проанализированы заключения эксперта, составленные И. А. Макаренко в 2016 и 2017 гг.

В результате выявлено: «Использование научно необоснованного методологического подхода к экспертному исследованию с использованием неоднозначных терминов, определений и наукообразных неологизмов; использование не предназначенных для решения экспертных задач судебно-психологической экспертизы методов и исследовательских процедур; выход за пределы компетенции эксперта при получении данных от матери мальчика (выполнение функции следователя или специалиста; решение вопросов, относящихся к компетенции психиатра); ошибочная интерпретация содержания зафиксированных в материалах проверки объяснений мальчика как его собственной прямой речи; ... подмена ретроспективного анализа поведения изучением текущего “содержания сознания” при неполноте проведенного исследования и неправильной оценке полученных результатов», а также выход за пределы компетенции эксперта при формировании выводов, касающихся

наличия у ребенка «идеальной следовой информации»; недоказанность результатами исследования и недостаточная обоснованность отдельных выводов.

В России сертифицированным специалистом по FACS (Facial Action Coding System) является М. С. Баев, который по итогам анализа заключений эксперта, составленных И. А. Макаренко в 2016 и 2017 гг., пояснил, что методика FACS ею применена некорректно. Данная методика для использования при производстве судебных экспертиз в Российской Федерации не апробирована.

В ряде заключений эксперта по уголовным делам И. А. Макаренко ссылаются на использование Методики психологической оценки показаний В. А. Шаповалова [7] при выявлении совокупности психологических признаков «идеальной следовой информации», обосновывая таким образом свои выводы.

По данному факту В. А. Шаповаловым на странице социальной сети Facebook даны разъяснения: «В связи с анализом, ставших мне доступными русскоязычных заключений судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психофизиологических экспертиз с применением полиграфа, где ссылаются на использование моей авторской методики ... решил сделать этот пост»; «огорчает то, что ее процедуры применяются фрагментарно и не по назначению, что неизбежно будет приводить к ошибочным выводам»; «основной ошибкой, которую я увидел в ходе анализа заключений, является использование математических закономерностей матрицы не по назначению».

Указывая в заключении эксперта по уголовному делу информацию о себе как представителе негосударственного экспертного учреждения, И. А. Макаренко и Н. Ю. Васильева не сообщают, что в качестве юридических лиц «Экспертное бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа» и «Межрегиональный Центр информационной безопасности и судебной экспертизы» не зарегистрированы. В действительности И. А. Макаренко и Н. Ю. Васильева являются индивидуальными предпринимателями.

Согласно пункту 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суду следует предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении

(постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения.

В связи с изложенным компетентность лиц, назначаемых экспертами по уголовным делам, нуждается в тщательной проверке и оценке.

Список литературы

1. *Арпентьева М. Р., Макаренко И. А.* Судебная и криминалистическая психологическая диагностика: методы профилирования, верификации и использования полиграфа: монография. М.; Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, Академия Детекции Лжи, 2018. 260 с.
2. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С. А. Смирнова, Е. В. Макушин, А. Я. Аснис, Е. В. Васкэ и [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы: научно-практический журнал. 2016. № 3 (43). С. 64–73.
3. *Комиссарова Я. В.* Основы полиграфологии: учебник для магистров. М.: Проспект, 2016.
4. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я. В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016.
5. *Макаренко И. А.* Технология контактной экспертной детекции идеальной следовой информации в судебной экспертизе [Электронный ресурс] // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-kontaktnoy-ekspertnoy-deteksii-idealnoy-sledovoy-informatsii-v-sudebnoy-ekspertize> (дата обращения: 17.02.2019).
6. Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий): научно-практическое пособие / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгальчев, Г. К. Кравцова, В. И. Седин, Е. Н. Холопова. М.: Московская академия СК России, ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, 2018.
7. *Шатовалов В. А.* Методика определения психологических признаков достоверности/недостоверности показаний в юридической практике: методическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Кафедра, 2013. 108 с.
8. Экспертное бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа [Электронный ресурс]. URL: https://ekspert-psi.com/sudiebnyie_ekspiertizy (дата обращения: 17.02.2019).
9. *Komissarova Ya. V.* On Standard Methods of Forensic Psychophysiological Examination Using a Polygraph // Polygraph & Forensic Credibility Assessment: A Journal of Science and Field Practice. 2018. № 47 (2). P. 135–141.

Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии: понятийный аппарат и диагностические возможности

Svobodnyi F. K.

Judicial psychological examination of the person's awareness of the investigated event: conceptual apparatus and diagnostic capabilities

***Аннотация.** В статье предлагается новый вид судебной психологической экспертизы — судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии. Определяются объекты, предметы и задачи данной экспертизы. Описываются методы экспертного исследования и диагностические возможности по определению характеристик информированности подэкспертного о деталях преступления.*

***Annotation.** The article proposes a new type of forensic psychological examination — forensic psychological examination of the person's awareness of the investigated event. The objects, objects and tasks of this examination are determined. The article describes the methods of expert research and diagnostic capabilities to determine the characteristics of awareness of the expert on the details of the crime.*

***Ключевые слова:** судебная психологическая экспертиза, информированность личности о расследуемом событии, объект, предмет, задачи судебной экспертизы.*

***Key words:** judicial psychological examination, awareness of the person about the investigated event, object, subject, tasks of judicial examination.*

Вопросы теории и практики судебных психологических экспертиз (далее — СПЭ) подробно раскрыты в исследованиях В. Л. Васильева, Е. Г. Дозорцевой, В. Ф. Енгальчева, Л. П. Конышевой, М. М. Коченова, И. А. Кудрявцева, Ф. С. Сафуанова, О. Д. Ситковской и др. При этом многие авторы указывают на динамический характер СПЭ, обуславливающий возникновение ее новых разновидностей.

В настоящее время не существует единой классификации СПЭ, поскольку различные авторы используют различные классифицирующие критерии при построении авторских классификаций СПЭ. Так, например, выделяются следующие основания классификации СПЭ: объект экспертного исследования [2]; процессуальное положение подэкспертного; особенности личности подэкспертного; пол подэкспертного [8], возраст подэкспертного; место и условия проведения экспертизы; вид юридического дела; характер экспертных задач [5]; частный предмет экспертизы и т. д.

Общим предметом психологической экспертизы, подчеркивающим специфику СПЭ, как особого вида экспертного исследования, выступает

психика (психическая деятельность) человека, рассматриваемая как целостная система [6].

Отдельные же элементы этой системы — психические процессы, состояния и свойства будут выступать частными предметами СПЭ — в зависимости от конкретной экспертной цели.

Важной особенностью психической деятельности, как предмета познания, принципиально отличающей её от большинства других предметов судебных экспертиз, является то, что она не поддается непосредственному, в том числе — чувственному, восприятию и может исследоваться (во всяком случае, на современном уровне развития научных знаний) только опосредованно, т. е. через анализ поведения человека, различного рода реакций его организма, вербального поведения, самоотчетов и т. д.

При этом заказчиков СПЭ интересуют не сами по себе особенности психики (психической деятельности) человека, а влияние этих особенностей на способность лица совершать те или иные юридически значимые действия в конкретных условиях. То есть частным предметом СПЭ является психическая деятельность лица в юридически значимых ситуациях по расследуемому делу [5, 22–25].

Частный предмет СПЭ, имея системное строение, всегда будет элементом системы «психика» и в рамках конкретного дела может оказаться неоднородным с точки зрения своих количественных и качественных характеристик.

Выделение частных предметов экспертизы порождает наиболее подробную классификацию СПЭ и содержит потенциальные основания для развития новых видов СПЭ.

Так, в настоящее время выделяются СПЭ эмоциональных и иных состояний личности, СПЭ регуляторных способностей личности, СПЭ когнитивных способностей личности, СПЭ коммуникативных способностей личности, СПЭ характеристик мотива, СПЭ индивидуально-психологических особенностей личности, СПЭ воздействия, СПЭ внутригруппового взаимодействия, СПЭ взаимодействия личности и ситуации и др. [10].

Автор настоящей работы полагает, что частным предметом СПЭ могут выступать **особенности информированности** лица о расследуемом событии: степень (полнота) информированности; источники получения информации; время и место ее получения и т. д. И предлагает дополнить классификацию СПЭ новым видом — СПЭ информированности личности о расследуемом событии.

В процессе расследования преступлений дознаватели, следователи, судьи (основные заказчики судебной экспертизы) часто решают вопрос: «Что, на самом деле, знает о преступлении допрашиваемый (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый)?».

Наличие сведений, знаний о чем-либо, обладание информацией о чем-либо называется осведомленностью, а хорошая осведомленность, владение большим объемом информации — информированностью [1, 87].

Осведомленность допрашиваемого лица о преступлении давно является объектом внимания юридической науки и практики [11]. При этом акцент делается именно на так называемой виновной осведомленности [4], т. е. на обладании такими детальными сведениями о преступлении, знать о которых может только непосредственный участник преступного события (в первую очередь — сам преступник).

Действительно, многие правонарушения и преступления совершаются либо вообще без свидетелей, либо свидетели недостаточно полно и качественно запоминают обстоятельства преступления. Бывает так, что даже потерпевшие, в силу различных причин (нападение сзади, темное время суток, сильнейшее эмоциональное возбуждение и т. д.) оказываются слабо осведомлены о конкретных деталях преступления. Поэтому часто подробности совершения преступления (а особенно — подробности подготовки к нему) хорошо знает только сам преступник.

Понятно, что если лицо, отрицающее свою причастность к преступлению (и главное — отрицающее свою осведомленность о деталях преступления), в процессе следствия продемонстрирует каким-либо образом (вольно или невольно) свою «виновную осведомленность» (например, знание о точном количестве участников преступления, об определенном оружии преступления и т. п.), то можно будет сделать высоковероятностный вывод о причастности данного лица к расследуемому преступлению.

В процессе следствия преступники часто демонстрируют так называемые улики поведения — вербальные (слова, интонации, паузы в речи и т. д.) и невербальные (движения, мимика, жесты и т. д.) реакции, которые свидетельствуют о знании ими конкретных обстоятельств события преступления. Указанными «признаками» виновной осведомленности часто пользуются практические работники для формирования версий о причастности/непричастности (виновности/невиновности) лица к расследуемому событию.

Помимо наблюдаемых в процессе следственных действий «улик поведения», осведомленность лица об обстоятельствах расследуемого события можно попытаться установить как в процессе обычной беседы (допроса), так и в ходе специально организованного психологического эксперимента, например, ассоциативного эксперимента [9, 106–121], сопряженной моторной методики [3, 46] или эксперимента с использованием полиграфа, проводимых в формате СПЭ.

Но если термин «виновная осведомленность» больше подходит преступнику, то относительно других участников расследуемого события

(свидетель, потерпевший) более корректным будет говорить просто об их осведомленности или информированности о конкретных деталях преступления.

В данной работе автор вводит понятие **«информированность личности о событии»** и предлагает определить его как личностную характеристику, выражающуюся в наличии у человека системы объективных знаний и субъективных представлений о конкретном случае, произошедшем в его жизни. Если событие, произошедшее с человеком, является юридически значимым (например, содержит признаки преступления), оно попадает в «поле зрения» соответствующих государственных органов. Поэтому **«информированность личности о расследуемом событии»** можно определить как психологический феномен, выражающийся в наличии у человека относительно устойчивой системы объективных знаний и субъективных представлений о конкретном событии его жизни, обстоятельства которого сейчас расследуются правоохранительными органами [7].

Знания, сведения, представления, осведомленность, информированность и т. п. — это все компоненты опыта личности, который является психологическим феноменом. Исследование различных психологических феноменов входит в компетенцию психолога, а разрешение вопросов, возникающих перед следствием и судом при необходимости квалифицированной оценки психических явлений, требует проведения именно судебной психологической экспертизы.

В связи с вышесказанным представляется, что для квалифицированного, «экспертного» ответа на вопрос: «Что знает человек о данном преступлении?» необходимо производство **судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии**.

Определим основные понятия, задачи, методы и возможности (компетенции) данного вида экспертизы.

Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии (далее — СПЭИЛ) — это назначаемое с соблюдением закона процессуальное действие, состоящее в специально организованном психодиагностическом исследовании особенностей информированности подэкспертного о конкретном событии его жизни, обстоятельства которого сейчас расследуются правоохранительными органами.

Общим объектом СПЭИЛ является человек, во всех его взаимосвязях со средой, как носитель психики (сознания, памяти, информации о расследуемом событии), подлежащей исследованию в процессе экспертизы.

Частными объектами СПЭИЛ являются все иные материальные носители информации о личности и ее деятельности, исследуя которые

эксперт может получить сведения об особенностях информированности личности о расследуемом событии: материалы дела; аудиозаписи речи подэкспертного, видеозаписи поведения подэкспертного (в том числе полученные в ходе следственных действий и экспертиз); записи различных (моторных, физиологических, вегетативных, нейрофизиологических и др.) реакций подэкспертного, полученные аппаратурными методами (электроэнцефалограммы, полиграммы) и т. д.

Предмет СПЭИЛ — исследование качественных и количественных характеристик информированности человека о расследуемом событии, а именно установление фактические данных о наличии или отсутствии у лица информации о деталях расследуемого события; о степени информированности лица о расследуемом событии (об объеме и конкретном содержании информации о расследуемом событии, которой располагает лицо); о месте, времени и источниках получения лицом первой информации о расследуемом событии.

Задачами СПЭИЛ являются: дифференциально-поисковая, корреляционно-диагностическая, интерпретационно-герменевтическая и аналитическая.

Дифференциально-поисковая задача СПЭИЛ — обнаружить в психической деятельности подэкспертного признаки (поведение, речь, реакции и т. д.), которые могут быть связаны с расследуемым событием. Решение корреляционно-диагностической задачи СПЭИЛ позволяет точно установить наличие связи между указанными признаками и расследуемым событием. Интерпретационно-герменевтическая задача СПЭИЛ направлена на объяснение детерминации проявления вышеуказанных признаков таким фактором, как наличие у подэкспертного информации о расследуемом событии. Аналитическая задача СПЭИЛ позволяет сделать общий вывод относительно особенностей информированности человека о расследуемом событии: о степени информированности лица о расследуемом событии (об объеме и конкретном содержании информации о расследуемом событии, которой располагает лицо), а также о месте, времени и источниках получения лицом первой информации о расследуемом событии.

Методами СПЭИЛ являются: психологический анализ материалов дела, наблюдение; экспертная беседа; психологическое тестирование (в том числе ассоциативный эксперимент), экспериментальное психодиагностическое исследование с использованием приборов, регистрирующих моторные, физиологические, нейрофизиологические реакции подэкспертного на предъявляемые ему стимулы. По мере развития данного вида экспертиз вполне вероятно расширение перечня методов СПЭИЛ.

В компетенцию СПЭИЛ не входит решение правовых вопросов: о наличии/отсутствии расследуемого события; о действиях подэкспертного или иных участников события, о правдивости/ложности показаний подэкспертного.

Возможности СПЭИЛ ограничиваются решением следующих вопросов (к эксперту):

1. Обладает ли подэкспертный информацией об обстоятельствах (деталях) расследуемого события?
2. О каких конкретно обстоятельствах расследуемого события обладает информацией обследуемый?
3. Когда и из каких источников обследуемым была получена первая информация об обстоятельствах расследуемого события?

Производство СПЭИЛ с высокой вероятностью **позволяет определить**: 1) особенности информированности обследуемого лица об обстоятельствах получения им самой первой информации о расследуемом событии (факте), таких как: дата, время и место получения указанной информации; источник получения указанной информации и т. д.); 2) особенности информированности обследуемого лица об общих обстоятельствах расследуемого события, таких как: характер события, общее количество участников данного события; действия участников события; роль (вклад) обследуемого лица в указанном событии; дата, время, место происхождения события и т. д.; 3) особенности информированности обследуемого лица о частных обстоятельствах расследуемого события, например, таких как: реакции участников события на действия других участников события; характеристики внешности участников события; одежда участников события и т. д.

На настоящий момент автором данной статьи было произведено более 300 СПЭИЛ по соответствующим постановлениям органов дознания и следствия, суда. Результаты проведенных СПЭИЛ, оформленные в виде заключений эксперта, были приобщены к материалам соответствующих дел и приняты в качестве источника доказательств.

Список литературы

1. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
2. *Квитко Н. И., Потоцкий Н. К, Холопова Е. Н.* Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту самоубийства: монография. М., 2001.
3. *Лурия А. Р.* Сопряженная моторная методика и её применение в исследовании аффективных реакций // Проблемы современной психологии. Т. 3. М., 1928.
4. *Мозяков В. В.* Руководство для следователей. М., 2005.

5. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: науч.-практич. пособие. М., 1998.
6. Сахнова Т. В. Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам: учеб. пособие. М., 1977.
7. Свободный Ф. К. Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии: учеб. пособие. Барнаул, 2015.
8. Ситникова А. Е., Ермолин А. В. Представленность в сознании структуры мотива как предмет судебно-психологической экспертизы: монография. СПб., 2002.
9. Тойм К. Ассоциативный эксперимент в психодиагностике в XIX веке // Ученые записки Тартуского университета. 1978. № 465.
10. Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
11. Чегодаева С. С. Криминалистическое исследование улик поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

Петрова И. В.

Экспертная практика в социологическом исследовании современных социальных проблем

Petrova I. V.

Expert practice in sociological research of modern social problems

Аннотация. Автор пытается определить научные возможности для решения актуальных социальных проблем. Авторская интерпретация классического инструментария под названием «Экспертное интервью факторум», использованная в опытной деятельности, позволила достичь эффекта параллельной коммуникации в исследовательском процессе. Помимо раскрытия видения гуманитарного направления в исследовании, автор обращает внимание и на проблему институционализации экспертно-аналитической деятельности в цифровом обществе.

Ключевые слова: общество, экстремизм, цифровая социология, экспертное интервью, институционализация.

Annotation. The author tries to determine the scientific possibilities for solving urgent social problems. The author's interpretation of the classical tools called «Expert interview factorum», used in experimental activities, allowed to achieve the effect of parallel communication in the research process. In addition to the disclosure of the vision of the humanitarian direction in the study, the author draws attention to the problem of institutionalization of expert-analytical activities in the digital society.

Key words: society, extremism, digital sociology, expert interview, institutionalization.

Направление научных дискуссий в рамках форума в целом задано перспективой того, к чему стремится человечество, что составляет идеал построения гармоничных общественных отношений и взаимодействий, т. е. к практическому воплощению в жизнь некоторых принципов понятия «социальное государство». Общественный прогресс на основе принципа социальной справедливости может быть достигнут при условии раскрытия механизмов преодоления социально-специфических (деструктивных) различий субъектов. Центральный вопрос данной публикации: «Является ли возможным применение классического исследовательского инструментария изыскателями к решению современных проблемных ситуаций, касающихся актуальных социальных процессов, в частности и проблемы экстремизма?».

Думается, сегодня, на этапе очередного перехода из одной экономической формации в другую (от информационной экономики к цифровой) важнейшей функцией исследовательской деятельности должна быть прогностическая, и если быть точнее в контексте темы, то — профилактическая. Целью, которой является предоставление информационных возможностей (на основе полученных данных исследований) для формирования толерантных установок, как между отдельными людьми, так и группами, этносами и т. п. Соответственно, перед учеными стоят две основные задачи. Первая — выявление особых связующих кодов (исторических, географических, культурных и др.), ориентирующих на создание гармоничных социальных условий ведения конструктивного диалога заинтересованных субъектов. Для успешного разрешения этой задачи исследователям необходимо выявить причины и условия, способствующие осуществлению экстремисткой деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций и физических лиц. Автор считает, что для эффективной реализации обозначенных поисковых направлений деятельности сегодня необходим уход от практики использования архаичных методов исследования. На смену «соломенным опросам» должны прийти комплексобразующие кейсы междисциплинарных инструментов познания.

Автор в рамках статьи обращает внимание на важность обновления методологии социологических исследований острых социальных проблем цифрового общества. Сегодня очевидно широкое распространение новых медиа во все области жизнедеятельности субъектов, что, безусловно, меняет восприятие физической реальности. Это касается и социологических исследований тоже, которые уже изменили свой формат «of line» на «on line», стали потребителями пространства корпоративных массивов — стэков (вертикально интегрированных социальных сетей) компаний Google, Facebook, Amazon, Microsoft, Apple и других. Для научной

среды технологии стэков, с одной стороны, возможно и расширяют определенные возможности в плане аналитики, логики и даже эмпирики, но с другой, используя новые критерии классификации методов социологических исследований («цифровые» и «оцифрованные»), возможно и индуцируют проблемы (например, валидности исследования и даже институционализации экспертно-исследовательской деятельности — об этом аспекте чуть ниже).

Цифровые методы — это методы, разработанные исключительно для использования в искусственном пространстве. Виртуальные или оцифрованные методы используют принцип переноса метода исследования из реальности в киберпространство и, соответственно, можно утверждать, оперируют двумя мирами. Именно этот аспект и вызывает вышестоящую проблему достоверности результатов. «Оцифровывание» традиционного социологического инструментария является не решенной задачей, дискурс связан с проблемой репрезентативности выборки в интернет-опросах, спецификой контент-анализа содержания сети Интернет, особенностях проведения on line, фокус-групп и прочее.

Вернемся к проблеме проведения социологического исследования в виртуальной среде, ученые предупреждали о возможном асимметричном сдвиге между традиционными социологическими методами и технологиями сбора/обработки данных через Интернет [1, 4, 5]. Автор тоже акцентировал некоторые аспекты этой проблемы и намечал пути решения [6]. Особенностью современных социологических исследований является гиперактивная эксплуатация количественных методов в исследованиях, и в последнее время — это, конечно, «удаленные» анкетирования респондентов виртуальной среды. Из истории социологии мы знаем, что изначально заочный формат исследования был разработан для экспертной оценки (причем легитимной) и, хочется думать, что недопустим для автоматического переноса на все «категории» респондентов. Вообще тема качества результатов социологического исследования в классическом научном подходе давно и активно обсуждается, связывают этот показатель с его типом — объективности/субъективности, понимая при этом, что только объективное исследование может характеризоваться как валидное. Объективизм в исследованиях предопределен О. Контом, позитивистским подходом, сформированным на постулатах научного познания еще в XIX веке. В количественных методах исследования закрепился на принципах минимизации субъективного фактора (со стороны исследователя) и эффектов межличностного влияния на всех этапах исследовательского процесса, проведенного в реальных (например, аудиторных) условиях. Следует отметить, что формат минимизации субъективности (факт присутствия

так называемого виртуального исследуемого — респондента), в случае «всемирной паутины» как среды исследования, вообще растворяется по причине сложности/невозможности идентификации этого респондента, как представителя репрезентативной выборки. Почему же проблема субъективности в исследовании рассматривается по-прежнему весьма односторонне, только применительно к критической оценке познавательной сущности качественных исследований (подразумевается «отраженная субъектность» исследователя), где субъективный фактор наоборот может быть движущей силой в стремлении нахождения истины? Острота социальных проблем, связанная с различными угрозами цифрового общества (природными, техногенными и др.), требует пристального внимания и погружения в изучаемое пространство (физическое и виртуальное), следовательно, вынуждает использование различных комбинаций исследовательских методов, как количественных, так и качественных, как социологических, так и социальных, формирующих специфические комплексные ситуационные кейсы (кейс-стади). Такие исследовательские кейс-стади в свою очередь можно кумулировать и создавать универсальные исследовательские мета-алгоритмы для проведения различных трайл-исследований (пилотажных, зондажных).

Следует отметить, что в реальности не всегда изучаемые условия позволяют применить классический инструментарий, например, провести эксперимент, интервью. Как показывает практика социологической деятельности, не всегда четкое следование регламенту и принятой профессиональной этике социолога способствует получению результата по изучаемой проблеме, ведь ход интервью и его рамки не всегда могут быть определены заранее, а значит, гибкость исследования должна поддерживаться изначально. И это решение заложено авторитетными методологами — сторонниками постпозитивистских подходов. В рамках конструктивистского подхода, базирующегося на феноменологии А. Шютца, в деятельностном подходе *action-research* «исследование действием» изыскатель имеет расширенные возможности извлекать новые смыслы, новые образы и проявления изучаемого явления. Важна идея «значимости социального действия в процессе исследования», где сам исследовательский процесс — это социальный процесс взаимодействия, изучающего и изучаемого, является ядром исследовательской практики [3]. Исследователь имеет право (иногда в исключительных случаях это даже обязанность) высказывать свою точку зрения, реинтерпретировать сказанное интервьюируемым, использовать любые инструменты стимулирования беседы и раскрытия мотивации («изнутри») собеседника к диалогу. Социологам, моделируя свои конструкты,

стоит обратиться к исследовательской кооперации, к накопленному опыту специалистов из других общественных отраслей, например, медиа. Правила проведения интервью следует изменять в зависимости от сложности условий, особенностей изучаемых проблем и принять к использованию в социологии, например, интервью-провокации. Тем более, «микросоциологи» знают, что самое достоверное в человеческом поведении — это спонтанные действия, а самая надежная информация — полученная «из первых рук». Существующая проблема изменения отношения некоторых ученых к восприятию субъективности в исследовании требует решения, подтвержденного активной и добросовестно-результативной практикой других ученых. Если субъективность в качественном исследовании неизбежна, и она может представлять собой не ограничение, а потенциал исследования, ресурс знания, то, как можно его извлечь и воспользоваться? Возможно, путем «надкоммуникации» изучающего и изучаемого, в такой интеллектуальной медиации создается многоуровневая конструкция из аллюзий, ассоциаций и символов, интерпретируя которые, у исследователя появляется возможность погрузиться в подсознание респондента и извлечь определенные кодовые смыслы.

Соответственно, необходимым условием в решении задачи использования социологических исследований для изучения острых проблем современного общества является понимание важности «комплексности» на всех уровнях исследования, начиная от междисциплинарности на уровне теории, выбора подходов к изучению обозначенных проблем, так и комплексности на уровне подбора и формирования арсенала используемых техник и приемов. Есть мнение в научной среде, что эволюция научных методов познания мира как раз и связана с объемами информации, доступными для изучения этого мира: наблюдение и логика сменились аналитическими моделями, которые в свою очередь нашли замену в виде численного моделирования, а что дальше? Предположительно, в настоящее время ученые являются обладателями огромных объемов различных данных (и экспериментальных, в том числе), значит, возможно и актуально синтезирование информации, теорий. При этом, как это не странно звучит, стоит задуматься об уходе от Data-центризма, от одержимости увеличением количественного объема выборки, об ограничении использования количественных методов в исследованиях — в пользу погружения и углубления в мир контекста, в том числе, и посредством той самой вторичной информации — «digital by-product data». Пришло время идеи краудсорсинга, технологии «мудрость толпы» — нового вида социального взаимодействия не только в бизнес-проектах, но и в исследовательской практике.

Автор публикации использовал данное понимание в привычном формате Гайд экспертное интервью (в данный момент исследование находится на этапе завершения, анализа полученной информации, формулирования выводов и рекомендаций). Для проведения исследования характера проблемы коммуникационного менеджмента в образовательной среде вуза был запланирован к использованию традиционный метод опроса (интервью с экспертами: представителями, предоставляющими образовательную услугу, и представителями, получающими образовательную услугу), но в авторской интерпретации — метод «Экспертное интервью фактум». Опираясь на теорию классификации субъектной структуры публичной физической среды, разделенной на «сильные» и «слабые» публики [2], автор И. В. Петрова развил теорию, ввел дополнительный (вспомогательный) класс — собственное понятие «поверенная публика» и использовал его в привычном формате экспертного интервью. Достижение эффекта истинности результата экспертного интервью должно быть обеспечено, по мнению автора, за счет необходимой сбалансированности в возможностях высказывания мнения между заинтересованными сторонами (иногда оппозиционными) — «сильными» и «слабыми» в процессе коммуникации в образовательном процессе. В данном исследовании — это коммуникация в вузе: «сильные»-отправители (субъекты управления коммуникацией: ППС, руководители студенческих объединений и другие) и «слабые»-получатели информации: студенты). Новаторская идея сбалансированности возможностей использования коммуникации слабых и сильных публик в исследовании реализована практикой фактумов посредством деятельности модераторов исследовательской коммуникации — «поверенной публики». Социальная группа («фактум», «поверенная публика»), сформированная из представителей (спикеров) «слабых»-студентов и «сильных»-преподавателей публик — это единая точка входа в процесс социального взаимодействия в исследовании («агрегирование»). Новая социально-солидарная экспертная практика в социологическом исследовании, по мнению автора, позволяет выстроить комфортные информационно-ресурсные сети за счет сформированного таким образом благоприятного социального пространства формальных (сильная публика) и неформальных полей (слабая) коммуникативного взаимодействия. И это утверждение автора, безусловно, относится уже к этическим вопросам, т. е. к сфере гуманитарных наук. Гуманитарное направление в науке предлагает важные аспекты этических обязательств социальных исследований или методов представления данных, и иногда в них заложен не барьер исследования, как понимается некоторыми «изыскателями», а вероятность потенциального успеха в перспективе исследования.

Далее автор обращает внимание еще на один важный аспект исследовательского процесса — это статусный аспект экспертно-исследовательской практики, конкретно речь идет о необходимости институционализации экспертно-аналитической деятельности как важного проводника в коммуникации «общество — государство». «Социальные эксперты», алгоритмисты, статистики, аналитики корпоративных лабораторий, производящих и анализирующих доступные и большие объемы социальных данных, уже сегодня претендуют на звание ученых, публикуясь в научных изданиях, выступая на научных конференциях. А что будет завтра? По мнению автора, именно эксплуатация принципа «чем больше, тем лучше» в ракурсе «естественность через искусственность» и привела к перемещению функций из одного социального института в другой. И в сложившейся ситуации ученым, наверное, нужно уходить от бездеятельных переживаний по поводу «функциональной утечки» к реальному межинституциональному сотрудничеству. Взаимодействие академических факультетов университетов и исследовательских подразделений корпораций на основе Big Data могло бы быть весьма продуктивным. Ученые в отличие от коммерсантов, кроме, конечно же, маркетологов в большей степени понимают значение и назначение первичной и вторичной информации для достижения различных целей. Так называемая косвенная информация, сформированная из повседневности пользователей Интернета, может быть весьма ценным источником для социологических исследований различных социальных феноменов (и что важно, латентных, к коим и относится на определенном этапе проблема экстремизма). В РФ юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в Федеральном законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и, следовательно, надо понимать, что экстремизм не связан только с политикой и распространяется на все виды человеческой деятельности [8]. И именно сопутствующие данные проясняют понимание общественной ситуации сегодня для принятия ответственных решений, инвестированных в будущее общества.

Соответственно, уже сегодня прослеживается явная социальная потребность в усилении роли экспертно-аналитических структур путем рациональной институциональной интеграции, внутренней — на уровне одной подсистемы общества — это культуры, за счет синергии науки, образования, религии и внешней — совместно с институтами экономики и политики. И здесь уместно вспомнить один из принципов функционирования высшей школы, на чьей площадке сегодня объединились эксперты этого форума из различных общественных сфер — это исследовательское образование молодежи.

Автор этой публикации считает, что введение в вузы практики социологических исследований обеспечит и ситуативное конфигурирование процессов, и мониторинг системных процессов на основе диагностики функционально-содержательных и структурно-организационных условий института образования [7]. Соответственно, предлагает развивать социологическое сопровождение образования студентов вузов в двух контурах. Во-первых, может быть развернуто в формате деятельности «Социологических лабораторий» для диагностики, мониторинга процесса социализации студентов и т. п. («встроенные исследования» для менеджмента в образовании). Организации и проведении маркетинговых исследований, а также для помощи студентам в проведении научных исследований при выполнении квалификационных работ, в продвижении студенческих работ, в организации производственных практик для студентов и другое подобное. Во-вторых, уже в другом формате, посредством деятельности «Социологических кабинетов» может быть восстановлен столь необходимый, по мнению студентов, институт кураторства. В настоящее время старое видение: «куратор — это преподаватель», должно быть изменено на новое и актуальное уже сегодня «куратор — это студент». Под руководством преподавателя-социолога с авторской программой занятий по личностному росту студентов, целеустремленных в развитие профессиональной карьеры, через практику «кураторства» может быть открыта ресурсоподдерживающая школа лидерства (собственная (факультетская)) как мейнстрим этого социального проекта. Развитие у студентов критического, самостоятельного и ответственного мышления через эмоциональное воздействие — это достаточно прогрессивный метод психологического воздействия для дерадикализации молодежного сообщества.

Список литературы

1. *Savage M., Burrows R.* The Coming Crisis of Empirical Sociology // *Sociology*. 2007. № 41 (5).
2. *Fraser N.* Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Habermas and the Public Sphere / Calhoun C.* (ed.). Cambridge: MIT Press. 1992. P. 109–142.
3. *Kemmis S., McTaggart R.* Participatory action research // *Strategies of qualitative inquiry*. Second edition / ed. by N. Denzin & Y. Lincoln. Thousand Oaks et al.: Sage Pub. 2003. P. 336–396.
4. *Williamson B.* The End of Theory in Digital Social Research? // *Connected Learning alliance* [Электронный ресурс]. URL: <https://clalliance.org/blog/the-end-of-theory-in-digital-social-research> (дата обращения: 10.12.2018).

5. *Петров А. А.* Образование, медицина, экономика экосистем, впечатлений и эмоций («Индустрия 4.0») // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы: материалы Международной научной конференции «X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения» 13–14 апреля 2018 г. СПбПУ Петра Великого: Доклад. Секция: Студенческая. СПб., 2018. С. 742–745.
6. *Петрова И. В.* Социологические исследования в эпоху стэков // Информационная — Коммуникация — Общество (ИКО–2019): Труды XVI Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 24–25 января 2019 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2019. Т. 1. С. 238–243.
7. *Петрова И. В.* Социальный институт и процессы: социологическая доминанта / И. В. Петрова, А. В. Лабудин // Дискурс. 2018. № 5. С. 74–85.
8. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. № 138–139. 2002. 30 июля.

Погасий А. К.

Еще одна загадка российского правосудия: антиэкстремистскую книгу признали экстремистской

Pogasiy A. K.

Another riddle of Russian justice: anti-extremistic book recognized extremist

***Аннотация.** Книга бывшего профессора исламской теологии, в которой он изложил историю и идеологию исламского терроризма и экстремизма, признана судом экстремистским материалом на основе двух экспертиз. В статье представлена попытка проанализировать материалы, которые привели к такому странному, на наш взгляд, решению.*

***Annotation.** The book by a former professor of Islamic theology, in which he outlined the history and ideology of Islamic terrorism and extremism, was recognized by the court as an extremist material based on two expert examinations. The article presents an attempt to analyze the materials that led to such a strange, in our opinion, solution.*

***Ключевые слова:** ислам, терроризм, экстремизм, джихад, Коран.*

***Key words:** Islam, terrorism, extremism, jihad, Koran.*

11 ноября 2017 года в Советский районный суд г. Казани из Прокуратуры Республики Татарстан поступило административное исковое заявление о признании экстремистским материалом книги Марка Габриеля «Круги на воде» (пер. с англ. — М.: Веер, 2005. — 176 с.).

В англоязычном издании книга называлась «Islam and Terrorism», что, собственно, и отражает ее суть.

Автор — бывший профессор каирского университета «Аль-Азхар», специалист по истории ислама, разочаровавшийся в этой религии и перешедший в христианство — анализирует суры Корана, посвященные борьбе с «неверными» и призывам к джихаду (священной войне мусульман) и приходит к выводу, что радикальный ислам, ставящий перед собой религиозные цели и осуществляемый во имя ислама, является религиозным терроризмом, берущим свое начало из соответствующих сур Корана и хадисов. По словам самого Марка Габриеля, «целью книги не является исчерпывающее описание особенностей ислама. Я анализирую лишь те его аспекты, которые тем или иным образом связаны с проблемой терроризма» [2, 7].

В процессе подготовки искового заявления Прокуратурой РТ была инициирована психолого-лингво-религиоведческая экспертиза, проведение которой было поручено Казанскому межрегиональному центру экспертиз. На разрешение специалистов были поставлены вопросы (здесь и далее вопросы, а также ответы на них даются в сокращенном виде):

1. Содержится ли в указанной книге информация, направленная на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни?
2. Содержится ли информация, направленная на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности или отношения к религии?
3. Содержится ли в представленном материале информация, направленная на нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его религиозной принадлежности или отношения к религии?
4. Содержится ли в представленном материале информация, направленная на публичное оправдание терроризма?

По первому вопросу эксперты сделали заключение о наличии в книге информации, направленной на возбуждение религиозной розни (по отношению к группе «мусульмане»). На второй и четвертый вопросы ответы отрицательные. Что касается вопроса 3, то в смысловом отношении ответ на него: «В представленном материале ислам представлен как антигуманная религия, приверженцы которой должны отказаться от ее исповедания» остается достаточно спорным.

В судебном заседании административный ответчик заявил ходатайство о назначении судебной религиоведческой экспертизы. Суд ходатайство удовлетворил и назначил аналогичную предыдущей психолого-

лингво-религиоведческая экспертизу, которую провел НП «Южный экспертный центр» (Волгоград).

Вопросы, поставленные перед экспертами, были практически идентичными первой экспертизе:

1. Содержатся ли лингвистические, психологические или религиоведческие признаки возбуждения религиозной розни?
2. Содержатся ли лингвистические, психологические или религиоведческие признаки пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности или отношения к религии?
3. Содержатся ли лингвистические, психологические или религиоведческие признаки неполноценности граждан какой-либо конфессиональной группы по сравнению с другой группой?
4. Содержатся ли лингвистические, психологические или религиоведческие признаки нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его религиозной принадлежности или отношения к религии?
5. Содержатся ли призывы к осуществлению каких-либо враждебных или насильственных действий по отношению к лицам какой-либо конфессии?

Выводы: по вопросу 1 — в книге имеются признаки разжигания религиозной розни (возбуждения вражды) между последователями ислама и немусульманами, в первую очередь христианами, содержится религиозное обоснование враждебности ислама и мусульман по отношению к последователям других религий.

По вопросам 2, 3 — ответ отрицательный.

По вопросу 4 — в книге содержатся негативно-оценочные высказывания о воинственных, антигуманных, дискриминационных положениях ислама, насильственных, агрессивных действиях и намерениях последователей ислама, связанных с их религиозным менталитетом.

По вопросу 5 — имеются лингвистические и психологические признаки побуждений в форме призыва христиан к участию в противодействии исламу, ведению миссионерской деятельности среди мусульман с целью их обращения в христианство, в форме советов, рекомендаций по данному вопросу, а также содержится религиозное обоснование необходимости подобных действий.

Суд своим решением от 2.11.2018 г. удовлетворил административный иск Прокуратуры Республики Татарстан и признал книгу «Круги на воде» экстремистским материалом (за исключением сур, аятов и цитат из Корана).

Верховный суд РТ определением от 1.02.2019 г. отклонил апелляционную жалобу МРО евангельских христиан «Евроазиатский миссионерский центр» и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Действительно, п. 6 ст. 10. ФЗ от 27.07.2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» запрещает распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды. Но содержится ли такая информация в данной книге?

Пропаганды войны здесь нет, что отмечают и эксперты: книга целиком и полностью направлена как раз против всех видов насилия.

Что касается национальной и расовой розни, то в мировых религиях она принципиально отсутствует. Все три мировых религии (буддизм, христианство и ислам), в отличие от народностно-национальных (этно-локальных) религий возникли и получили широкое распространение в процессе многовекового развития благодаря тому, что в их основу были положены два важнейших принципа — принцип универсализма (отход от «национализма») и обращение ко всему миру независимо от национальной, этнической или государственной принадлежности) и принцип эгалитаризма (все равны, независимо от социального статуса человека, его имущественного положения, уровня образования и т. д.).

Если говорить о религиозной розни, то с учетом того, что книга «Круги на воде» представляет собою образец религиозной миссионерско-прозелитической литературы, рассказ о преимуществах собственной религии в сравнении с другими (в данном случае евангельского христианства в сравнении с исламом) не является признаком пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, либо отношения к религии.

Исследуя данную книгу, нужно помнить, что подход к оценке религиозных текстов отличается от такового при оценках художественной, научной и других видов литературы. При анализе религиозной литературы, независимо от ее конфессиональной принадлежности, необходимо учитывать тот факт, что в ее текстах, как правило, всегда четко и последовательно утверждается истинность собственной религии во всех ее проявлениях и ложность других религий и иных внерелигиозных систем, мировоззрений, идеологий. Без учета данного факта дать объективную оценку тому или иному религиозному тексту по существу невозможно. Тем более, если речь идет о миссионерско-прозелитической литературе, которая, как правило, в достаточно агрессивной форме навязывает читателю собственные религиозные убеждения, противо-

поставляя их мировоззренческим системам других религий и светской идеологии¹.

Например, в книге православного (ныне покойного) священника Русской православной церкви о. Даниила Сысоева «Брак с мусульманином» при сравнении христианства и ислама говорится:

«Давайте обратимся к первоисточникам этих двух религий — Библии и Корану, — чтобы узнать, одному ли Богу служат христиане и мусульмане.

По Корану, христиане, которые сказали: “Христос — Сын Божий”, достойны отвращения: “Эти слова в их устах похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах! До чего они отвращены! ... Они желают затушить свет Аллаха своими устами, но Аллах не допускает иного, как только завершить свой свет, хотя бы ненавидели это многобожники” (Коран. 9; 30, 32).

Согласно Библии, “всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца” (1 Ин. 2, 23). Таким образом, для Библии (которую требует слушать Мухаммед — см. Коран. 2, 79 (85); 3, 2 (3) мусульмане — это фактические безбожники. На них пребывал гнев Божий (Ин. 3, 36). Они еще до Суда осуждены, ибо не уверовали во имя Единородного Сына Божия (Ин. 3, 18) и не чтят Отца, Пославшего Его (Ин. 5, 23).

Очевидно, что если священные книги таким образом характеризуют представителей другой религии, то эти две веры просто не могут быть одинаковыми! Кто-то прав — или христиане, или мусульмане, — но никак не обе религии. И тут стоит учесть, что мусульмане формально признают Библию (хотя и считают ее искаженной), а христиане всегда отвергали Коран как запись ложного, бесовского пророчества Мухаммеда. Ведь форма получения Мухаммедом откровений не может быть истолкована иначе, чем беснование» [4]. Тем не менее книга Д. Сысоева «Замуж за мусульманина» в течение многих лет продавалась и продается в церковных книжных лавках и отсутствует в Федеральном списке экстремистских материалов Министерства юстиции РФ. Это вполне объяснимо, так как и в ней, как и в исследуемой книге Марка Габриэля «Круги на воде», с учетом того факта, что это миссионерско-прозелитическая литература, признаков пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его религиозной принадлежности — нет.

Приведенные выше суждения Д. Сысоева еще не самые резкие высказывания представителей одних религий в адрес других. Бывший

¹ В этой части статьи использовались материалы, любезно предоставленные российским религиоведом, экспертом, профессором Е. С. Элбакян.

православный священник Вячеслав Полосин, принявший ислам и взявший имя Али, жестко критически отзываясь как о православии и Московском патриархате, так и о христианстве в целом, — тому яркий, но далеко не единственный пример.

В своей книге «Прямой путь к Богу» он пишет: «Мои суждения относительно христианства не являются критикой этого вероисповедания, церкви или священнослужителей, которым я желаю мира и благополучия, а лишь отражают процесс познания и выбора между истинными и ложными понятиями, процесс освобождения от заблуждений на пути к подлинному Источнику бытия — Единому и Всемогущему Богу.

Многое из того, что сегодня считается христианским культом, на самом деле имеет чисто языческое происхождение и было объявлено “христианским” в IV веке силою государства с политической целью подчинения народов империи единому “наместнику Христа” — императору. Так, выступая на Большом Московском соборе Православной Церкви 1666 года, митрополит Константинопольского вселенского патриархата Паисий Лигарид высказал царю Алексею Михайловичу Романову православное понимание его должности: “У римлян, как и у египтян, царь соединял в себе власть священства и царства. По сим и подобным причинам царь именуется Богом. И ты, богоподобный Алексей Михайлович, имеешь право на богоименование”.

Тем самым, православный архиерей, выступление которого было поддержано церковным собором, сам признал глубокую внутреннюю связь между византийско-христианским учением о царе как о «помазаннике Божиим» и мифологиями древних восточных деспотий, увидел тождество христианского царя и древнеегипетского обожествленного фараона.

В Церкви были введены и объявлены христианскими ранее отрицавшиеся «тайинства» — мистерии. По сути, была произведена лишь замена имен богов в соответствии с Новым Заветом. Однако заклинательный, магический характер этих мистерий сохранился и с новыми именами. Так, и Спаситель правоверных египтян Осирис, и персидский богочеловек Митра, согласно мифам, родились примерно в день зимнего солнцестояния 25 декабря, причем Митра — в пещере среди животных. Рождество этих богов-спасителей пышно праздновалось в Римской империи. Аналогичным было и рождество Спаса Коляды в славянских землях, так что и сегодня рождественские песни зовутся «колядками», хотя славянское имя Бога заменено иудейским. В IV веке император, избравший для государственных целей христианство, в стремлении вытеснить народный праздник Митры назначил день 25 декабря

днем рождества Иисуса, хотя до этого никто в Древней Христианской Церкви такой даты не знал и не праздновал.

Таинства, установленные христианами в Римской империи по случаю Боговоплощения, страдания, смерти и телесного воскресения Иисуса, не только не отличались от таинств-мистерий язычников, а наоборот — были призваны поглотить языческие мифы и культы, чтобы переподчинить миллионы верующих новому, христианскому духовенству. А оно, в свою очередь, установило культ императора не просто как одного из богов, а как всемирного Спасителя, преемника и наместника главного раввина и «царя иудейского» — Христа» и т. п. [3].

Аналогичных примеров много, причем это совершенно не зависит от того, из какой и в какую конфессию/религию перешел человек, ибо модель поведения в любом случае остается сходной: негатив в адрес «бывшей» религии и позитив о вновь принятой.

Сравнение евангельского христианства с исламом, присутствующее в книге «Круги на воде», безусловно несет в себе в целом негативную коннотацию. Но религиозный автор лишь констатирует прискорбный, по его мнению, для верующего человека факт использования определенной религии, ее сюжетов и символов, для оправдания террористических целей и истоков этого явления. Как человеку, принявшему евангельское христианство, Марку Габриелю видится очевидным, что террористов-смертников ожидает после смерти (ведь они совершают массовые убийства мирных граждан), в отличие от их собственных представлений о том, что они немедленно перенесутся в райский сад, поскольку пострадали в борьбе за ислам. Таким образом, сотериологическая перспектива (т. е. условие спасения), которая является центральной в сознании верующего человека, в исламе и христианстве видится по-разному, о чем и говорит автор в своей книге.

Изложение в религиозных текстах утверждений об истинности своей религии и ложности всех других не может рассматриваться как оскорбление людей, признание в отношении них исключительности, превосходства. Почему? Да потому, что теологический (нормативный, внутрирелигиозный) подход к религии характеризуется эксклюзивизмом — представлением о своей религии (тех же христианства и ислама) как о носителе абсолютной, исключительной, единственно правильной истины. Такое представление приводит к автоматическому отрицанию истинности других религиозных систем. Отклонение от канонического образца конкретного религиозного направления в литературе духовного (религиозного) содержания именуется ересью, а организационно оформленная ересь называется сектой.

Если какая-либо религия перестанет утверждать, что именно ее вероучение является истинным, претендуя тем самым на свою исключительность, она не может рассчитывать на свое дальнейшее развитие и само существование.

Если говорить о том, на что направлена основная критика, то негативные оценки в книге звучат не в адрес религии как таковой, а в адрес исламского фундаментализма, который использует религию ислам, с учетом истории ее возникновения и формирования в условиях государственно-религиозной слитности, а также суры Корана, истолкованные соответствующим образом, — в целях идеологии, оправдывающей международный терроризм.

Автор уже в Предисловии оговаривается, что рассматривает не мир ислама и не ислам как мировую религию и возникшие благодаря ему культуру, искусство, социальные, в том числе семейные, отношения, а исключительно в тех аспектах, которые имеют отношение к теме книги — ислам и терроризм.

В описываемом случае налицо не призыв к ненависти и вражде, а выражение разности взглядов между автором книги и административным истцом — прокуратурой и она фактически сводится к разным толкованиям Корана и Сунны: первый выводит из текста священных книг утверждение, что в них содержатся призывы к джихаду именно в том смысле, в каком его толковали во времена пророка Мухаммада и его преемниках — вооруженная борьба с врагами ислама, которыми являются все, не верящие в Аллаха (пример — Арабские завоевания VII–VIII вв. и, в меньшей степени, войны Османской империи (1299–1923)).

Вторые, наоборот, исходят из более поздней (X–XI вв.) интерпретации джихада — «большой джихад» или «джихад сердца» (данную дефиницию ввел исламский богослов Абу Хамид Мухаммад аль-Газали (1058–1111) — внутренняя духовная борьба мусульманина со своими пороками. С этой позиции первое толкование, естественно, будет признано неправильным, а в нашем контексте — экстремистским.

Однако, к примеру, из статистического анализа наиболее известного суннитского сборника хадисов «Сахих аль-Бухари» (автор — исламский богослов-законовед Мухаммад аль-Бухари (810–870) получается, что в 97% случаев речь идет о священной войне как о религиозном долге правоверного и лишь в 3% — о внутренней борьбе за нравственную чистоту [1].

Когда имеешь дело с исламской логикой, следует иметь в виду, что она дуалистична. И если западная логика в случае противоречия двух

утверждений как минимум одно признает ложным, то исламская логика признает обе стороны противоречия верными, поскольку в дуалистической системе не существует единого критерия меры истины. Этим объясняется множество противоречий в священных книгах ислама. Тем не менее все они признаются истинными по той простой причине, что все они — слова Аллаха. Это позволяет не только различным мазхабам, но и всем читающим Коран, трактовать его по-своему, в частности понятие «джихад».

Из этого вытекает следующее: если в священной книге какой-либо религии имеются высказывания, призывающие к насилию или обосновывающие, оправдывающие его применение, — как минимум половина последователей этой религии истолкует их буквально и начнет действовать в соответствии с ними. Это, к сожалению, объективная истина, подтвержденная как историей, так и реалиями сегодняшнего дня.

Вероятно, именно это пытался донести до читателя автор книги «Круги на воде» Марк Габриель. Но, учитывая собственный печальный опыт столкновения с людьми и целым государством, подверженным влиянию идеологии, основанной на буквальной трактовке текстов священного писания ислама, он облек свою книгу в такую «нетолерантную» форму, жестко направленную против экстремизма и терроризма.

К сожалению, на сегодняшний день попытка защитить книгу «Круги на воде» от признания ее экстремистской и помещения в список запрещенных материалов, не увенчалась успехом. Однако «еще не вечер»: готовится кассационная жалоба и, может быть, здравый смысл восторжествует.

Список литературы

1. *Вольский В.* Дуализм как принцип ислама [Электронный ресурс // Международный Центр междисциплинарного образования. URL: <http://protodata.biz/dualizm-kak-princip-islama.htm> (дата обращения: 11.11.2017).
2. *Габриель М.* Круги на воде / пер. с англ. М.: Веер, 2005. 176 с.
3. *Полосин А. В.* Прямой путь к Богу [Электронный ресурс] // Дневник наблюдателя. Религия. URL: https://religious.wordpress.com/polosin_put_k_bogu (дата обращения 19.11.2018).
4. *Сысоев Д., святи.* Брак с мусульманином [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/brak-s-musulmaninom> (дата обращения 18.11.2018).

Социология в практике судебной экспертизы по уголовным делам экстремистской направленности¹

Salakhutdinova R. Kh.

Sociology in the practice of forensic examination in criminal cases of extremist orientation

Аннотация. В статье актуализируется необходимость переосмысления подходов к организации и осуществлению экспертной работы. В условиях многозначности, многоаспектности экспертного исследования, объективно возникает необходимость в новых знаниях, методах. Обозначается проблема использования гуманитарных наук в экспертизах. Автор обращает внимание на роль социологии в экспертной деятельности. В качестве примера на конкретных темах, являющихся спорными в экспертном сообществе, описывается логика их решения.

Annotation. The article highlights the need to rethink approaches to the organization and implementation of expert work. In the conditions of ambiguity, multidimensionality of expert research, objectively there is a need for new knowledge and methods. Denotes the problem of using the humanities in the examinations. The author draws attention to the role of sociology in expert activities. As an example, the logic of their decision is described on specific topics that are controversial in the expert community.

Ключевые слова: экспертное исследование, социологические знания, методы, экстремизм, судебная практика.

Key words: expert research, sociological knowledge, methods, extremism, arbitrage practice.

Актуальность проблемы. Одной из отличительных черт современного общества является переход к качественно новому состоянию информационного общества, в котором определенную нишу занимают и материалы экстремистской направленности. Наблюдающиеся тенденции в этом направлении ставят перед необходимостью совершенствования системы организации и осуществления экспертной деятельности.

«Эксперт (от латинского *expertus* — опытный) — это лицо (группа лиц), компетентное в исследуемом вопросе, т. е. имеющее или могущее по тем или иным основаниям иметь специальные знания об объекте и способное его оценивать, а также имеющее опыт решения сходных задач». Компетентность — главное требование к эксперту, какая бы роль ему не предначалась в разных видах экспертизы. Свойства, образующие компетентность эксперта: знания, интуиция, опыт и “здравый смысл”» [1, 182].

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-03-00862 — ОГН.

Следует отметить, что в отечественной практике судебной экспертизы по вопросам экстремизма этот вид деятельности является прерогативой лингвистов и психологов. Согласно А. А. Леонтьеву, само понятие «судебно-психолингвистическая экспертиза», как разновидность судебно-психологической экспертизы, было введено В. И. Батовым и М. М. Коченовым в 1974 году. При этом применение психолингвистической экспертизы, наряду с лингвистической и почерковедческой, определялось по критерию методики. Вероятно, стык двух наук — психологии с лингвистикой («психолингвистика»), различающиеся предметной областью, объектами исследования, соответственно методами, знаниями, оправдывает себя в случае уголовных дел, осуществленных человеком, в рамках которых у следствия возникает необходимость исследования содержания текста.

А. А. Леонтьев в своей авторской классификации видов экспертиз, взяв за основу типологии признак «по цели», выделяет и психолингвистическую экспертизу, экспертизу «признаков текста по их соответствию требованиям законодательства РФ о противодействии политическому экстремизму» [2].

Сложившаяся практика использования знаний и методов психолингвистики в судебной экспертизе по уголовным делам в дальнейшем нашла свое применение и в практике судебной экспертизы по материалам СМИ экстремистской направленности.

О необходимости исследований, посвящённых методологии и методике экспертиз по национальной или расовой вражде, или ненависти, пропаганды «исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их национальной или расовой принадлежности», писал Н. М. Гиренко. Используя в своей экспертной деятельности знания и методы иных научных знаний, ученый указывал на необходимость комплексных исследований общепризнанного названия [3].

В экспертной деятельности для обозначения вида экспертизы по материалам экстремистской направленности существует практика использования термина «социогуманитарный». Насколько обоснованно обращение к этому термину, если среди ученых не сложилось единой точки зрения:

- на классификацию социально-гуманитарных наук ввиду обширности и разнородности области их применения;
- в подходах к вопросу о признаках (основаниях) классификации. Например, по одной версии в качестве основания классификации рекомендуется предмет изучения либо метод объяснения, или же классификацию производить по используемым исследовательским

программам. Необходимо также внести конкретизацию (ясность) в рамках комплексного исследования в отношении понятий *психолингвистический* и *психолого-лингвистический* вид экспертиз. Следует понимать, что при использовании вида **психолингвистической** экспертизы, речь идет о единых принципах, терминологии, теоретической базе и методах экспертного исследования, т. е. о едином научном экспертном языке специалистов различных отраслей наук.

При наличии таких знаний, вероятно возможно решение поставленных перед специалистом/экспертом задачи собственно знаниями психолингвистики. Психолого-лингвистическая экспертиза предполагает использование знаний и методов психологии и лингвистики, как самостоятельных областей научного знания.

Несмотря на отсутствие (объективное) единых принципов, знаний и методик как социогуманитарных наук, так и психолингвистики, в том числе и в судебной экспертизе по вопросам экстремизма, споры, рассуждения вокруг этой темы продолжаются.

Многолетняя практика подтверждает, что наблюдающееся расширение тематики, многообразие жанров и типов объектов исследования ставит перед необходимостью переосмысления (не исключая и критического) сложившихся подходов в организации и осуществлении экспертной деятельности.

Содержание. Анализ многообразия определений экстремизма в научной литературе позволяет сделать вывод: данное понятие рассматривается исследователями в разноуровневых, по форме проявления и содержанию, плоскостях [4, 1693].

В социологии «экстремизм» рассматривается не только как *понятие*, а прежде всего, как *социальное явление*, имеющее свои сущностные черты и формы проявления; механизмы, динамику развития, средства и методы воздействия на поведение людей, способы вовлечения в экстремистские действия определенные социальные группы. Как социологическая категория, экстремизм и формы его проявления изучаются методами социологии, основываясь на общесоциологических знаниях и теории. Так, например, одним из спорных, не получивших среди специалистов-экспертов однозначного ответа, является вопрос о принадлежности людей определенных видов профессиональной деятельности к социальной группе (полицейский, власть, ФСБ). Отсутствие в экспертном сообществе единой точки зрения на междисциплинарное понятие «социальная группа» создает возможность субъективной оценки в зависимости от того, на какую позицию, точку зрения, предметную область будет опираться эксперт.

Учитывая, что совокупность людей (индивидов) помимо социальных групп в социологии являются признаком и других структурных элементов общества — социальной организации, социального института, автором было проанализировано соотношение этих понятий в контексте социальной группы.

Основные положения. В самом общем плане понятие «социальная группа» можно трактовать как общность людей, объединенных между собой по какому-либо признаку; в основе которой лежат связи типа взаимодействия (как обмен сопряженными, скоординированными системами действий) по поводу объединения, солидарности, согласования совместных усилий.

На основании анализа имеющихся в научной литературе определений понятия «социальная группа», как совокупности (объединения) индивидов (людей), автором были выделены признаки социальной группы:

- совместная деятельность, общие цели, нормативная регламентация своей деятельности;
- взаимодействие определенным образом на основе разделяемых ожиданий каждого члена группы в отношении других;
- система отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами;
- общие интересы, ценности, групповые установки и нормы поведения, мораль, культура и психология.

Отличительные особенности социальных групп от простого скопления людей:

- большая устойчивость и стабильность,
- сравнительно высокая степень однородности и сплоченности,
- вхождение в более широкие социальные объединения в качестве структурных единиц (например, в социальные организации).

Организация складывается как человеческая общность, специфическая социальная среда. С такой позиции организация выглядит как совокупность социальных групп, статусов, норм, а также отношений лидерства, отношений сплоченности — конфликтности и т. д.

А. И. Пригожин, указывая на многозначность термина «организация», в одном из значений рассматривает организацию как искусственно созданную социальную группу институционального характера, выполняющую определенную общественную функцию. Анализируя четыре направления в определении организации (теория К. Барнарда; Д. Марч и Г. Саймон; П. Блау и У. Скотт; А. Этциони), Пригожин выделяет **две специфические черты**, отличающие организации от других видов социальных групп. Организация, это:

- социальные группы, ориентированные на достижение взаимосвязанных и специфических целей и на формирование высокоформализованных структур;
- такие группы, которым свойственна высокая степень внутренней формализации, в которой ясно и точно сформулированы правила, регламенты, распорядок всех сфер поведения ее членов, все роли и ролевые связи, независимо от личностных качеств индивидов, занимающих те или иные позиции в структуре организации [5, 39–41].

Особой разновидностью социальных институтов являются правовые институты, обеспечивающие законность и правопорядок. Они представляют собой социальные организации, объединяющие в своем составе большое число людей по профессиональным признакам и общности решаемых задач по охране общественного порядка, к которым относится и полиция.

Выступая специфической формой существования социальной общности, полиция в качестве социального института предстает как профессиональные группы людей, объединенные посредством социальных связей и отношений; имеющие общие задачи, функции и обусловленные ими социальные позиции и роли. Наличие цели, задачи, функции (направления) деятельности, формализованной структуры (иерархически выстроенной) позволяет рассматривать **полицию** в качестве и социальной организации.

На основании признаков социальной группы, указанных в тексте, в соотношении с признаками социальной организации и социального института, следует, что полицию можно рассматривать, в том числе, и как социальную группу, а полицейских, соответственно, как представителей социальной группы. В экспертной деятельности необходимо различать полицию, которая в зависимости от контекста, может выражать свойства организации, социального института, социальной группы, от полицейского, как сотрудника соответствующей организации, учреждения. Таким образом, сформулировать общую теоретическую формулу по данному вопросу не представляется возможным. Принадлежность полиции, полицейского к социальной группе определяется контекстуальным анализом конкретного объекта экспертного исследования.

Сложности, требующие своего разрешения сообществом экспертов, возникают по вопросу принадлежности к социальной группе власти и ФСБ. В социологическом понимании эти понятия выражают иерархически построенные социальные организации, учреждения, выполняющие определенные функции, обусловленные спецификой их деятельности.

Однако в целях объективной оценки, обоснованности выводов необходимо разобраться с содержанием этих понятий. Так, понятие

«власть», согласно определению С. А. Кузнецова [6], многозначное и многоаспектное слово, используется в 5 значениях:

- Право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле.
- Могущество, господство, сила.
- Должностные лица, начальство, администрация.
- Политическое господство; право управления государством или регионом; органы, наделённые таким правом.
- Орган государственного управления, правительство.

Как объект социологической науки власть — довольно абстрактное понятие, соответственно не может поддаваться однозначному определению. Согласно существующим различным взглядам на проблему власти, власть рассматривается в значениях: функции, отношение субординации, возможность настаивать на своем, особое отношение между людьми, способность осуществлять свою волю и др. Как власть, так и ФСБ носят обобщенный характер, чтобы рассматривать их как социальную группу вне контекста содержания объекта исследования.

Методологически не проработанной в экспертном исследовании является тема «применение пыток в отношении политзаключенных, нападение на политических активистов». Необходимо отметить, что в исследовании подобных материалов, чтобы доказать подлинность сказанного (написанного, зафиксированного), социолог рассматривает исследуемый материал как социальный факт, достоверность которого эмпирически поддается подтверждению, либо опровержению, что не входит в компетенцию экспертов.

Таким образом, сама практика судебной экспертизы по вопросам экстремизма с многообразием объектов исследования, тематики содержания исследовательских материалов объективирует необходимость выхода за рамки устоявшейся психологической и лингвистической экспертиз, отчасти ограниченных в своих теоретических и методических возможностях.

Следует отметить, что сложившаяся практика обусловлена несколькими обстоятельствами:

- 1) спецификой объектов исследования, как правило, текстовых материалов (книжные тексты, газетные статьи), преобладавших в экспертных материалах;
- 2) отсутствием единого методического центра по обобщению опыта специалистов-экспертов, способствующего совершенствованию, в том числе, законодательной базы по множеству аспектов, имеющих отношение к осуществлению экспертной деятельности по вопросам экстремизма;

- 3) отсутствием (до сих пор) статуса социальных и гуманитарных наук в экспертной деятельности, как одного из факторов, обуславливающих необходимые компетенции экспертов, кадрового состава экспертных центров с учетом специфики сегодняшних материалов, объектов исследования;
- 4) ошибочные стереотипы: а) каждый специалист (предметник) умеет применять методы и знания своей области в исследовательской (экспертной) деятельности; б) компетентность определяется наличием ученой степени.

Заключение. Экспертиза по любой социальной проблематике имеет свою логику, которая определяет структуру и содержание экспертизы. Обязательными элементами являются наличие (1) теоретической базы по исследуемой теме, (2) интерпретация понятий, которые эксперты выбирают в качестве единицы анализа и представляют категориальный аппарат темы экспертного исследования; (3) перечень литературы, которой пользуется специалист при исследовании представленных на экспертизу объектов. Наличие теоретической базы и библиографии являются одним из критериев оценки компетентности эксперта. Однако спорным является вопрос о необходимости обязательного описания метода(ов) исследования. С учетом, что каждый объект, соответственно исследуемая тема, как правило, предполагает разработку теоретико-методологической базы, методики в соответствии поставленным задачам, то каждая экспертная работа является авторской, разработанной для данного конкретного случая. Отсюда актуализируется проблема закрепления авторства на методики экспертов в области исследования материалов экстремистской направленности.

Экспертная деятельность, которая характеризуется в сегодняшних условиях многозначностью, многоаспектностью решаемых задач, сложностью объектов, материалов экспертизы, позволяет по характеру выполняемой работы, сложности решаемых задач, возводить экспертную работу в статус научно-исследовательской.

Список литературы

1. Луков В. А. Социальное проектирование. М., 2009. С. 182.
2. Леонтьев А. А. О психолингвистической экспертизе // Методология современной психолингвистики: сборник статей. М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 58–70.
3. Барьер. Антифашистский журнал. 2004. № 8.
4. Салахутдинов А. А., Салахутдинова Р. Х. Соотношение социологической и законодательной интерпретации понятия «экстремизм» в судебной прак-

- тике // Материалы научно-практической конференции VII Ковалевские чтения. СПб., 2012. С. 1692–1695.
5. Пригожин А. И. Социология организаций. М., 1980.
6. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. 1-е изд. СПб.: Норинт, 2008.

Тепляков О. В.

Использование научного потенциала террологии в процессе изучения экстремистской среды

Teplyakov O. V.

Using the scientific potential of technology in the study of extremist environment

Аннотация. Автор статьи пытается раскрыть насущную необходимость создания комплекса знаний, целостного исследовательского направления, с одной стороны, разрабатывающего различные теоретические аспекты конкретных проявлений экстремизма, а с другой стороны — организации прикладного научно-экспертного процесса, направленного на осмысление природы, форм и проявлений экстремизма, а также способов противодействия наиболее опасным, иницируемым им вызовам и угрозам.

Annotation. The author of the article tries to reveal the urgent need to create a complex of knowledge, a holistic research direction, on the one hand, developing various theoretical aspects of specific manifestations of extremism, and on the other hand — the organization of an applied scientific and expert process aimed at understanding the nature, forms and manifestations of extremism, as well as ways to counter the most dangerous challenges and threats initiated by them.

Ключевые слова: экстремизм, террология, терроризм, радикализм, ультра-радикализм.

Key words: , extremism, terrorology, terrorism, radicalism, ultra-radicalism.

Для того чтобы объективно оценить и правильно понять мотивацию современного экстремизма в мире, необходимо заглянуть вглубь этого очень сложного и многозначного явления, которое за прошедшие годы очень интернационализировалось и слилось с организованной преступностью и криминальной экономикой.

Следовательно, сегодня проблема экстремизма приобретает не только предположительный, но и вполне действительный характер. Объективной причиной подобного развития событий является глобализация, которая приводит к кризису в социально-экономической, культурной, этнической и конфессиональной области жизни современного общества.

Соответственно подобная напряженная обстановка в социуме способствует активизации различного рода экстремистских настроений.

Современный экстремизм — это одно из самых опасных явлений современности, которое с трудом поддается прогнозированию и при этом приобретает все большие масштабы, угрожая благополучию человечества.

Сложившаяся деструктивная обстановка требует пристального научно-экспертного анализа, чтобы сделать политико-правовую оценку проявлениям экстремизма. Хотя, к большому сожалению, современный экстремизм изучен недостаточно полно, особенно в части, касающейся определения самого понятия «экстремизм». Ученые всего мира не могут прийти к единому мнению относительно того, что понимать под различными формами экстремистских проявлений: «радикализм», «экстремизм», «ультра-радикализм», «терроризм». Сегодня в мире имеется огромное количество трактовок этих понятий, но ни одно из них не имеет международного статуса. Но без точного понимания этих терминов невозможно проводить научные экспертизы, и определять какое этот феномен оказывают влияние на внутригосударственную и международную обстановку.

При этом важно понимать, что отсутствие единого понимания различных форм проявления экстремизма препятствует эффективной борьбе с ним. Общий подход к понятийному аппарату проявлениям экстремизма необходим для выработки стратегии противодействия этому деструктивному феномену.

Для того чтобы разобраться в формах и проявлениях экстремизма, необходимо понять суть этого явления. При этом необходимо учитывать бесконечное многообразие, смыкание и переплетение различных форм этого проявления, которое, как и любое социальное явление, имеет много форм. Сложившаяся ситуация объясняется сложностью и многогранностью этого явления, а также субъективными факторами, существующими внутри, как внутри государств, так и на международном уровне.

Но в то же время можно утверждать, что практически ничего не изменилось с тех пор, как один из самых известных исследователей терроризма Алекс Шмидт отметил в 1984 году, что «ученые самых различных сфер науки пролили практически столько же чернил, сколько террористы пролили крови, но все же не пришли к единому мнению о сущности терроризма» [1].

Шмидт приводит четыре основных причины, по которым исследователям не удастся прийти к единому мнению по вопросу терроризма [2].

1. Экстремизм представляет собой спорную концепцию и мнения исследователей — представителей политической науки, юриспруденции, и популярные представления о данном феномене часто разнятся.
2. Вопрос определения экстремизма связан с делегитимацией и криминализацией.
3. Существует множество различных видов экстремизма, с различными формами и проявлениями.
4. Термин претерпел изменения в значении за более чем двухсотлетнюю историю существования.

«Использование термина экстремизм предполагает моральную оценку; если одна сторона успешно навешивает ярлык экстремиста на другую, то она фактически убеждает других принять свою моральную точку зрения» [3].

Вопрос о том, кто должен определять, является ли та или иная группа террористической, имеет важное значение, так как «проблема определения понятия терроризм не может быть отделена от вопроса, кто именно его определяет» [4].

Исходя из вышеизложенных соображений, некоторые исследователи заявляют, что «можно утверждать с большой долей вероятности, что споры вокруг детального и всеобъемлющего определения экстремизма будут продолжаться долго, не приведут ни к какому результату и не помогут понять природу терроризма» [5].

Данная ситуация показывает необходимость научного понимания и интерпретации данного феномена, который может предоставить междисциплинарная и комплексная наука — террология. По своей сути это учение изучает этот особый социальный феномен, его сущность, тенденции, формы, цели и причины, механизм его эскалации и отдельных проявлений (актов) и системе борьбы с данным явлением.

По своей сути и содержанию эта прикладная наука пытается ответить на следующие вопросы: определение сущностных признаков экстремизма, выявление многообразных форм и видов проявления экстремистской деятельности, их типология; политические, экономические, социокультурные и психологические истоки и корни экстремизма; краткая история экстремистских движений; анализ специфики различных аспектов противодействия экстремизму. Таким образом, эта наука пытается разобраться в острой и тяжелой, злободневной проблеме экстремизма, с политических, правовых, социологических, военных и иных позиций, чтобы разработать научно обоснованную систему борьбы с экстремизмом.

К сожалению, в России деятельность в этом направлении продвигается довольно медленно. Следовательно, сотрудники правоохранительных

органов имеют поверхностное, ошибочное, либо искаженное понятие о терроризме и экстремистской деятельности.

Однако за рубежом, начиная с конца 40-х годов, уже длительное время существует наука об экстремизме, включающая в себя свод знаний о данном злодеянии. В странах западного мира функционируют научно-исследовательские центры, такие как корпорация «Рэнд корпорейшин» в США, «Центр исследования терроризма» и «Британский институт по освещению войны и мира» в Великобритании, Институт полемологии во Франции. Представленные научные центры занимаются не только теоретическим осмыслением экстремизма, но и вопросами тактического использования этого деструктивного феномена, чтобы достигать внешнеполитические цели. **Из стен этих исследовательских учреждений в рамках «концепции управляемого хаоса» выходят программы «мятеж-войн», чтобы подрывать государственные устои в различных странах мира, в том числе и в России. Также имеются сведения о причастности Корпорации РЭНД к разработке плана проведения так называемой Антитеррористической операции на Донбассе с применением террористической тактики, путём массового обстрела частями вооружённых сил Украины, боевиками «Правого сектора», добровольческими территориальными батальонами из ракетно-артиллерийского вооружения жилых массивов городов для не столько для нанесения ущерба отрядам повстанцев, сторонников самопровозглашённых Донецкой и Луганской Народных Республик, сколько для запугивания мирных жителей. [6].**

Необходимо учитывать, что для более эффективной экспертной деятельности в сфере противодействия экстремизму необходима четкая координация действий органов государственной власти, совершенствование системы обмена информацией между заинтересованными ведомствами, вовлечение в этот процесс общественные объединения и другие институты гражданского общества. Следовательно, актуален систематический конструктивный диалог ученых и практиков в системе специально-научных знаний об экстремистской и антиэкстремистской деятельности, призванной предоставлять научно-творческие обоснования и решения практических задач правоохранительным органам.

Таким образом, можно обратиться к положительному опыту США. В этой стране система противодействия экстремизму заключается в том, что аналитические центры, обеспечивающие системную переработку информации об экстремистской активности и осуществляющие подготовку прямых рекомендаций в сфере политики противодействия экстремизму, тактических практических решений для высших органов государственной власти США, находятся не в спецслужбах, а вынесены

вовне. Практически всегда они имеют статус независимых аналитических центров или общественных организаций. Центры имеют серьезное финансирование, привлекают к работе лучших специалистов. И эффективность их работы весьма высока [7].

Причем у этих «общественников» есть банки данных обо всех экстремистских организациях, их лидерах, членах, совершенных и планируемых мероприятиях. Задействованы высокие технологии мониторинга всех групп с разными формами экстремизма: от человеко-ненавистнических до клубов защиты животных и экологии. Причем информацию «общественники» получают прямо из среды экстремистов от своих осведомителей. У этих же «общественных организаций» есть четкие представления о тенденциях развития экстремизма, имеются прогностические расчеты. Иными словами, все блюдет Конституцию США: госорганы якобы ни во что не вмешиваются, а «общественники» проявляют свою гражданскую активность. Наиболее эффективными аналитическими организациями, обеспечивающими выработку стратегических и тактических решений, являются Институт мира, Антидиффамационная лига, Южный центр по защите гражданских прав, Международный центр развития толерантного сознания и предотвращения экстремизма. [7].

О качестве работы Южного центра свидетельствует то обстоятельство, что именно в нем и полиция, и ФБР запрашивают информацию об экстремистских группах. Более того, Южный центр по просьбе полиции и ФБР разработал и с 1992 года реализует обучающие программы для сотрудников спецслужб и правоохранительных органов по работе с экстремистскими группами (в том числе программа «Просвещение в области толерантности») [7].

Приведенный пример является далеко не исчерпывающим и открытым для дополнения. В качестве главного хотелось бы отметить необходимость постоянной обратной связи между теоретиками и практиками противодействия экстремизму. Возрастание роли экспертизы и эксперта свидетельствует о переходе нашего общества на другую, более профессионально ориентированную, ступень политического и законодательного развития — когда высококвалифицированный специалист начинает оказывать влияние на базисные решения и судьбу дальнейшего развития государства, общества и культуры.

Проектирование профилактики экстремистского поведения и оценка ее результатов требуют измерения выраженности соответствующих установок. Следовательно, информативно глубинные экспертизы сложны в организации, требуют высокой квалификации и подходят для научных исследований. В результате государством должно быть принято

экстраординарное решение, чтобы привлечь к научно-экспертной деятельности ученых и специалистов.

Из-за не снижающейся угрозы обществу со стороны международного экстремизма назрела актуальная потребность введения в экспертный процесс оценки экстремистской угрозы комплексной научной дисциплины «террорологии — науки о противодействии экстремизму». Именно подобные знания об экстремизме будут способствовать правильной интерпретации результатов экспертизы и формировать методику, которая бы отвечала целям поставленной задачи, то есть: могла определить уровень агрессии и враждебности, психологический тип группы и общее состояние в данный момент времени.

Использование новой комплексной научной дисциплины террорология будет способствовать развитию системе противодействия экстремизму, проведению эффективных научных экспертиз различных форм проявления этого деструктивного феномена, применения и использования научных разработок и учебного материала для профилактики террористической и экстремистской деятельности, раскрытию и расследованию преступлений террористической и экстремистской направленности.

Подобные исследования с включением в этот процесс научной дисциплины «террорология» позволит решить проблему, возникающую в изучении этого криминально-политического феномена современности. Соответственно, такие действия будут способствовать эффективности борьбы с экстремизмом, чтобы адекватно создавать систему мер для защиты от этой угрозы. Работоспособность такой системы антитеррористической безопасности напрямую зависит от комплексных знаний об экстремизме, которые способствуют объективному и своевременно отслеживанию тех изменений, которые постоянно происходят в содержании, организации и тактике экстремистских организаций.

Список литературы

1. *Schmid A., Jongman A.* Political Terrorism. Piscataway, New Jersey: Transaction Publishers, 2005. Introduction.
2. *Schmid A.* Terrorism: The Definitional Problem // Case Western Reserve Journal of International Law. 2004. Vol. 36, No 375. P. 395.
3. *Jenkins B.* The Study of Terrorism: Definitional Problems. Santa Monica: RAND, 1980. P. 1.
4. *Schmid A.* Terrorism: The Definitional Problem // Case Western Reserve Journal of International Law. 2004. Vol. 36. № 375. P. 402.
5. *Laqueur W.* No End to War: Terrorism in the Twenty-First Century. New York: Continuum, 2003. P. 79.

6. СМИ опубликовали разработанный в США план силовой операции на Украине [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2014. 4 июля. URL: <https://lenta.ru/news/2014/07/04/plan> (дата обращения: 24.02.2019).
7. Овчинский В., Кочубей М. Экстремизм в США // Полиция без границ. Вып. 1. СПб., С. 32–34.

Фролова Ю. Н.

Практические аспекты столкновения понятий в рамках изучения проблем сепаратизма

Frolova Yu. N.

Practical aspects of the clash of concepts in separatism studies

Аннотация. Отсутствие общепринятых однозначных формулировок ключевых понятий политических наук является важным препятствием при регулировании проблем сепаратизма. В статье рассматривается два аспекта: суть проблемы разграничения понятий и отражение столкновения понятий в документах международных организаций. Также проиллюстрировано как существование разночтений влияет на практику разрешения конфликтов, в результате чего возникает возможность применения «двойных стандартов».

Ключевые слова: сепаратизм, сепецсионизм, суверенитет, право на самоопределение, международные организации.

Annotation. The absence of generally accepted unambiguous definitions of political science key concepts is an important obstacle in resolving the problems of separatism. The article deals with two aspects: the essence of the concepts differentiation problem and the reflection of concepts collision in the documents of international organizations. It is also illustrated how the existence of discrepancies affects the practice of conflict resolution, resulting in the possibility of applying «double standards».

Key words: Separatism, secessionism, sovereignty, right to self-determination, international organizations.

Теоретическое и практическое соотношение понятий политических наук регулярно вызывает споры как в научных кругах, так и в сфере политической практики. Отсутствие общепринятых однозначных формулировок ключевых концептов становится важным препятствием при регулировании проблем сепаратизма. Этой теме посвящено значительное количество современных исследований, поэтому автор считает необходимым выделить два аспекта: суть проблемы разграничения понятий вокруг процессов сепаратизма и отражение таких понятий в ключевых международных документах.

С процессами сепаратизма связан ряд понятий, среди которых непосредственно само понятие сепаратизма, сецессионизм, автономизм, ирредентизм и другие. В отечественной научной литературе понятие «сепаратизм» получило большее отражение, чем сецессионизм; кроме того, сецессионизм вообще свойственен в основном западной научной литературе (как синоним понятия «сепаратизм»), однако ряд исследователей разделяет данные понятия [6], в связи с этими процессами возникают разночтения. Автор считает необходимым разделять два понятия, как минимум в силу того, что сецессионизм уже закрепился в российском научном дискурсе как самостоятельное понятие. Сепаратизм представляет собой требование широких прав для территории, расширение автономности, вплоть до выхода из состава государства. В свою очередь, сецессионизм представляет собой более узкое понятие и, как следствие, один из вариантов сепаратизма, — движение, направленное на формальный выход из государства. В отличие от сецессионизма автономизм «не требует полного отделения, а только сдвига прерогатив внутри государства» [4].

Еще одна пара понятий, которые создают проблемы при изучении сепаратизма, это суверенитет и право на самоопределение. Суверенитету как одному из ключевых концептов международных отношений посвящено значительное количество публикаций, при этом ежегодно появляется новые публикации, связанные с проблемой толкования понятия «суверенитет». Достаточно молодой популярной темой в рамках изучения суверенитета становится кибербезопасность, криптовалюты и суверенитет [7]. Однако на сегодняшний день споры не утихают.

Фактом является многообразие подходов к концепту суверенитета, кроме того, сегодня мы можем говорить о трансформации этого явления. Суверенитет — это уже не то классическое понимание, которое было определено Ж. Боденом как «абсолютная и постоянная власть государства над подданными и гражданами» [1]. Среди известных теорий «реальный суверенитет» [3], теория ограниченного суверенитета, сепаратистская теория суверенитета, и многие другие [5], которые дают возможность понять, что суверенитет — понятие многогранное, но единого понимания нет.

С правом на самоопределение ситуация схожа. Во-первых, термины право наций на самоопределение и право народов на самоопределение можно увидеть как синонимы, что уже порождает разночтения в связи с тем, что «нация» и «народ» имеют различные трактовки. По мнению некоторых специалистов международного права, международное право использует только термин «народ» и совсем не мыслит категориями «нация», «национальность» [2]. И с такой точки зрения, например,

в Испании существуют народы басков и каталонцев, которые требуют самоопределения, при этом также существует испанский народ (который с точки зрения отечественной науки — нация). А с точки зрения испанской Конституции 1978 года эти же общности обозначаются как *nacionalidad* (национальность или народность), которые существуют в рамках испанской нации (*nación*) [13]. А, например, в риторике многих стран, в том числе и в России, «национальность» осознается как гражданство страны [8]. Далее, нет понимания, где же заканчивается самоопределение, может ли оно выходить за границы государства. Некоторые ученые (например, José Antonio Perea Unceta (Universidad Complutense de Madrid) указывают на важный аспект, который необходимо учитывать при изучении самоопределения: принцип права на самоопределение касается, прежде всего, колониальных стран и разрабатывался именно с этой целью. Также, согласно системе ООН, реализация права на самоопределение внутри государства возможна лишь в случае нарушения прав меньшинств и прав человека [3]. На взгляд автора такое мнение все же является спорным в силу того, что, хотя на это условие и указывают некоторые документы (например, резолюции ООН № 1514 от 1960 года и № 2625 от 1970), однако в ряде основополагающих международных документов этот принцип упоминается без учета этих условий, что говорит об их необязательности. В тот момент, когда право на самоопределение выходит за границы государства, нарушается принцип суверенитета.

Хельсинский Заключительный акт СБСЕ упоминает оба концепта. Статья 8 утверждает, что «все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне», при этом статьи 3 и 4 провозглашают нерушимость границ и территориальную целостность государства [11].

Принципы суверенитета и право на самоопределения народов также упоминаются Уставом ООН. В главе 1 присутствуют оба термина: необходимо «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов», а также воздерживаться «от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства» [10]. В ряде резолюций ООН можно встретить утверждение: «Право на самоопределение, в силу которого все народы могут свободно определять свой политический статус и свободно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие» [9].

К универсальным принципам ООН со ссылками на документы часто обращаются те или иные группы, требующие самоопределения,

для обоснования своих претензий [12]. Именно этот факт создает конфликтные ситуации на практике. По мнению автора, проблема применения «двойных стандартов» и манипулирование ключевыми принципами международного права будет актуальна до тех пор, пока на национальном и международном уровнях не будет выработан единый, общепризнанный и однозначный подход к формулировкам определений ключевых понятий, таких как суверенитет и право на самоопределение.

Список литературы

1. *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. М., 1999. С. 689–695.
2. Интервью с профессором José Antonio Perea Unceta (Universidad Complutense de Madrid). 26.06.2017— 03.07.2017.
3. *Кокوشي А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006. 180 с.
4. *Макаренко В. П.* Теория сепарации: послышки и аргументы // Философия права. 2009. № 2. С. 47.
5. *Мусихин Г. И.* Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 64–78.
6. *Попов Ф. А.* География сепарационизма. М.: Новый Хронограф, 2012. 684 с.
7. *Смирнов С. В.* Криптовалюты как вызов государственному суверенитету современного государства в условиях глобализации // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. 2018. Башкирский государственный университет (Уфа). С. 29–35.
8. *Тишков В. А.* Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 76.
9. Уважение принципов национального суверенитета и многообразия демократических систем в процессах выборов как важный элемент поощрения и защиты прав человека. Резолюция 60 сессии Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/497/46/PDF/N0549746.pdf?OpenElement> (дата обращения: 04.03.2018).
10. Устав ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm> (дата обращения: 25.08.2018).
11. Хельсинский Заключительный акт СБСЕ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osce.org/mc/documents.html> (дата обращения: 13.01.2019).
12. By refusing the request for a new statute for Euskadi Spain is violating the principle of the self-determination of peoples // Parliamentary questions. European Parliament [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/>

getAllAnswers.do?reference=E-2005-0516&language=EN (дата обращения: 04.11.2018).

13. Organización del Estado. La Moncloa [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/espana/organizacionestado/Paginas/index.aspx#organizacion-territorial> (дата обращения: 06.02.2019).

Шуванов И. Б., Новикова С. С., Церекидзе Я. В.

К вопросу о диагностике вербальных и невербальных признаков достоверности информации на основе видеозаписи следственных мероприятий при экспертизе по делам об экстремизме

Shuvanov I. B., Novikova S. S., Tserekidze Ya. V.

To the question of diagnostics of verbal and nonverbal signs of reliability of information on the basis of video of investigative actions, at examination on cases of extremism

Аннотация. В предложенных материалах классифицируются методики для диагностики вербальных и невербальных признаков достоверности информации по двум основаниям: экспертные технологии и методы, связанные с выявлением вербальных признаков достоверности информации, экспертные технологии и методы, связанные с выявлением совокупности вербальных и невербальных признаков достоверности информации.

Annotation. The proposed materials classify methods for the diagnosis of this phenomenon on two grounds: expert technologies and methods associated with the identification of verbal signs of information reliability; expert technologies and methods associated with the identification of a set of verbal and nonverbal signs of information reliability.

Ключевые слова: экспертиза, экстремизм, вербальные признаки, невербальные признаки, достоверность информации.

Keywords: expertise, extremism, verbal signs, nonverbal signs, reliability of information.

В современном правовом и политическом пространстве все большую значимость приобретает особый вид речевых правонарушений, предусмотренных статьями 280 УК «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и 282 УК «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Квалификация данных видов речевых правонарушений всякий раз требует лингвистического и психологического обоснования, что обусловило появление

новых видов судебных экспертиз — лингвистической и психолингвистической. Исследование специальной литературы, а также изучение судебной практики показали, что при расследовании преступлений, связанных с распространением материалов экстремистской направленности, всегда проводится большое количество судебных экспертиз, так как возникает необходимость в использовании специальных знаний, применяемых в форме производства судебной экспертизы. Стоит отметить, что без проведения указанных экспертных исследований расследование преступлений, связанных с экстремизмом, становится неэффективным и, как следствие, появляется необходимость использования специальных знаний в определенной области.

Мы солидарны с мнением Е. И. Галяшиной, что именно судебная психолого-лингвистическая экспертиза как род экспертной деятельности призвана устанавливать все необходимые обстоятельства и факты, которые имеют значение доказательств для правовой квалификации тех или иных высказываний (текстовых материалов) в качестве экстремистских материалов [2, 18]. При этом под специальными принято понимать знания, приобретенные субъектом в процессе практической деятельности путем специальной подготовки или профессионального опыта, основанные на системе теоретических знаний в соответствующей области [1, 383].

В ходе расследования уголовных дел рассматриваемой категории одной из наиболее значительных проблем является установление достоверности показаний подэкспертного на основе видеозаписи допроса. Кроме того, зачастую, на разрешение эксперта-психолога ставятся вопросы о самостоятельности совершения противоправного деяния или наличие присутствия психологического воздействия со стороны заинтересованного лица (совершение содеянного правонарушения не по собственной инициативе подэкспертного). Ответ на данный вопрос требует определения достоверности показаний на основе видеозаписи следственных мероприятий.

В свою очередь, достоверность — как философское, правовое, общепсихологическое, экспертно-психологическое и житейское понятия — суть разные явления и их неразличение является одной из причин многочисленных ошибок в восприятии судебно-релевантных текстов, в которых встречаются термины «достоверность» и «недостоверность».

Кроме того, при производстве данного вида судебно-психологических экспертиз часто встречается использование взаимоподменяющих понятий, такие как: ложь, сокрытие, фальсификация, недостоверность.

Ложь — информация, которая не соответствует действительности, намеренное искажение истины. Ложь может быть пассивна или активна

и, соответственно, может использоваться для сокрытия правды или её фальсификации.

Сокрытие — эта ложь возникает в ситуациях, когда лгун надеется обмануть свою жертву путем подавления правдивой информации, уклонения от ответов на вопросы, молчания, симуляции эмоций, гнева или болезни.

Фальсификация — эта ложь представляет собой искаженное или вымышленное высказывание, или объяснение с целью обмана.

Недостоверность — информация, которая не подкреплена фактами, ненамеренное искажение истины.

Поскольку в зависимости от правильности оценки достоверности показаний зависит степень вины подэкспертного, поэтому для эксперта очень важно найти критерии разграничения заведомой лжи от добро-совестного заблуждения. Следует помнить, необходимость оценки достоверности показаний законодатель предусматривает по следующим статьям Уголовного кодекса РФ:

статья 302 — принуждение к даче показаний;

статья 306 — заведомо ложный донос;

статья 307 — заведомо ложные показания;

статья 308 — отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний.

Так как, исходя из заявленной темы, если предмет изучения данной темы определен как видеозапись следственных мероприятий, то становится очевидным, что объектом исследования эксперта-психолога выступают вербальные и невербальные проявления.

Преимуществом видеозаписи от традиционного допроса является то, что при допросе она позволяет соединить фонозапись и видеофиксацию: обстановки, где происходил допрос; поведения допрашиваемого, его реакцию на задаваемые вопросы, ответы, паузы, ритм речи и т. п. Всего этого лишен протокол допроса, который избирательно передает только вербальную информацию. Кроме того, видеозапись позволяет зафиксировать наряду с вербальной (словесной) информацией, которая, по данным психологов, составляет только 30–40% каждого общения, 60–70% информации в виде мимики, жестикуляции допрашиваемого, его отношения к словесной информации, поведения при допросе. Также видеозапись может опровергнуть возможные заявления допрошенного о незаконных методах допроса, о его ненормальной обстановке и т. п.

Алгоритм экспертного исследования подразумевает собой определение объекта и предмета исследования, изучение необходимой научной и справочной литературы, выбор методов и методик, адекватных экспертным задачам, и имеет несколько последовательных, взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов:

1. Экспертно-психологический анализ материалов уголовного дела.
2. Первичный просмотр представленной видеозаписи.
3. Составление дословного содержания видеозаписи.
4. Психологический анализ вербальных и невербальных проявлений подэкспертного.
5. Психологический анализ информативно-смыслового содержания показаний подэкспертного.
6. Комплексный сравнительно-сопоставительный анализ информативно-смыслового содержания показаний подэкспертного.
7. Синтезирующая часть.
8. Написание заключения.

Так, в рамках предложенной темы, в данной статье более подробно был рассмотрен 4-й этап алгоритма.

Изучив литературу по заявленной проблеме, методики, используемые для диагностики вербальных и невербальных признаков достоверности информации на основе видеозаписи следственных мероприятий, можно классифицировать следующим образом:

Экспертные технологии и методы, связанные с выявлением вербальных признаков достоверности информации	Экспертные технологии и методы, связанные с выявлением совокупности вербальных и невербальных признаков достоверности информации
Психолингвистический анализ продуктов речевой деятельности	Психологическая модель ложного поведения (модель выявления скрываемой информации Б. Л. Филонова)
Методика У. Ундойча «Оценка валидности утверждений» (ОВУ)	Методика диагностики скрываемой информации получения признания виновного в отсутствие доказательств (А. Г. Гельманов, С. А. Гонтарь)
Анализ показаний допрашиваемого на их подготовленность	Уровни, показатели и индикаторы профессионального распознавания заведомой лжи (по А. И. Власову)
	Методика «Стоп-кадр»
	Метод контент-анализа
	Методика «Проверочный лист валидности»
	Методика «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» и ее модификации

Обобщая вышеизложенное, касающееся экспертных технологий и методов, применяемых при производстве СПЭ по выявлению признаков достоверности информации по делам об экстремизме, сообщаемой

участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий), следует констатировать, что они относятся к группе вероятностно-статистических методов.

Применение вероятностно-статистических методов широко распространено в науке и на практике, оно является нормой в физике, строительстве, медицине, лингвистике и т. д. При этом определенная погрешность в результатах признается уместной и допустимой. Поэтому нет никаких оснований отказываться от этих методов и в судопроизводстве.

Более того, в данной статье говорится о том, что психологический экспертный анализ проводится по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, тогда как 25–55 лет назад видеозапись применялась в исключительных случаях. При этом окончательное решение о достоверности (недостоверности) информации остается в пределах компетенции судопроизводства.

Список литературы

1. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А. Н. Баранов. М.: Флинта, 2007. 592 с.
2. *Енгальчев В. Ф.* Судебно-психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий) / В. Ф. Енгальчев, Г. К. Кравцова, Е. Н. Холопова. М., 2016. С. 303.
3. *Грибунов О. П.* Судебные экспертизы, назначаемые по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Методологическая основа и современный технологический инструментарий судебно-экспертной деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 23–24 мая 2013 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 103–105.
4. *Ищенко Е. П.* Криминалистика: учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М. КОНТРАКТ, 2010. 780 с.
5. *Шуванов И. Б.* Вербальные и невербальные признаки достоверности информации по видеозаписи следственных мероприятий / И. Б. Шуванов, О. С. Ключко, С. С. Новикова. Сочи-РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ»-2018, 78 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Вассоевич А. А.

Экспертная оценка течений в радикальном исламе

Vassoevich A. L.

Expert assessment of trends in radical Islam

Аннотация. В материале дан глубокий анализ особенностей интервенции наиболее радикальных идеологий в среде российских мусульман в условиях крупнейшей геополитической катастрофы XX века, вызванной распадом СССР, то есть с самого начала 90-х годов. Дана оценка ваххабизму как идеологии экстремизма.

Annotation. The article gives a deep analysis of the features of the intervention of the most radical ideologies among Russian Muslims in the conditions of the largest geopolitical catastrophe of the twentieth century, caused by the collapse of the USSR, that is, from the beginning of the 90-ies. Wahhabism is evaluated as an ideology of extremism.

Ключевые слова: экстремизм, ваххабизм, Россия, ислам.

Key words: extremism, Wahhabism, Russia, Islam.

Общеизвестно, что в отличие от государственных и административных границ, духовных границ в нашем мире не существует. Тем более закономерно, что в условиях крупнейшей геополитической катастрофы XX века, вызванной распадом СССР, то есть с самого начала 90-х годов, на постсоветском пространстве наблюдается интервенция наиболее радикальных идеологий в среде российских мусульман. Казалось бы, бесконфликтное сосуществование многих мусульманских общин традиционного толка с православным населением Российской империи остается тем ценнейшим историческим наследием, опираясь на которое можно и сегодня решать достаточно сложные проблемы межнациональных отношений. Однако процесс исламского религиозного возрождения, начавшийся в нашей стране после крушения прежней советской идеологии, в значительной степени спонсировался из Саудовской Аравии, где официальным религиозным течением является ваххабизм. Именно это сравнительно новое, весьма радикальное, ответвление от ислама суннитского толка стало серьезной угрозой как для традиционного в нашей стране ислама, так и для самой российской государственности.

Сошлюсь на мнение, высказанное Председателем Центрального религиозного управления мусульман Пермского края 26-го апреля 2012 года в Оренбурге. Выступая в присутствии полномочного представителя Президента в Приволжском федеральном округе, губернатора Оренбургской области, муфтий **Хамит-хазрат Галяутдинов** откровенно признал, что *«большой проблемой сегодня является радикализация молодежи на периферии. Если раньше иностранные религиозные течения под исламским флагом работали достаточно открыто и публично, то теперь они следуют правилам конспирации»*.

Конспиративная тактика, избранная ныне представителями самых радикальных псевдоисламских группировок, обязывает нас уделять исключительное внимание экспертной оценке самых различных течений в современном исламе. При этом речь должна идти не только о подготовке достаточно закрытых экспертиз для правоохранительных органов, но и о широком оповещении населения о целом ряде значимых исторических фактов.

Как известно, ваххабиты — сторонники исламского религиозно-политического движения, возникшего в середине XVIII века в Аравии на основе учения Мухаммада бин 'Абд эль-Ваххаба (родился в 1703 или 1704 г., скончался в 1792 г.), вплоть до начала 90-х годов XX века не имели влияния на мусульманское население нашей страны. Успешное проникновение ваххабизма на постсоветское пространство связано, однако, не только с мощной финансовой поддержкой из Саудовской Аравии, но и с отсутствием должной информации со стороны экспертного сообщества о ваххабитских надругательствах над главными мусульманскими святынями в XIX веке. Эта неосведомленность населения в итоге привела к тому, что на просторах СНГ стало возникать в высшей степени парадоксальное *соединения несоединимого*.

Еще в 1993 году С. Е. Кургинян, описывая положение в Таджикистане, обратил внимание на обнаружившуюся возможность прежде немислимой связи ваххабизма с определенными суфийскими течениями [5]. Из всей прежней практики ваххабизма явствовало его антисуфийское содержание. *«С точки зрения истинного ваххабизма, опирающегося на Коран, сунну и богословов первых трех веков ислама, суфизм — это “новшество”, смертный грех»* [3, 86]. И точно так же, ваххабитская непримиримость к культу святых в исламе, многочисленные надругательства ваххабитов над священными могилами делали учение шейха Мухаммада бин 'Абд эль-Ваххаба совершенно неприемлемым для хранителей той мусульманской традиции, которая передавалась из поколения в поколение.

Тем не менее в Таджикистане произошло слияние ваххабизма — официальной религиозной идеологии Саудовской Аравии и суфизма накшбандийского толка на почве борьбы за создание исламского государства,

причем государства агрессивного, готового силой оружия распространять свою идеологию на соседние страны [4, 64].

Исторические свидетельства, о которых сегодня хотелось бы напомнить представителям экспертного сообщества, в случае предания их широкой огласке, могли бы в известной мере дискредитировать в общественном сознании ваххабизм и таким образом затормозить развитие опасных гибридных форм радикального псевдоислама.

Факты надругательства ваххабитов над мусульманскими святынями описаны не только в зарубежной, но и в отечественной исламоведческой литературе. Однако они так и не стали достоянием массовой культуры и, соответственно, не могли влиять на общественное сознание в тот период, когда началось проникновение идей ваххабизма на просторы бывшего СССР.

Основоположник ваххабизма шейх Мухаммад бин 'Абд эль-Ваххаб начал свою проповедь в 40-х годах XVIII века и сразу же стал сочетать ее с уничтожением местных святилищ, вырубанием священных деревьев. Эта практика была не только продолжена его приемниками, но и приобрела более широкий, агрессивный характер.

Так, *«20 апреля 1802 г. 12 тысяч ваххабитов внезапно напали на Имам-Хусейн; после того, как они захватили огромную добычу, подобной которой не приносили самые большие победы, они все предали огню и мечу... Старики, дети, женщины — все гибли от меча этих варваров. Утверждают также, что если они видели беременную женщину, они вспарывали ей живот и оставляли плод на окровавленном теле матери. Их жестокость не могла насытиться, они не прекращали убийств, и кровь текла рекой... В результате кровавой катастрофы погибло более четырех тысяч человек... Ваххабиты увезли награбленное на более чем четырех тысячах верблюдов. Затем, после грабежа и убийств они **разрушили** также **мавзолей имама и превратили его в клоаку мерзости и крови. Они в особенности повредили минареты и купола, так как считали, что кирпичи, из которых построены эти сооружения, сделаны из золота**» [3, 106].*

Подобным же образом ваххабиты вели себя и при захвате Кербелы. Они учинили в городе резню, не пощадили женщин, детей, немощных и стариков. **Купол мечети над могилой имама Хусейна был разрушен.** Разумеется, при осквернении шиитских святынь происходило и разграбление несметных сокровищ, скопившихся благодаря вкладам богатых персов.

Не следует полагать, что подобного рода варварство проявлялось лишь при столкновении с шиитскими святынями. В начале XIX века ваххабиты предавали поруганию и святыни общеисламского значения. В апреле 1803 года ваххабиты вошли в Мекку, где они стали разрушать все мавзолеи и мечети с куполами, которые были воздвигнуты в честь героев раннего ислама.

Летом 1805 года в руках ваххабитов оказалась Медина. При этом ваххабиты разрушили золоченый купол над «мечетью пророка» и при- своили сокровища, хранившиеся в мечети Мухаммада.

Общеизвестно, что всякий благочестивый мусульманин при упо- минании имени пророка Мухаммада произносит следующие слова: «*صلى الله عليه و سلم*» «*Да благословит его Аллах и да приветствует*». Ваххабиты же, захватившие Медину, в знак протеста против повсемест- ного почитания пророка с остервенением плевали на его могилу и со- вершали иные надругательства [2, 77].

Предание представителями экспертного сообщества широкой огласке подобного рода фактов оказало бы сильнейшее эмоциональное воздей- ствие, прежде всего на исповедующих ислам.

Внутренний протест против давних ваххабитских бесчинств может быть усилен при упоминании одного крайне важного обстоятельства. «*Когда ваххабиты вошли в Медину*, — рассказывал 18 августа 2004 года в ходе радиопередачи «Петербургского исторического клуба» декан факультета ближневосточных исследований Мичиганского университе- та (Эн Арбор, США), профессор исламоведения Александр Кныш, — *кстати, пророк похоронен в Медине, а не в Мекке (это место, где он основал свою общину), ваххабиты попытались взорвать его гробницу. Она чудом уцелела, и это событие еще более укрепило последователей пророка почитать и посещать его могилу*».

В этой связи уместно вспомнить слова академика В. В. Бартольда (1869–1930), который писал: «*Для ваххабитов, как для европейских про- тестантов, принцип следования букве священного писания стоял выше принципа согласия с общиной верующих; их выступление глубоко потрясло мусульманский мир, особенно когда они овладели Меккой и Мединой и, согласно своему учению, уничтожили гробницу пророка*» [1, 132].

Авторитетное экспертное сообщество обязано информировать при- верженцев традиционных направлений в исламе на всем постсоветском пространстве о подобных исторических событиях. Все искренние по- читатели пророка Мухаммада, столкнувшись с подобного рода истори- ческими фактами, сразу же получают известную «прививку» от возмож- ных ваххабитских влияний. Разумеется, подобного рода информационные «прививки» должны осуществляться крайне тактично, учитывая, что **ваххабизм** на сегодняшний день — **основа официальной идеологии Саудовской Аравии**, его последователи есть в арабских эмиратах Пер- сидского залива, ряде азиатских и африканских стран. Вместе с тем ре- гулярные упоминания об имевшей в начале XIX века попытке взорвать гробницу самого пророка Мухаммада (*صلى الله عليه و سلم*) в радио- и телепередачах, посвященных защите культурно-исторического наследия

человечества, крайне желательны. Уместны они и в публичных дискуссиях представителей экспертных сообществ об отличиях ислама традиционного и ислама радикального. Эти сюжеты обязательно должны быть включены в учебники по истории религий, чтобы способствовать формированию более адекватной картины мира у молодого поколения. Ведь борьба сегодня ведется, прежде всего, за души молодых людей.

Здесь хотел бы напомнить удивительное по своей искренности признание прежнего председателя Духовного управления мусульман Кировской области **Габдуннур-хазрата Камалуддина**: «Сегодня здесь сказали также про то, что с Кавказа ваххабиты тихонько-тихонько распространяются в Поволжье. На самом деле, это было уже видно заранее по той причине, что Кавказ нам показал, и им (т. е. ваххабитам), в принципе, показал, что открытая война с Россией не выгодна. Россия — достаточно сильное государство, силовые структуры достаточно сильны. И, соответственно, они (т. е. ваххабиты) в 90-х годах начали нас обвинять в том, что у нас религия стариков, религия бабаев. Утверждали, что чистый ислам — это Саудовская Аравия, потому что Мекка и Медина в их руках находятся, значит, только там может быть чистая вера. Но народ их отверг. Есть чисто мой, подтвержденный факт. В моем ауле было двое ребят, которые потом, кстати сказать, очень себя “зареккомендовали” (в кавычках) в Татарстане, в Альметьевске. Они, когда приехали в нашу деревню, сперва начали отрицать все, что было наше. Потом, когда народ выгнал их из деревни, естественно, у них возникло понимание того, что работать так, как они раньше работали на Кавказе, — внутри России не выйдет. И их дядя как-то в беседе с моим отцом сказал: “Рано или поздно, эти мечети все равно в их руки попадут”. На что отец спросил: “А почему Вы так уверены, что все эти мечети в их руках будут?”. Дядя сказал: “Потому что мои племянники поехали в Саудовскую Аравию и рассказали, что, если они будут учить так, как их учат в Саудовской Аравии, то народ их не примет. Их учителя спросили: “А в чем причина? Почему их народ не принимает?”. “Потому что, — говорят, — есть еще поколение стариков, которые получили определенное воспитание от своих предков, от своих отцов и дедов”. Тогда их учителя сказали: “Ну что ж, пока деды старики-бабаи живы, вы себя внешне ведите так, как они себя ведут. Но молодежь учите так, как мы вас учим. Придет такое время, когда старое поколение уйдет, и тогда будут ваши эти мечети”. Это стратегия. Сегодня, на самом деле, в Поволжье эта стратегия уже идет».

Вчитываясь в эти слова, нельзя забывать, что в Поволжье более 6 млн человек исповедуют ислам. При этом в настоящее время ваххабиты в Российской Федерации уже предпочитают именовать себя «салафитами»

и конспиративные методы работы становятся для них предпочтительными¹, в ряде случаев против представителей традиционного мусульманского духовенства осуществляется откровенный террор². В таких условиях особенно возрастает значение квалифицированной религиозно-экспертной экспертизы, позволяющей срывать маскировочные халаты с членов псевдоисламских экстремистских объединений. Однако экспертное сообщество обязано не только информировать представителей государственной власти. Оно должно разъяснять широким слоям общественности коренное различие между традиционным исламом и злокачественными новообразованиями, возникшими на исламской почве. Бессмысленно отрицать, что уголовная, криминальная среда, по крайней мере в Поволжье, сегодня очень хорошо воспринимает фундаменталистов. Вчера они были «братки», сегодня они уже «братья». Вчерашние члены ОПГ (организованных преступных группировок) легко превращаются в членов ОПЭГ (организованных преступных экстремистских группировок)³.

С точки зрения поддержания устойчивого развития на всем постсоветском пространстве, преобладание традиционных форм ислама, несомненно, предпочтительнее, чем существование его радикальных гибридных модификаций. Эти традиционные формы, некогда ставшие для населения Российской империи привычными, хранят память о временах достаточно долгого бесконфликтного существования между представителями двух великих монотеистических религий. Популяризация уважительного отношения к Исе — Иисусу Христу в Священном Коране, напоминания о том, что православная Эфиопия в далеком VII веке дала приют самым первым мусульманам, спасавшимся от аравийских язычников, способны понижать уровень межконфессиональной напряженности. Вместе с тем правдивая информация о попытке ваххабитов

¹ По мнению Р. Р. Сулейманова, возглавлявшего Приволжский региональный центр РИСИ с 2011 по 2013 год: «Когда фундаменталистов начинают вытеснять с территории Северного Кавказа, они стремятся осесть в Поволжье. Мы видим множество кавказцев, которые начинают влиять на местную молодежь. В городах они трудоустраиваются в частные охранные предприятия (ЧОП), где имеют доступ к оружию. Они начинают учить “правильному”, “чистому” исламу поволжских мусульман. Приходят в мечеть, где говорят: “Эй, брат, ты неправильно читаешь намаз!”. Это говорят старику, бабаю, демонстрируя свое неуважение, и, нередко, затем захватывают власть внутри мечети».

² В качестве яркого примера можно сослаться на попытку 19 июля 2012 года взорвать в автомашине председателя Духовного управления мусульман Республики Татарстан Ильдуса-Хазрата Файзова и убийство в тот же день его заместителя Валиуллы Якупова.

³ По мнению Р. Р. Сулейманова: «Другая проблема, которая существует перед Поволжьем, это ситуация в пенитенциарной системе, в тюрьмах, в колониях. Сажая одного человека как какого-нибудь фундаменталиста или религиозного экстремиста, на выходе получают целых десять».

в XIX веке уничтожить гробницу пророка Мухаммада, об их многочисленных надругательствах над самыми почитаемыми исламскими святынями может стать действенной мерой сокращения социальной базы ваххабизма. Такая информация будет противодействовать вовлечению широких мусульманских масс в деятельность гибридных исламских групп, несущих вместе с религиозным радикализмом межконфессиональную напряженность и межнациональную рознь.

Список литературы

1. Бартольд В. В. Ислам и современная культура // Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Наука, Гл. редакция восточной литературы, 1966.
2. Беляев Е. А. Мусульманское сектантство // Ислам. М., 1931.
3. Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 г. — конец XX в.). изд. 2-е, расширенное и дополненное. М.: Классика плюс, Книжный дом газеты Труд, 1999.
4. Дроздов В. А. Исламский мистицизм и его влияние на население СНГ. СПб., 1995.
5. Кургинян С. Е. Таджикский узел // Советская Россия. 1993. 29 июля.

Гайдуков А. В.

Экспертная оценка состояний неоязыческих объединений на Северо-Западе России

Gaidukov A. V.

Expert assessment of the states of neo-pagan associations in the North-West region of Russia

Аннотация. В статье рассказывается об особенностях феномена неоязычества, его разноплановости и неоднозначности подходов к его пониманию. На примерах Санкт-Петербурга и Ленинградской области отмечаются такие проявления нового язычества, как викка, асатру и родноверие. На основе проведенных социологических исследований автор делает вывод о наличии значительного количества «виртуальных» язычников, язычников-индивидуалов и «фестивальных сёрферов».

Annotation. The article describes the peculiarities of the phenomenon of neo-paganism, its diversity and ambiguity of approaches to its understanding. In the examples of St. Petersburg and the Leningrad Region, such manifestations of new paganism as Wicca, Asatru, and Rodnoverie are noted. Based on the sociological studies conducted, the author concludes that there are a significant number of “virtual” pagans, individual pagans and “festival surfers”.

Ключевые слова: неоязычество, новое язычество, современное язычество, викка, асатру, славянское новое язычество, родноверие, виртуальные язычники, язычники-индивидуалы, «фестивальный сёрфинг», Санкт-Петербург, Ленинградская область.

Key words: neo-paganism, new paganism, modern paganism, Wicca, Asatru, Slavic modern paganism, fatherhood, virtual pagans, individual pagans, festival surfing, St. Petersburg, Leningrad Region.

Языческие проявления стали достаточно частыми в современной жизни. О неоязычестве как социальном феномене заговорили исследователи радикальных правых ещё четверть века назад в связи с ростом националистических и ксенофобских настроений на постсоветском пространстве. Сегодня националистический градус несколько снизился, однако озабоченность ростом язычества стала проявлять и церковь ещё на Архиерейском соборе в 2004 года [1], а летом 2018 года Патриарх Кирилл заявил, что среди определенной части спортсменов и военнослужащих становятся популярными «языческие идеи, идеи, проистекающие из языческого отношения к человеку» [4].

Подобные заявления переключают внимание обывателей и представителей правоохранительных структур на те проявления неоязычества, которые наиболее заметны и доступны для контроля — на масленичные гуляния со скоморохами, на малые скульптурные формы в виде сказочных персонажей и духов-хранителей, появляющиеся на детских площадках и в парках, но по сути не имеющими отношения к религиозным и экстремистским проявлениям. Однако в тени остаются религиозно мотивированный национализм, «языческие» элементы массовой культуры, ориентированные на потребление псевдолекарств и пресвдоуслуг и распространение обскурантизма.

«Языческое», точнее неавраамическое мировоззрение и религиозное мировосприятие характерно для многих современных людей, однако оно не только не изучалось, но и не может быть верифицируемо. Современное язычество чаще всего представлено в синкретических формах, ориентированных на публичное пространство — народные (нехристианские) праздники народов России — Ысыях или Луд, масленичные гуляния и пр.

Язычество (природная вера). До прихода христианства язычество было широко распространено в регионе. Со временем оно слилось с «народным православием» и местными обрядовыми традициями народов, населяющих территорию современного Петербурга и Ленинградской области, исповедующих лютеранство. Само понятие «язычество» христианского происхождения и обозначает народы (слав. «языцы»),

отошедшие от поклонения истинному Богу-творцу. Православная церковь на протяжении веков стремилась искоренить язычество, но даже после советской атеистической эпохи оно продолжает проявляться в народной религиозности и православном «обрядоверии». Еще в середине XX века казалось, что язычество осталось лишь в виде религиозных пережитков и суеверий в светской Европе и советском атеистическом обществе. Однако к концу века оно проявилось вновь как новое язычество (или неоязычество), став своеобразным ответом на социальные запросы, связанные с идентичностью, этничностью и духовностью. В частности, в Петербурге и Ленинградской области стали проявляться люди, проводящие языческие обряды.

Говоря о неоязычестве, следует помнить про неопределенность и неконкретность феномена. Будучи продуктом секулярного и постсекулярного урбанистического общества, неоязычество проявляется в реконструкции и конструировании дохристианских традиций. При этом во многих регионах России у народов Севера и Поволжья остаются и традиционные языческие верования. Часто они «обновляются» за счет новых культурных влияний или срastaются в синкретические языческо-христианские варианты «народного православия», оставаясь при этом в рамках этнокультурной традиционности.

Новое язычество (неоязычество) определяет прерванность народной традиции (в нашем случае христианским и советским периодом). Само понятие «неоязычество» обладает ярко выраженными негативными оттенками (как «секта», «ересь»), оно неоднородно и несводимо к одному религиозному феномену, понятию. Можно выделить «глобальное» и этническое неоязычество.

К «глобальному» новому язычеству в широком смысле можно отнести религиозно-мистические явления конца XIX — начала XXI века (Теософию Е. Блаватской, Агни-Йогу Рерихов, магию, эзотерику и пр.), в узком — реконструируемые/конструируемые дохристианские магические и языческие системы, обычно не имеющие этнической привязки (то есть не являющиеся националистическими). Таковы неodruidизм, а также викка и асатру, которые уже появились и на территории Петербурга и Ленинградской области.

Викка. В Санкт-Петербурге несколько лет назад стали активны и молодежное объединение виккан. Викка (англ. Wicca от Witchcraft — колдовство) — матриархальная, не догматическая западная религия, часто именуемая языческой (неоязыческой). Основанная в 1954 году Джеральдом Гарднером на почитании сил природы, представленных в виде Богини и Бога, либо только Богини, а также другими божествами,

зачастую являющимися их аспектами, она допускает монотеистические и политеистические варианты.

Три основополагающие принципа викки созвучны с принципами язычества в целом: 1. Любовь и единение с Природой, забота о ней, а также почитание нескончаемого цикла жизни и смерти. 2. Этическая составляющая, основанная на личной ответственности за свои деяния; этика саморазвития и существования в гармонии с окружающим миром. Постулаты викки: «Если это никому не вредит, делай, что пожелаешь» и «Все, содеянное тобой, вернется обратно трижды приумноженным». 3. Почитание присутствия в мире Божественного, которое может выступать для виккан как Бог и Богиня.

В последнее время фактором обращения к этим формам язычества (кроме урбанизации и экологических проблем) становится популярность волшебства в массовой культуре, проявляющаяся в книгах, фильмах и компьютерных играх, посвященных Гарри Поттеру, хоббитам, ведьмам, и формирующая особую субкультуру.

Пять лет назад была образована молодежная «Викканская Община Санкт-Петербурга». Ее последователи, в основном молодые женщины в возрасте до 30 лет, имеющие высшее образование, выезжают для проведения обрядов в Ленинградскую область.

По словам одного из петербургских виккан, быть викканином — значит в первую очередь «делать», а не «веровать»: главное в викке не определенный набор убеждений, а ритуал. Многократно предпринимались попытки определить, где кончается викка и начинается просто «окультура» (окультурная субкультура) и Нью Эйдж, синкретическая религиозность современного мегаполиса. Те ковены (общины, группы), которые существуют в России, скорее функционируют не как эзотерические группы, а как кружки единомышленников, служащие для обмена опытом и совместного развития.

Асатру. Асатру (в переводе с исландского «верующий в асов», «верность божествам») — неязыческое движение, воссоздающее дохристианские германо-скандинавские традиции и распространенное в Исландии, Дании, Норвегии, США и других странах. Особенностью этого направления является не только природосообразность, но и конструируемая «германская» и «скандинавская» идентичность (обычно не выходящая на уровень национализма), а также увлечение языческой музыкой. «Основы вероучения Асатру» (01.10.2013) определили миролюбивые принципы этого движения в нашей стране и разъяснили его позиции в обществе. Впервые в России «Община Асатру» получила уведомление о существовании как религиозной группы в Санкт-Петербурге 1 сентября 2013 года [5, 264].

Активность виккан, последователей Асагру и экологических неоязычников невелика, она ориентирована на гармонию с природой и на практическую «позитивную» магию, обычно не предполагающую кровавые жертвоприношения. Однако их деятельность беспокоит православных своим «возрождением» магии и нехристианских форм религии.

Славянское неоязычество, родноверие. Славянское новое язычество (или неоязычество) можно определить как «совокупность религиозных, парарелигиозных, общественно-политических и историко-культурных объединений и движений, обращающихся к дохристианским верованиям и культам, обрядовым и магическим практикам, занимающихся их возрождением и реконструкцией» [3, 25]. Сами его последователи предпочитают называть себя «родноверами», то есть исповедующими родную веру. Среди них встречаются как экологически направленные объединения, так и радикально-националистические. Именно радикалы и националисты вызывают у общественности особую тревогу. Проблема в том, что у националистов и экстремистов неоязычество становится идеологической оберткой их действий, часто мотивирующей и одобряющей насилие. Схожим образом работают религиозные воззрения и в других религиях. Вероучительно-обрядовая сторона таких язычников выражено агрессивная. Обряды сопровождаются призывами и демонстрацией силы. Вероучительная сторона доктрин сводится к националистической идеологии и ксенофобии. Места локаций обрядов таких неоязыческих групп обычно не разглашаются. Их участники не проводят их открыто.

В противовес радикалам экологические язычники ориентированы на гармонию с Природой и открыты для общения. Их верование основывается на гармонии и родовых традициях. Здесь обряды обычно проводятся открыто с возможным участием или наблюдением посторонних (стоит отметить, что при этом существуют и закрытые обряды «для своих», ориентированные на глубокое погружение/медитацию, где посторонние могут помешать гармонии; тогда проводится выезд на несколько дней, например, на острова Вуоксы). На реконструированных святилищах группы язычников в два десятка человек, проводя обряды, могут устанавливать деревянные изваяния, выкладывать лабиринты из камней. Здесь могут проводиться фестивали славянской культуры с привлечением общественности. Одно из таких мест находится во Всеволожском районе.

У самих неоязычников существуют сайты местных территориальных общин, однако для Петербурга и Ленинградской области это не харак-

терно. В целом стоит отметить значительный потенциал Интернета для дальнейшего развития современных языческих ресурсов и своеобразной «виртуализации» некоторых неоязычников, совершающих очередной уход от естественной Природы в искусственную электронную сеть.

Для постороннего наблюдателя различить язычников националистов, язычников-экологов и просто реконструкторов или «ролевиков», играющих в хоббитов и эльфов и проводящих игры на местности, практически невозможно.

Таким образом, современное язычество может представлять как в виде экологических, так и в виде тяготеющих к радикализму объединений. Необходимо четко различать новые религиозные движения и группы, соблюдающие закон, и те признаки, по которым их деятельность может быть определена как противоправная и деструктивная. В последнее время значительным (до 25% респондентов, отвечавших на вопросы в Интернете) стало количество виртуальных или «сетевых» язычников, не посещающих коллективные обряды, или проводящих обряды индивидуально. Таким образом, для многих неоязычников виртуальная реальность становится более реальной, чем настоящая.

Список литературы

1. Алексей Второй сравнил терроризм с новым язычеством [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2004. 3 октября. URL: <https://ria.ru/20041003/697574.html> (дата обращения: 21.03.2019).
2. *Гайдуков А. В.* Интернет как источник информации и средство агитации современного язычества: на примере родноверов (неоязычников) Петербурга // Религиозная ситуация в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе России. СПб., 2010. С. 113–125.
3. *Гайдуков А. В.* Молодежная субкультура славянского неоязычества в Петербурге // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга: социологический и антропологический анализ / под ред. В. В. Костошева. СПб., 1999. С. 24–50.
4. Патриарх Кирилл обеспокоен распространением язычества среди спецназовцев [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2018. 6 июня. URL: <https://ria.ru/20180606/1522169513.html> (дата обращения: 21.03.2019).
5. Религиозные организации Ленинградской области: межконфессиональный диалог и социальная деятельность: справочник / О. А. Бокова, А. В. Гайдуков, В. А. Егоров и др.; под ред. А. В. Гайдукова. СПб.: Верста, 2014. 300 с.

Фундаментализм: проблема дефиниций, измерений и векторов

Golovushkin D. A.

Fundamentalism: the problem of definitions, dimensions and vectors

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическим проблемам изучения фундаментализма: проблеме дефиниций, измерений и векторов.

Annotation. The article is devoted of the theoretical and methodological issues to the study of fundamentalism: the problem of definitions, measurements and vectors.

Ключевые слова: религиозный фундаментализм, религиозный модернизм, идентификация альтернативных религиозных идеологий.

Key words: religious modernism, religious fundamentalism, identification of alternative religious ideologies.

Термин «фундаментализм» (от лат. *fundamentum* — основание) восходит к так называемым «Ниагарским конференциям» или «Встречам верующих для изучения Библии», которые получили широкое распространение в конце XIX века среди евангельских христиан Северной Америки. На одной из них в 1885 году группа протестантских пасторов выдвинула пять основных («фундаментальных») принципов: 1. Непогрешимость Священного Писания. 2. Божественное происхождение Христа и его непорочное зачатие. 3. Гибель Христа на кресте за грешников («искупление замещением»). 4. Физическое воскресение Христа. 5. Будущее возвращение Христа во плоти (второе пришествие Христа) [10, 117]. В 1910 году их одобрили Пресвитерианская генеральная ассамблея и целый ряд других консервативных религиозных организаций (т. н. «Фундаменталистская коалиция»), инициировав подготовку и издание 12-томного труда «Основы. Свидетельства Истины» («The Fundamentals»), в котором отражались основные положения и практический опыт протестантизма. После этого на Библейской конференции, прошедшей в 1919 году в Филадельфии, были определены основные противники фундаментализма, каковыми стали: 1) модернизм; 2) дарвинизм; 3) теологический либерализм; 4) библейский критицизм; 5) моральная деградация; 6) рационализм; 7) римский католицизм [13, 115]. И, наконец, после серии громких «обезьяньих процессов», самым известным из которых стал процесс по делу Дж. Скоупса в 1925 году, признанного виновным в нарушении закона штата Теннесси, запрещающего преподавать какую-либо теорию, отвергающую историю Боже-

ственного Сотворения человека, термин «фундаментализм» окончательно входит в теологический и философский дискурс. Однако с этого же момента был запущен механизм, провоцирующий расширение границ его использования и растяжения смыслов, а сами фундаменталисты приобрели репутацию интеллектуально отсталых людей, яростных сторонников архаики, сохраняющуюся и по сегодняшний день.

Вторая волна фундаментализма, сделавшая его влиятельнейшим игроком Модернити (от англ. *Modernity* — современность) приходится на конец 1970-х — 1980-е годы. Как отмечает современный российский исследователь фундаментализма И. В. Кудряшова, «процесс инициировали четыре знаменательных события: народная революция в Иране, морально-политическая поддержка католической церковью польской “Солидарности”, участие сторонников “теологии освобождения” в сандинистской революции и возвращение протестантского фундаментализма в публичную политику при Рейгане» [4, 92]. К этому перечню остается еще добавить (как в качестве следствия, так и в качестве причины) нарастающий в 1980-е годы в западной социологии религии кризис «европоцентризма» и неоклассической модели секуляризации, сопровождающийся вытеснением концепта «модернизация — секуляризация» и его заменой на концепты «модернизация — десекуляризация», «модернизация — постсекуляризация».

В результате сегодня термином фундаментализм обозначают и объясняют не только разнообразные протестантские движения и группы, но используют его для описания французских старокатоликов, иранских революционеров, ультраортодоксальных евреев, воинственных сикхов, буддийских бойцов сопротивления и др. [12]. В поле фундаментализма оказались также вовлечены различные явления общественной, экономической, политической и культурной жизни («гендерный фундаментализм», «экономический фундаментализм», «экологический фундаментализм», «либеральный фундаментализм» и др.). Сегодня фундаментализм многолик и вездесущ, что неизбежно превращает его в публицистический штамп, инструмент политической и геополитической борьбы. За всем этим теряется предмет исследования и неизбежно возникает вопрос, что сегодня можно подразумевать под фундаментализмом, а что таковым не является?

Решение столь непростой задачи требует определения критериев или, по крайней мере, родового признака на основании, которого те или иные учения, доктрины и организации можно называть фундаменталистскими. *Таковым является изначальный религиозный смысл этого феномена, что соответственно ограничивает содержание понятия фундаментализм религиозной, сопряженной с религиозной сферой.*

Известный протестантский библеист и филолог Джеймс Барр, написавший одну из первых и наиболее полных работ по протестантскому фундаментализму, выделил несколько основных черт, характеризующих этот феномен, а именно: а) очень сильный акцент на непогрешимости Библии, на отсутствии в ней каких бы то ни было неточностей; б) сильная враждебность по отношению к современной теологии, к методам и результатам логических рассуждений современной критической библеистики; в) твердая убежденность, что те, кто не разделяют их религиозные воззрения, не являются «истинными христианами» [8, 1]. В результате эта конкретизация позволила ему поставить знак равенства между «протестантским фундаментализмом» и «фундаментализмом» вообще, ограничивая сферу применения термина теми специфическими рамками, в которых он первоначально появился.

Авторы сборника «Фундаментализм», вышедшего в России в 2003 году, под редакцией З. И. Левина, признают, что термин «фундаментализм» ввели в оборот те протестанты, для которых неприемлемы модернистские веяния в протестантизме, и которые настаивают на необходимости буквального понимания Священного Писания. Однако в своем исследовании этого феномена они не ограничились лишь протестантизмом, обратились также к опыту ислама, православия и иудаизма. Это позволило им рассмотреть фундаментализм в более широком смысле, в качестве идеологии религиозных и религиозно-политических движений и течений, которые активно выступают за возвращение к истокам веры или богословской основе вероучения: «Одни фундаменталисты борются за возврат к истокам веры — священным текстам, другие — за возврат к богословским основоположениям веры, вероучению как ортодоксии (*ortha doxa* — чистая вера), а не к истокам» [5].

Другая группа исследователей определяет фундаментализм не столько из его религиозной природы и религиозного содержания, сколько из социокультурного контекста — модернизации и секуляризации. В частности, руководители крупнейшего проекта по изучению религиозного фундаментализма, осуществленного в 1990-е годы (вылившегося в пятитомное издание «Фундаменталистский проект»), М. Марти и С. Эпплеби, пришли к выводу, что фундаментализм является не просто реставрацией традиционной религиозности (хотя, по мнению исследователей, фундаментализм и традиционализм имеют пересечения), а скорее религиозным ответом на секуляризацию и модернизацию. Это воинственный отказ от светской современности, массовая оппозиция научному мировоззрению, которая «хочет заменить существующие структуры всесторонней системой, исходящей из религиозных

принципов и охватывающей закон, государство, общество, экономику, культуру» [11, 824].

На социокультурные корни этого феномена обращает также внимание немецко-американский профессор социологии и политологии М. Риезброт, утверждая, что фундаментализм есть социальное явление, вырастающее из сложностей стремительных социальных перемен, сопровождающееся глубинными ощущениями кризиса и пытающееся преодолеть этот кризис посредством восстановления религиозного чувства и поисками аутентичности [15].

Голландский исследователь П. ван дер Веер считает, что не последнюю роль в провоцировании фундаментализма играет светское государство, которое «есть по определению прогрессивное государство, коль скоро оно несет за собой все признаки светской современности». В статье «Политическая религия в XXI веке» он приходит к выводу: «В некотором смысле так называемые фундаменталистские движения можно квалифицировать как реакцию на светское вмешательство (интервенционизм) в общественную и частную сферы жизни» [1].

В целом если попытаться обобщить существующие в научной литературе концепции и интерпретации фундаментализма, то его можно определить как:

1) в узком смысле, в качестве течения в протестантизме, возникшего в первой четверти XX века в США, сторонники которого настаивали на буквальном понимании библейского учения, провозглашали непогрешимость Библии, требовали укрепления веры и моральных ценностей. Свое название это движение получило от сборника из двенадцати томов «Основы. Свидетельства истинности», изданного между 1910 и 1915 годами группой протестантских мирян;

2) в богословском ключе фундаментализм можно рассматривать как идеологическое направление, присущее любой религии, основанное на принципе возвращения к основам веры — священным текстам или богословской основе вероучения;

3) в идеологическом значении фундаментализм — это установка, на какую бы то ни было религиозную концепцию, идею, ценность, которая берется под полномасштабную защиту, с целью восстановления/формирования религиозно-цивилизационного единства, аутентичности, идентичности, «культурного милье» (термин М. Риезброта).

Движение к основам может выражаться в простой фундаменталистской регрессии, исключающей какие-либо реинтерпретации первоначального религиозного опыта. Формы веры, религиозные практики, религиозные институты, модели взаимоотношений религии, церкви, государства и общества, по мнению странников подобного пути, должны

быть восстановлены в той чистоте и полноте как это было в самом начале или в так называемый золотой век. В данном случае речь идет об *охранительном фундаментализме*, который является решительным противником изменений как в сфере религии, так и социальной модернизации. Он может выражаться в религиозном и социальном изоляционизме, так и приобретать воинствующие радикальные формы, требуя ликвидации свободы вероисповедания и установления контроля над всеми сферами жизни общества.

С другой стороны, фундаментализм может стремиться к творческому раскрытию основ религиозной традиции. Фундаменталистские идеи могут быть направлены на восстановление соответствия между устаревшей богословской формой отражения бытия и новым состоянием общественного сознания. Через возврат к «корням» такой фундаментализм — *модернизационный фундаментализм*, может пытаться религиозно обосновать современность, и даже стать «локомотивом» для прорыва в новое социокультурное пространство. Так, согласно заключению М. Риезбротта, фундаментализм не всегда выражается в одной идеологической позиции — противостоянии социальной модернизации, но и в «процессе динамичного формирования новых групп в контексте социальной реконструкции, инициированной процессами индустриализации, урбанизации, бюрократизации и секуляризации» [14, 17].

Профессор П. С. Гуревич также считает, что двойственность — это основная черта религиозного фундаментализма. «С одной стороны, он позволяет апеллировать к традиции, опираясь на которую можно критически анализировать и осмысливать прогрессистские установки. С другой стороны, он предлагает не столько разматывание назад исторических витков, сколько достижение нового социального идеала. Именно здесь проступает идеологичность фундаментализма. Если традиционализм настаивает на верности традиции, то фундаментализм аранжирует эту традицию в духе новых социальных ориентиров» [3, 156].

В свою очередь, это приводит к осознанию фундаменталистами важности социально-политической деятельности. Профессор Университета штата Миннесота В. Биман совершенно справедливо указывает на то, что фундаменталистское движение для того и возникло, «чтобы воплотить принципы абсолютной религиозной ортодоксальности и евангелистской практики, которые стали бы для верующих призывом к расширенному действию вне религии, в политической и общественной жизни. Эти четыре качества: стремление к возрождению; ортодоксальность; евангелизм; и общественные действия; являются основанием для обсуждения фундаментализма» [9, 129].

Укрепляет эту убежденность вера в возможность реализации небесного в земном, идея соединения посюсторонних и потусторонних концепций спасения. Неслучайно одной из главных целей Реформации было стремление воплотить всю полноту религиозного содержания и опыта в целостности социума и культуры. Идеолог народной немецкой Реформации Т. Мюнцер видел ее смысл в установлении новой законности как общеобязательного порядка всех реальных отношений, как начало построения «Царства Божия» на земле [6, 285].

В этом плане есть все основания согласиться с выводами И. В. Кудряшовой, что мир предстает для фундаменталистов «важнейшим полем реализации трансцендентных представлений. Отсутствие резкой границы между двумя “града́ми” обуславливает возможность для взаимного проникновения духовного и мирского и лишает секуляризацию непосредственной антирелигиозной направленности, создавая условия для масштабного “легального” фундаментализма. Противопоставление же “градо́в” (католицизм, православие) переводит трансцендентное видение в проекты революционного политического переустройства» [4, 100].

Таким образом, фундаментализм является сложным, многоуровневым и многоаспектным образованием. Фундаментализм может иметь два измерения — сугубо религиозное и религиозно-социальное/религиозно-политическое, охранительный или модернизационный вектор направленности.

Список литературы

1. *Веер ван дер П.* Политическая религия в XXI веке [Электронный ресурс] // Ислам в современном мире. 2010. № 3–4 (19–20). URL: <http://idmedina.ru/books/islamic/?2132> (дата обращения: 05.03.2019).
2. *Головушкин Д. А.* Религиозный фундаментализм/религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 1. С. 87–97.
3. *Гуревич П.* Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 154–162.
4. *Кудряшова И. В.* Фундаментализм и «фундаментализмы» // Политическая наука. 2013. № 4. С. 92–105.
5. *Левин З. И.* Предисловие // Фундаментализм. М., 2006. С. 4–5.
6. *Смирин М. М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и великая крестьянская война. 2-е изд., испр. и доп. М., 1955.
7. Фундаментализм. М.: Издательство «Крафт+», 2003. 264 с.
8. *Barr J.* Fundamentalism. Philadelphia: Westminster Press, 1977. 379 p.

9. *Beeman W. O.* Fighting the Good Fight: Fundamentalism and Religious Revival // Exotic No More: Anthropology on the Front Lines / edited by J. Macclancy. Chicago, 2002.
10. *Marsden G. M.* Fundamentalism and American Culture. Oxford, 2006.
11. *Marty M. E., Appleby S. R.* Conclusion: An Interim Report on Hypothetical Family // The Fundamentalism Project. Vol. 1. Fundamentalisms Observed / edited by Martin E. Marty and R. Scott Appleby. Chicago, 1991.
12. *Obeyesekere G.* Buddhism, Nationhood, and Cultural Identity: A Question of Fundamentals // The Fundamentalism Project. Vol. 5 Fundamentalisms Comprehended / edited by Martin E. Marty and Scott R. Appleby. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 231–255.
13. *Peterson K. W.* World's Christian Fundamentals Association // Encyclopedia of Fundamentalism / edited by B. E. Brasher. New York; London, 2001.
14. *Riesebrodt M.* Die fundamentalistische Erneuerung der Religionen // Fundamentalismus. Politisierte Religionen / hrsg. von Kilian Kindelberger. Potsdam: Brandenburgische Landeszentrale für politische Bildung. 2004. P. 10–27.
15. *Riesebrodt M.* Die fundamentalistische Erneuerung der Religionen // Fundamentalismus. Politisierte Religionen / hrsg. von Kilian Kindelberger. Potsdam, 2004.
16. *Riesebrodt M.* Pious Passion: The Emergence of Modern Fundamentalism in the United States and Iran. Berkeley, 1994.
17. Studies in Religious Fundamentalism / edited by L. Caplan. Albany: State University of New York Press, 1987.

Горюнов А. П.

Государственная религиоведческая экспертиза при регистрации религиозной организации езидов на примере Ярославской области

Goryunov A. P.

State religious expertise during registration of a Yezidi religious organization on the example of the Yaroslavl region

Аннотация. Анализ опыта проведения государственной религиоведческой экспертизы при государственной регистрации религиозных организаций езидов. На примере Ярославской области.

Annotation. Analysis of the experience of the state religious expertise during the state registration of religious organizations of the Yezidis. On the example of the Yaroslavl region.

Ключевые слова: государственная религиоведческая экспертиза, езиды, езидизм.

Key words: state religious expertise, Yezidis, Yezidism.

Правовая основа проведения в Российской Федерации государственной религиоведческой экспертизы при регистрации религиозной организации закреплена пунктом 8 статьи 11 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы определен приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 18.02.2009 № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе».

На высокую социальную значимость государственной религиоведческой экспертизы указывают решаемые на стадии регистрации религиозной организации задачи, определенные подпунктами «А» и «Б», пункта 4 Порядка проведения государственной религиоведческой экспертизы:

- определение религиозного характера организации на основании учредительных документов, сведений об основах ее вероучения и соответствующей ему практики;
- проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией документах, относительно основ ее вероучения.

Решение указанных задач, с одной стороны, позволяет обеспечить защиту прав граждан на свободу вероисповедания, с другой стороны, гарантирует, что осуществление прав одних граждан на свободу вероисповедания не нарушит прав и свобод других лиц.

Государственная религиоведческая экспертиза при регистрации религиозной организации езидов на территории Ярославской области проводилась дважды: экспертным советом по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации в 2009 году и в 2018 году экспертным советом по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Ярославской области, в состав которой входит автор.

Если в 2009 году органами юстиции, с учетом результатов государственной религиоведческой экспертизы, было принято решение о регистрации религиозной организации езидов¹, то в 2018 году, с учетом результатов государственной религиоведческой экспертизы, Управлением Минюста России по Ярославской области принято решение

¹ Деятельность юридического лица прекращена в связи с исключением из единого государственного реестра юридических лиц на основании пункта 2 статьи 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

об отказе в регистрации Местной религиозной организации «Езидство» (Езидизм).

Анализ опубликованного на сайте Минюста России экспертного заключения от 21.07.2009 № 15-41-6, подготовленного при принятии решения о регистрации религиозной организации езидов в Ярославской области в 2009 году [2], и работа в составе экспертного совета при Управлении Минюста России по Ярославской области по проведению государственной религиозно-этической экспертизы свидетельствуют о наличии ряда факторов, повлиявших на выводы экспертных советов и, как следствие, оказавших влияние на решение регистрирующего органа о регистрации или об отказе в регистрации религиозной организации:

- формулировка вопросов, поставленных перед экспертным советом;
- полнота и достоверность сведений о религии, к которой причисляет себя регистрируемая религиозная организация, в предоставленных при регистрации документах;
- соответствие отраженных в Уставе регистрируемой религиозной организации сведений об исповедуемой религии, сведениям о религии, к которой причисляет себя регистрируемая религиозная организация.

В 2009 году экспертный совет посчитал, что два из шести поставленных регистрирующим органом вопроса: «Является ли Езидизм вероучением?» (вопрос № 1) и «Можно ли осуществлять обучение религии и воспитание последователей при отсутствии сформулированного и зафиксированного в печатных источниках вероучения?» (вопрос № 4) не корректны, о чем прямо указано в экспертном заключении.

Говоря о некорректности вопроса № 1, экспертный совет отметил, что «вероучение — это лишь составная часть религии». Причиной некорректной формулировки вопроса № 4, по мнению экспертного совета, явилось наличие «ложной предпосылки об отсутствии у езидов религиозной литературы как таковой, и, соответственно, ложного умозаключения, что религиозное учение до сих пор продолжает передаваться верующим только в устной форме».

Несмотря на то, что в экспертном заключении 2009 года не указывается прямо на некорректность вопросов № 3 «Может ли глава местной религиозной организации вероисповедания — езидизм “Езидство” единолично определять и решать вопросы, связанные с единообразием совершения богослужения, вероучением, религиозными обрядами и церемониями, без разрешения (благословения) Духовного главы всех езидов Мира Тахсин-бека?» и № 5 «Может ли глава местной религиоз-

ной организации вероисповедания — езидизм “Езидство” единолично издавать документы, регламентирующие религиозные обряды, церемонии, богослужение вероисповедания Езидизм? Требуется ли на это разрешение (благословение) Духовного главы всех езидов — Миря Тахсин-бека?», их идентичность явилась основанием объединения ответов на данные два вопроса в один ответ.

Вопрос № 6 «Как соотносится предусмотренная Федеральным законом “О свободе совести и о религиозных объединениях” цель деятельности религиозного объединения “распространение веры” с особенностями учения Езидизм», поставленный перед экспертным советом в 2009 году, также возможно считать не корректным, так как «не разъяснено, какие именно «особенности учения» имеются в виду».

Таким образом, в 2009 году из шести вопросов, поставленных перед экспертным советом, в отношении пяти вопросов прямо или опосредованно членами экспертного совета сделан вывод об их некорректности.

В 2018 году регистрирующий орган, представив для экспертизы копии:

- Устава Местной религиозной организации «Езидство» (Езидизм), принятый собранием учредителей 30.03.2018 г.;
- сведений об основах вероучения и соответствующей ему практике;
- книги с выходными данными: Пирбари Д. В., Щедровицкий Д. В. Тайна жемчужины. Езидская теософия и космогония // Тбилисский центр езидских исследований; Духовный совет езидов в Грузии; Худож. Т. С. Полева. Москва. Тбилиси: Таус; Красногорский полиграфический комбинат, 2016. 264 с.: ил.; Форм. 70×90/16; Тираж 500 экз.; ISBN 978-5-906045-15-7;

поставил перед экспертным советом два вопроса:

1. Является ли Местная религиозная организация «Езидство» (Езидизм) религиозной организацией?
2. Являются ли сведения относительно основ вероучения, содержащиеся в представленных Местной религиозной организацией «Езидство» (Езидизм) документах, достоверными?

В ходе имевшего место на заседаниях экспертного совета оживленного дискурса при обсуждении второго вопроса, все члены экспертного совета единодушно согласились с тем, что его формулировка некорректна, так как, по сути, является задачей, определенной подпунктом «Б» пункта 4 Порядка проведения государственной религиоведческой экспертизы, преобразованной в вопрос. То есть был нарушен принцип постановки перед экспертами вопросов, логически происходящих из решаемой задачи и направленных на рассмотрение одного объекта.

Следует отметить, что переданные в экспертный совет для проведения экспертизы сведения об основах вероучения и соответствующей ему практике фактически представляют собой краткий пересказ книги Д. В. Пирбари и Д. В. Щедровицкого «Тайна жемчужины. Езидская теософия и космогония», которая также была представлена с документами для проведения экспертизы. В свою очередь, как следует из аннотации, книга «Тайна жемчужины. Езидская теософия и космогония» «предназначена как для специалистов в области религиоведения, индоевропеистики, истории Востока, так и для широкого круга читателей», то есть, прежде всего, для людей, не исповедующих езидизм.

Изучив предоставленные управлением Минюста России по Ярославской области документы, в связи с недостаточностью содержащихся в них информации в части, касающейся основ вероучения, религиозной деятельности и истории езидов, руководствуясь пунктами 4 и 14 Порядка проведения государственной религиоведческой экспертизы, экспертный совет посчитал необходимым расширить подлежащий изучению перечень материалов за счет иных научных источников (см. экспертное заключение от 29.12.2018 № 1/2018 [5], а также опросить председателя Местной религиозной организации «Езидство» (Езидизм).

В ходе работы экспертного совета установлено, что в представленных регистрируемой религиозной организацией езидов Уставе и сведениях об основах вероучения, отвергаются в качестве текстов «Священного Писания» появившиеся в XII–XIII веках вероучительные письменные источники езидизма» «Книга Откровения» («Китабе Джилва») и «Черная Книга» («Масхафе Реш»), в которых, соответственно, систематизированы непосредственно вероучение реформенного езидизма, а также изложены обряды и ритуалы в езидизме.

Так, в пункте 1.2 Устава регистрируемой религиозной организации закреплено положение, что:

- вероучение исповедуемого данной религиозной организацией езидизма «опирается на езидские священные тексты “кавлы”, изданные в виде сборников», и в «Сведениях об основах вероучения и соответствующей ему практике»;
- «единственными и неоспоримыми авторитетными источниками езидской религии являются кавлы», и «совокупность кавлов есть сокровищница Истины, заменяющая езидам Священное Писание».

В устных пояснениях председатель регистрируемой религиозной организации сообщил экспертному совету, что «Книга Откровения» («Китабе Джилва») и «Черная Книга» («Масхафе Реш») «священными у езидов не считаются», а основополагающими вероучительными тек-

стами являются только тексты кавлов (религиозных гимнов), то есть подтвердил положения Устава, утвержденного учредителями религиозной организации.

Исключение регистрируемой религиозной организацией из числа основополагающих вероучительных письменных источников езидизма «Книги Откровения» («Китабе Джилва») и «Черной Книги» («Масхафе Реш»), в том числе, послужило основанием для вывода, сделанного большинством членов экспертного совета, о неполноте и, как следствие, недостоверности сведений относительно основ вероучения, содержащиеся в представленных в регистрирующих органах документах.

Вывод о недостоверности сведений относительно основ вероучения также был основан на опыте работы экспертного совета при Минюсте России, установившего, что прошедшая в 2009 году процедуру регистрации религиозная организация езидов исповедует езидизм, вероучение которого закреплено в письменных источниках: «Книга Откровения» («Китабе Джилва»), «Черная Книга» («Масхафе Реш») и кавлы, а также в устном предании.

Вместе с тем вывод о недостоверности сведений относительно основ исповедуемого регистрируемой религиозной организацией вероучения езидизм был поддержан не всеми членами экспертного совета. Председатель экспертного совета, доктор философских наук, профессор В. В. Томашов, выражая категорическое несогласие с мнением большинства членов экспертного совета, так охарактеризовал суть возникших разногласий: «В результате состоявшейся на заседании Совета дискуссии, большинство членов Совета, поддержавших отрицательное решение, посчитали, что сведения об основах вероучения, представленные в Управление [Минюста России по Ярославской области. — *Прим. автора*] для рассмотрения, являются НЕПОЛНЫМИ, а потому — НЕДОСТОВЕРНЫМИ».

Подводя итог краткого анализа опыта государственной регистрации религиозных организаций езидов на территории Ярославской области в 2009 и 2018 годах, считаю возможным сделать вывод, что несмотря имевшее место некорректность поставленных вопросов и недостаточность информации содержащейся в представленных для экспертизы документах в части, касающейся вероучения, религиозной деятельности и истории езидов, экспертные советы при Минюсте России и при Управлении Минюста России по Ярославской области выполнили поставленные перед ним задачи.

Как показывает практика, постановка вопросов экспертному совету путем преобразования в вопрос задач, определенных подпунктами

«А» и «Б» пункта 4 Порядка проведения государственной религиозно-ведческой экспертизы, имеет место и в иных территориальных органах Минюста России, на что указывает, например, апелляционное определение Ленинградского областного суда от 15.11.2018 по делу № 33а-6653/2018.

Для устранения фактов некорректной постановки вопросов перед экспертным советом, по мнению автора, требуется соответствующее научно-методическое обеспечение порядка назначения и проведения государственной религиозно-ведческой экспертизы. Кроме того, необходимо урегулировать правовой статус государственной религиозно-ведческой экспертизы по аналогии с государственной судебно-экспертной деятельностью.

Список литературы

1. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 15.11.2018 по делу № 33а-6653/2018 [Электронный ресурс] // Сайт Управления Министерства юстиции по Ярославской области. URL: https://oblsud--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2589840&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=2446644 (дата обращения: 21.03.2019).
2. Заключение экспертного совета по проведению государственной религиозно-ведческой экспертизы в отношении Местной религиозной организации вероисповедания езидизм езидство. [Электронный ресурс] // Сайт Управления Министерства юстиции по Ярославской области. URL: <https://minjust.ru/press/news/zaklyuchenie-ekspertnogo-soveta-po-provedeniyu-gosudarstvennoy-religiovedcheskoj-17> (дата обращения: 21.03.2019).
3. Особое мнение председателя экспертного совета по религиозно-ведческой экспертизе при Управлении Министерства юстиции по Ярославской области Томашова В. В. по поводу решений экспертного совета от 6 и 29 декабря 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт Управления Министерства юстиции по Ярославской области. URL: <https://to76.minjust.ru/ru/node/392844> (дата обращения: 21.03.2019).
4. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18.02.2009 № 53 «О государственной религиозно-ведческой экспертизе».
5. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».
6. Экспертное заключение от 29.12.2018 № 1/2018 [Электронный ресурс] // Сайт Управления Министерства юстиции по Ярославской области. URL: <https://to76.minjust.ru/ru/node/392844> (дата обращения: 21.03.2019).

Религиоведческая экспертиза в Российской Федерации: проблема источников и методов (методологические основы религиоведческой экспертизы)

Kryukov D. O.

Religious Expertise in the Russian Federation: the Problem of Sources and Methods

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные подходы к определению понятия «религиоведческая экспертиза», научная и государственная религиоведческая экспертиза, методологические основы при работе с материалами при проведении религиоведческой экспертизы.*

***Annotation.** Religious expertise is quite a new kind of expert activity in Russian Federation today. Therefore, a lot of questions of definition religious expertise, a lot of problems about sources and methods of religious expertise. This article examines different definitions of religious expertise, methodological problems of religious expertise and expert activity.*

***Ключевые слова:** религиоведение, религиоведческая экспертиза, научная религиоведческая экспертиза, государственная религиоведческая экспертиза, источник, метод, методология.*

***Key words:** religious expertise, definition of religious expertise, source, method, methodology, methodology of religious expertise.*

Можно говорить о том, что в настоящее время сложились различные подходы к определению понятия «религиоведческая экспертиза».

Как отмечают некоторые исследователи, религиоведческая экспертиза может осуществляться как в государственной, так и в негосударственной форме [2, 105]. Можно утверждать, что государственная религиоведческая экспертиза определена и регламентирована законодательно. В качестве основных её приоритетов можно выделить такие направления, как:

- определение религиозного характера организации;
- проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией документах относительно основ её вероучения;
- проверка соответствия заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности её фактическим деяниям [1].

Можно утверждать, что основные этапы становления, оформления и развития института религиоведческой экспертизы в Российской Федерации связаны с формированием соответствующей нормативно-правовой базы, а именно: принятие постановления Правительства РФ

от 3 июня 1998 г. № 565 «О порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы», Указа Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации», приказа Федеральной регистрационной службы от 16 июля 2007 г. № 148 «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1315 “Вопросы Федеральной регистрационной службы”», а также постановления Правительства Российской Федерации от 3 июня 1998 г. № 565 «О порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы» [3, 14].

А. В. Воронцов и А. М. Прилуцкий предлагают выделять такие подходы, как научно-религиоведческий и экспертно-религиоведческий с точки зрения как понятийного, так и концептуального уровней. По их мнению, «религиовед-учёный имеет полное право мотивированно предлагать свои критерии религиозности, свои определения, нестандартные и нетрадиционные методы и исследовательские подходы, ставить под сомнение подходы коллег, критиковать авторитеты. В научном дискурсе это не только приветствуется, но и является необходимым условием исследовательской работы. Отвечая на вопрос о религиозном характере конкретной мировоззренческой традиции, исследователь может предложить сложную, оригинальную, отрефлексированную на философском уровне концепцию религии и исходить из её постулатов, так как религиоведение не является точной наукой» [3, 16].

Следует обратить внимание на тот факт, что профессиональная деятельность эксперта в сфере государственной религиоведческой экспертизы, в свою очередь, регламентирована законодательно.

Методология проведения религиоведческой экспертизы, в том числе методология подбора эксперта, определение и ранжирование требований к нему, методики проведения самой экспертизы в настоящее время продолжают носить дискуссионный характер.

По мнению И. В. Загребинной, «... не каждый человек, даже специалист высокой квалификации, способен к необходимым обобщениям, уточнениям, конкретизациям, правильному выстраиванию причинно-следственных связей. Одна из основных задач в этом смысле — организация мышления эксперта, а для этого необходимо учитывать специфику предмета, который экспертируется. Так, религиоведение, как и любая другая гуманитарная наука, имеет ряд особенностей, пониманием которых должен владеть эксперт-религиовед» [4, 41].

По мнению В. Н. Ярской, «эксперт — это хороший аналитик, подлинный учёный-исследователь, блестящий администратор, <...>, искусный и мудрый оценщик, знаток нужной сферы, спец в определяемом и научном пространстве, настоящий ас среди родственных профессионалов» [5, 8].

Список литературы

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. № 2718. 2001.
2. Бенин В. Л., Уразметов Т. З. Теория и практика деятельности эксперта-религиоведа // Образование и наука. 2015. № 6 (125).
3. Воронцов А. В., Прилуцкий А. М. Методологические проблемы религиозно-ведческой экспертизы // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).
4. Загребина И. В. Государственная религиозно-ведческая экспертиза: Теория и практика. М.: ИД Юриспруденция, 2012.
5. Ярская В. Н. Методология конструирующей экспертизы: Из опыта работы эксперта // Современное российское общество: Власть экспертизы: межвуз. научн. сб. / Саратов: Изд-во Саратовского мед. ун-та, 2003.

Мусина Д. Р.

Экспертное исследование текстов религиозного характера по делам об экстремизме в рамках судебной религиозно-ведческой экспертизы в Республике Казахстан

Musina D. R.

Expert study of texts of religious character in cases on extremism in the framework of forensics religious studies of the republic of Kazakhstan

Аннотация. В данной статье проводится анализ современного состояния судебной религиозно-ведческой экспертизы, проводимой в Центре судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан, особенности назначения экспертизы по материалам религиозного характера и выявление в них наличия либо отсутствия характерных признаков религиозного экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: судебная религиозно-ведческая экспертиза, эксперт, религиозоведение, тексты религиозного характера, радикализм, религиозный экстремизм.

Annotation. This article analyzes the current state of forensic religious studies conducted at the Forensic Center of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, the specifics of the purpose of the appointment of expertise based on religious materials and identifying the presence or absence of characteristic signs of religious extremism and terrorism.

Key words: forensic religious studies, expert, religious studies, texts of a religious nature, radicalism, religious extremism.

Стремительное развитие современного поликонфессионального и полинационального Казахстана в области индустриализации, экономики и политики поддерживается основами политико-правовой системы демократического, светского государства, в котором происходит взаимодействие светских основ государственности и религиозных, национальных устоев граждан, соблюдаются принципы толерантности и равенства религиозных объединений и национальных групп перед законом. Во внимание принимаются историческая обусловленность, духовная самоидентификация, уважение к истории и традициям народа проживающего на территории Казахстана, что является залогом процветания и развития государства.

В свою очередь духовное развитие в казахстанском социуме претерпевает свои модификации, что приводит к появлению кардинально новых духовных институтов и религиозных движений.

Рост религиозных объединений, движений, обуславливается изменением социально-экономических факторов, политических настроений, общего мироощущения человека, вследствие чего происходит переоценка ценностей индивидом, поиск «спасения» и поддержки среди единоверцев, отчуждения от социально-экономических проблем, нестабильности и других факторов быстро изменяющегося мира.

Неоднозначное состояние религиозной обстановки в мире приводит к радикализации общества, где происходит трансформация религиозного сознания, что в свою очередь приводит к распространению идей экстремистского толка.

В соответствии с возрастанием религиозной активности, наблюдается рост распространения религиозных материалов, содержащих пропаганду экстремизма и терроризма, информации агитационного характера, призывающих к вступлению в ряды религиозных организаций деструктивного толка, установлению теократического общества и разжиганию религиозной вражды и розни. Специфика материалов, содержащих такого рода сообщения, характеризуется наличием в них признаков, требующих углубленного изучения и выработки новых подходов исследования научно-практического плана.

Религиозные учения всех типов (ортодоксальные, политеистические и монотеистические, ориенталистские, культовые, деструктивные, экстремистские и т. п.) построены по принципу обладания особым, сакральным, исключительным познанием о божестве или сверхъестественных существ, явлений. В большинстве текстов религиозного характера, в том числе и в текстах экстремистского направления, содержится идея об «истинности» проповедуемых канонов религии, которая отличается от других тем, что она является единственно верной и правильной. Другие религии

или вера являются ложными, заблудшими или отступившими от «истинного пути», что декларируется авторами как грех, с которым необходимо бороться или возвращать тех, кто отошел от пути «истины».

Исключительность религиозного учения выражается в превосходстве и особом отличии одной группы верующих от других религиозных учений и их представителей, в текстах проповедей демонстрируется крайне негативная позиция к «другим», «иным» религиозным учениям, отсутствие толерантного отношения к представителям других религиозных учений, категоричность мнения о ложности других вероучений.

Проповедование религиозной вражды в материалах религиозного характера также может сопровождаться пропагандой превосходства и исключительности. В текстах материалов экстремистской направленности авторами используется прием разделения верующих на «свои» и «враги». Такое разграничение является одним из ключевых признаков выявления вражды. Для закрепления в человеке конкретной цели в текстах пропагандистской информации экстремистского и террористического толка используется техника фокусировки внимания верующего «против кого воюем» и обозначение конкретного врага, для этого применяются различные психологические манипуляции «якорения», «заострение внимания», «отвлечение», искажение религиозных догматов и «зауалирование» своих истинных целей. Это значительно облегчает задачу, поскольку «новобранец» только недавно усвоил законы «новой религии», которую открыли для него его собратья, назвав ее «истинной верой», теперь от «вновь прибывшего» требуется доказать свою веру на деле. Здесь вступает закладывание стереотипов, которые облегчают ему ведение насильственных действий и прежде всего, якобы, снимают с него ответственность и вину за совершаемые действия, что приводит к формированию негативного образа какой-либо религии.

Также в создании «образа врага» религиозно экстремистскими группировками используются метод «забрасывания грязью», который заключается в подборе таких эпитетов и такой терминологии, которые дают предмету разговора четкую этическую оценку. Метод «забрасывания грязью» особенно эффективен с использованием приемов семантического манипулирования, где для передачи сообщения тщательно отбираются слова, вызывающие либо позитивные, либо негативные ассоциации и, таким образом, влияющие на восприятие информации.

В речи проповедников практически всегда используется воздействие на аудиальную (слуховую) репрезентативную систему: речь диктора отличается богатством интонаций, наличием пауз для выделения отдельных фраз, высоким темпом речи, приятным тембром, что приводит к более продуктивному восприятию произносимой информации. В видеороликах,

распространяемых религиозно-экстремистскими организациями, используется сочетание воздействия на аудиальную (слуховую) и визуальную (зрительную) репрезентативные системы: использование достаточного освещения, крупных планов, прямых ракурсов, смены кадров в зависимости от произносимой информации, тем самым, слова подтверждаются картинками, где выделяются ключевые фразы и идея, использование крупного шрифта при написании того, что хотят выделить и мелкого при написании остальной информации.

Содержание материалов религиозного характера, поступающих на проведение экспертизы, разительно отличается от предыдущих лет по идеологическому составу и наличию в них оборотов речи, призывов, демонстрационных материалов. Эти существенные различия ощутимы в совершаемых действиях, к которым призывают религиозные активисты с интернет-ресурсов, агитационных материалов и видеоматериалов. В содержании религиозных материалов имеются устойчивые призывы к действиям, которые противоречат Международно-правовой защите прав и основных свобод человека, международным конвенциям и декларациям, принятым мировым сообществом для защиты человека и гражданина от проявления агрессии, ущемлении его прав и свобод по национальному, религиозному, расовому, социальному признакам.

Ранее материалы религиозного характера исследовались в рамках судебной психолого-филологической экспертизы, которые требовали применения специальных научных знаний в области религиоведения и исламоведения, поскольку, в содержании данных текстов имеется религиозная терминология, выражающая основные цели и задачи религиозных направлений, что является затруднительным для исследования экспертов филологов и психологов. Определение религиозного течения, характер объектов, теологической терминологии и символики, их значение, различия одной религиозной группы и другой не входит в компетенцию экспертов филолога и психолога в силу специфики специальных научных знаний, в результате чего исследование не раскрывает полноты содержания передаваемой информации, решение некоторых экспертных задач не выполняются в полном объеме. В связи с чем, в соответствии с приказом Министра юстиции в 2015 году принято решение о выведении судебной религиоведческой экспертизы из состава судебной психолого-филологической экспертизы в самостоятельный вид судебной экспертизы.

Проведение судебной религиоведческой экспертизы в Центре судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан предполагает систематизированное исследование различного рода текстовых материалов религиозного характера, изучение смыслового содержания

и определения его к конкретной религиозной системе. Исследуется специфика религиозной терминологической базы передаваемой информации, их смысловое значение и употребление в контексте материала. При исследовании текстов материалов экстремистского толка проводится дифференциация наличия, либо отсутствия признаков религиозной вражды, розни, религиозных радикальных взглядов и пропаганды религиозно-радикальных действий. Кроме того, исследованию подлежат материалы, в содержании которых имеются признаки политизации религии: выступления, переговоры, обращения представителей экстремистских и террористических религиозных группировок, пропагандирующие жесткую теократию, устранение «вражеских» религиозных групп, уничтожение оппозиционно настроенных представителей других религиозных групп и т. п.

Для полного и всестороннего исследования материалов, эксперт прибегает к научно-теоретическому и практическому использованию инструментария в экспертном заключении, которые должны быть построены, в обязательном порядке, на законности, объективности, всесторонности, беспристрастности, компетентности и специальных научных знаниях в области религиоведения, исламоведения.

Судебная религиоведческая экспертиза предполагает рассмотрение пропаганды с позиции проповедования идей по религиозным мотивам, где исследуются признаки, характерные для идеологии определенного религиозного учения или группы, в том числе относящиеся к религиозным организациям, деятельность которых запрещена на территории Республики Казахстан. Выявление в информационных текстах признаков религиозной розни, которые представляют совокупность таких компонентов, как: пропаганда враждебных действий одной религиозной группы против другой; призыв к насильственным действиям по религиозным мотивам; превосходство и исключительность по религиозному признаку и т. п.

Что касается диспозиции статьи 179 Уголовного Кодекса Республики Казахстан о насильственном изменении конституционного строя Республики Казахстан, то судебно-экспертное религиоведческое исследование рассматривает ее с позиции угрозы насильственного нарушения светского, демократического строя религиозными организациями экстремистского толка, которые пропагандируют создание теократической системы правления (например, Исламское государство).

Необходимо отметить, что развитие данного вида экспертизы, деятельность которой сегодня охватывает широкий круг методологического и практического характера, является актуальной в решении вопроса о религиозном экстремизме и терроризме, имеет предупредительный

характер в разрезе предотвращения проявления радикальных идей (экстремизма) среди граждан Республики Казахстан.

Для полного исследования материалов эксперт должен обладать научно-теоретической и практической базой, владеть научно-понятийным аппаратом при вынесении заключения по материалам религиозного характера, которые должны быть построены, в обязательном порядке, на законности, объективности, всесторонности, беспристрастности, компетентности и научных знаниях в области религиоведения, истории религии, исламоведения.

Основной задачей в борьбе с религиозным экстремизмом на территории Республики Казахстан, на наш взгляд, является взаимное сотрудничество экспертов и специалистов, научных деятелей, компетентных органов, занимающиеся вопросами религии, обмен достоверной информацией о деятельности той или иной религиозной организации, которая требует дополнительного изучения, вследствие ее новообразования и деструктивности.

Список литературы

1. Уголовный Кодекс Республики Казахстан с изм. и доп. от 07.11.2014 года [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 21.03.2019).
2. Методика по производству судебной религиоведческой экспертизы / сост.: Н. А. Муканова, Д. Р. Мусина, А. К. Избаиров, Ж. Е. Нурбаев. Астана: ГУ ЦСЭ МЮ РК / КазГЮУ, 2015. 116 с.
3. Методика по судебнo-экспертнoму политологo-религиoведческoму исследoванию материалoв, содержащих признаки религиoзнoгo радикализмa / сост.: Н. А. Муканова, Д. Р. Мусина, Ш. Б. Маликова. Астана: ГУ ЦСЭ МЮ РК / КазНУ им. аль-Фараби, 2016. 108 с.
4. Мусина Д. Р. Деструктивные религиозные движения как угроза духовной безопасности в светском государстве // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сб. матер. III межд. науч.-практ. конф. Махачкала: АЛЕФ, 2016. С. 296–305.
5. Косиченко А. Г., Ашимбаев М. С. Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 213 с.
6. Мусина Д. Р. Особенности назначения и проведения судебной религиоведческой экспертизы // Заггер: Вестник права Республики Казахстан. Алматы, 2015. № 9 (170). С. 55–60.
7. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 1999. 272 с.
8. Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики / под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 229 с.

9. Абдрасилкызы А., Муканова Н. А., Мусина Д. Р., Тышкан К. Религиозно-политический экстремизм как угроза современному обществу: научно-аналитическое исследование. Астана: Научно-исследовательский и аналитический центр по вопросам религии НИИАЦ, 2018. 104 с.

Сироткин П. Ф.

Государственная религиоведческая экспертиза в Пермском крае

Sirotkin P. F.

State religious expertise in the Perm region

Аннотация. Периодически на страницах различных интернет-изданий можно наблюдать дискуссии о формах и методах проведения религиоведческой экспертизы, которая стала достаточно актуальной с активной фазой участия государства в процессе регулирования государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений в Российской Федерации. Запрет в последние несколько лет деятельности ряда религиозных организации дает основание говорить о высокой востребованности в настоящий момент религиоведческой экспертизы.

Ключевые слова: религиоведение, религиоведческая экспертиза, государственно-конфессиональные отношения, экспертное заключение.

Annotation. From time to time on the pages of various online publications you can see discussions about the forms and methods of religious expertise, which has become quite relevant with the active phase of state participation in the regulation of state-confessional and inter-confessional relations in the Russian Federation. The ban in the last few years of the activities of a number of religious organizations gives reason to speak about the high demand for religious expertise at the moment.

Key words: religious studies, religious expertise, state-confessional relations, expert opinion.

Государством созданы все необходимые условия для начала функционирования института религиоведческой экспертизы. Есть учебные заведения, в которых готовятся специалисты религиоведы, есть религиоведческое сообщество академических ученых, принята законодательная основа религиоведческой экспертизы — соответствующие ведомственные нормативные акты, созданы Экспертный совет при Министерстве юстиции Российской Федерации и Экспертные советы при Управлениях Министерства юстиции РФ в субъектах Российской Федерации. Однако неоднозначность восприятия обществом ряда судебных решений, вынесенных по итогам проведения религиоведческих экспертиз, а также периодически критикуемое в прессе качество

подготовки привлекаемых к религиозоведческой экспертизе специалистов-экспертов дает возможность провести дополнительный анализ деятельности данного института, а также решений выносимых по результатам религиозоведческих экспертиз.

Теоретический подход к проведению религиозоведческой экспертизы должен содержать анализ четырех важных элементов, а точнее их наличия: религиозного сознания; религиозной деятельности; религиозных отношений и структуры религиозной организации. Религиозное сознание членов общины, главной чертой которого является вера в реальное существование сверхъестественного, при котором человек полностью уверен в наличии потустороннего, имеющего на него прямое влияние, и может делиться на два подуровня: религиозного сознания конкретного верующего и концептуально-теологический, определяющий глобальное бытие и мироустройство. Религиозная деятельность может быть нами структурирована на внешнюю и на внутреннюю. К внутренней деятельности относятся религиозные празднования, богослужebные ритуалы, церемонии, обряды, таинства, посвящения. К внешней деятельности можно отнести публичные действия верующих, такие как миссионерство, церковную благотворительность, распространение религиозных знаний через обучение и литературу, направленную на внешние объекты. Религиозные отношения — это отношения между верующими людьми, как индивидуально, так и между социальными группами, складывающимися в процессе как внешней, так и внутренней религиозной деятельности. Говоря о религиозной организации можно отметить наличие сложной, централизованной и иерархизированной системы разделения верующих на лиц, обладающих некими священными знаниями и не обладающих таковыми. А также на наличие их взаимодействия, в процессе которого и осуществляется религиозная деятельность. Итогом данной деятельности можно считать появление контроля одним слоем людей (слоем лиц, обладающих священными знаниями) над другим, не обладающими таковыми.

При написании статьи для анализа были взяты экспертные заключения, проведенные в 2017–2018 годах Экспертным советом по проведению государственной религиозоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю и касающиеся получения организацией-заявителем статуса религиозной организации [1], а также экспертные заключения иных Экспертных советов других регионов Российской Федерации, в частности Республики Адыгея, находящиеся в открытом доступе — размещенные на сайтах региональных управлений Министерства юстиции РФ, дающие

частичное представление о методике проведения государственной религиоведческой экспертизы в Пермском крае и иных регионах Российской Федерации, дополнительно было проведено 2 интервью с членами Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю.

Работа Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю организована в соответствии с Положением об Экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю, утвержденным приказом Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю от 24 августа 2009 года № 79. Данный приказ выпущен в развитие приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» и фактически является точной копией федерального документа. Интервьюируемые члены Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю отметили, что в целом нормативной документации достаточно, чтобы проводить экспертизу, однако сама процедура рассмотрения запроса Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю в Экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю не в полной мере соответствует требованиям вышеуказанных федерального и регионально приказов.

Доступные экспертные заключения Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю не в полной мере соответствуют законодательству. Так, в п. 13 приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 г. Москва «О государственной религиоведческой экспертизе» перечисляются необходимые требования, отражаемые в экспертном заключении: а) время и место проведения экспертизы; б) основания для ее проведения; в) фамилия, имя, отчество представителя религиозной организации, присутствовавшего на заседании Совета (Совета при Управлении); г) вопросы, поставленные перед экспертами; д) информация об объектах и документах, представленных для экспертизы; е) содержание и результаты исследований; ж) оценка результатов исследования, мотивы

и доводы, положенные в основу решения, выводы по поставленным вопросам и их обоснование; 3) наименования документов, прилагаемых к экспертному заключению. Только в одном экспертном заключении, от 06.11.2008 № 3 указано время 18.00. В экспертном заключении от 01.03.2018 № 1 указание на время отсутствует, а в заключении, размещенном 25.01.2017, вообще нет указания ни на время, ни на дату составления экспертного заключения. Ни в одном из проанализированных экспертных заключений нет фамилии, имени, отчества представителя религиозной организации, присутствовавшего на заседании Экспертного совета.

Анализируя доступные экспертные заключения, возникает серьезный вопрос не только к методике проведения религиозно-экспертной экспертизы, но и к профессиональной подготовке привлекаемых специалистов-экспертов, представляющих научное религиозно-экспертное сообщество. При этом список членов Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю является непубличным и в открытом доступе отсутствует. Проводя аналогии с федеральным уровнем, мы можем отметить, что по итогам проведенного поиска на федеральных интернет-ресурсах список членов Экспертного совета по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации не обнаружен. Однако православный интернет-ресурс: Центр религиозно-экспертных исследований во имя священномученика Ирины Лионского дает на своих страницах полный список членов данного совета на 2009 год, что предоставляет возможность проанализировать состав членов совета [2]. В составе совета мы можем увидеть чиновников, ученых и священнослужителей традиционных конфессий. Из 24 членов совета 6 членов работают в конфессиональных или конфессионально-ориентированных организациях, 14 членов имеют ученую степень кандидата или доктора наук, 4 являются государственными служащими или работниками органов государственной власти.

Авторитетность эксперта во многом является условием проведения объективного научного исследования требуемой религиозной организации. Можно согласиться с мнением Федерации судебных экспертов, которые предполагают, что при определении правового статуса эксперта религиозно-экспертной экспертизы необходимо обязательное законодательное оформление этого статуса. При этом сами предложения конечно, носят дискуссионный характер и нуждаются в дополнительном обсуждении перед принятием.

По мнению Федерации судебных экспертов, необходимым законодательно закрепить следующий детальный перечень требований к экспертам:

- в качестве эксперта по проведению религиоведческой экспертизы должен выступать специалист, имеющий высшее светское образование по научному религиоведению и ученую степень, стаж работы по специальности не менее 5 лет, обладающий научными и (или) практическими познаниями по рассматриваемому вопросу по соответствующим направлениям науки;
- в качестве эксперта не имеет право выступать священнослужитель, представитель какой-либо конфессии, гражданин, состоящий в трудовых или иных договорных отношениях с какой-либо религиозной организацией [3].

Следует заметить, что первое требование носит избыточный характер и резко сужает круг специалистов, имеющих опыт и соответствующие знания по профилю возможных экспертиз. Современный ученый может специализироваться совсем не в той отрасли, в которой он изначально получил образование. В качестве подобного примера можно привести председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Пермскому краю Матвея Григорьевича Писманика, который, будучи юристом по образованию, защитил диссертацию на тему «Преодоление индивидуальной религиозности в развитом социалистическом обществе» и является в настоящий момент одним из авторитетнейших в Пермском крае религиоведов [4]. Скорее всего эксперта необходимо определять не наличием диплома или стажа работы по специальности, а через верификацию профильной деятельности возможного эксперта самим научным сообществом. Как нам кажется, главный критерием отбора в члены экспертного сообщества следует считать не образование и профиль работы у кандидата в члены Экспертного совета или кандидата в эксперты, а наличие у него публикаций в научных реферируемых журналах по религиоведческой тематике не менее 5 за последние 5 лет. Наличие научных публикаций в специализированных реферируемых печатных или электронных изданиях дает возможность оценить действительную специализацию кандидата в эксперты и его воспринимаемость профильным научным сообществом.

Что же касается второго предложения, то его скорее всего имеет смысл поддержать, так как конституционный принцип светскости государства не может давать возможность одной религиозной группе выступать в качестве эксперта по другим религиозным группам. Хотя, вышеприведенный анализ членов Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации 2009 года показывает наличие в Экспертном совете членов — сотрудников конфессиональных структур.

В качестве предложений для дальнейшего рассмотрения имеет смысл предложить несколько не связанных между собой новаций в организации деятельности сообщества экспертов в сфере межконфессиональных отношений, в частности создать и постоянно обновлять Федеральный список экспертов для проведения религиоведческой экспертизы и включения в составы Экспертных советов при региональных управлениях Минюста, проводить обязательное обучение и государственную аттестацию всех включенных в составы Экспертного совета религиоведов на право заниматься экспертной деятельностью, главным критерием отбора в члены экспертного сообщества следует считать не образование и профиль работы у кандидата в члены Экспертного совета или кандидата в эксперты, а наличие у него публикаций в научных реферируемых журналах по религиоведческой тематике не менее 5 за последние 5 лет, разрешить создавать в регионах межрегиональные Экспертные советы или Экспертные центры, в связи с малочисленностью возможных кандидатов в эксперты, с целью использования религиоведческого ресурса на несколько регионов.

Список литературы

1. Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Контактная информация / Управление Министерства юстиции по Пермскому краю [Электронный ресурс]. URL: <https://to59.minjust.ru/ekspertnyy-sovet-po-provedeniyu-gosudarstvennoy-religiovedcheskoj-ekspertizy-5> (дата обращения: 20.02.2019).
2. Состав Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизе при Министерстве юстиции Российской Федерации / Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского [Электронный ресурс]. URL: <http://iriney.ru/main/pravo/novostirazdela-pravo/sostav-ekspertnogo-soveta-po-provedeniyu-gosudarstvennoj-religiovedcheskoj-ekspertizyi-pri-ministerstve-yusticzii-rossijskoj-federaczii.html> (дата обращения: 20.02.2019).
3. Проблема религиоведческой экспертизы в России / Федерация судебных экспертов [Электронный ресурс]. URL: <http://sud-expertiza.ru/problema-religiovedcheskoj-ekspertizy-v-rossii> (дата обращения: 20.02.2019).
4. Писманик Матвей Григорьевич // Википедия [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Писманик,_Матвей_Григорьевич (дата обращения: 20.02.2019).

Религиоведение: научная работа как экспертная деятельность¹

Smirnov M. Yu.

Religious studies: scientific work as an expert activity

Аннотация. В статье представлены критерии экспертной составляющей научной работы. Представлено научное обоснование дифференцирования теологии и собственно экспертной деятельности. Осуществлено уточнение ряда релевантных теме понятий.

Annotation. The paper presents the criteria of the expert component of scientific work. The scientific substantiation of differentiation of theology and expert activity is presented. Clarification of a number of relevant concepts is carried out.

Ключевые слова: религиоведение, теология, экспертиза, научность.

Key words: Religious studies, theology, expertise, science.

Обсуждая вопросы экспертизы в сфере отношений по поводу религии, невозможно жёстко развести юридический и религиоведческий аспекты. Хотя бы потому, что правовые решения в этой сфере должны опираться на реальное понимание её состояния, а это понимание должно формироваться, прежде всего, на основе адекватных исследовательских результатов.

В силу обстоятельств текущей динамики процессов, связанных с религией в современном обществе, специалисты-религиоведы с необходимостью соприкасаются с ситуациями, или вовлекаются в таковые, когда их профессиональные знания/умения/навыки оказываются в различных взаимоотношениях с правовыми (или неправовыми) коллизиями вокруг тех или иных религиозных (или трактуемых как религиозные) феноменов.

Однако в данном случае хочу обратить внимание не столько на действующие правовые нормы, их диспозиции и санкции, сколько на то, каковым может, а с моей точки зрения — должно быть именно экспертное отношение религиоведов к вопросам, касающимся их профессиональной компетенции.

¹ Текст доклада на секционном заседании «Методологические аспекты религиоведческой экспертизы» международной научно-практической конференции «Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук» (Санкт-Петербург, 22–23 марта 2019 г.).

Сформулирую это в виде жёсткого тезиса: религиоведческую экспертизу должен проводить именно религиовед (разумеется, при комплексной судебной религиоведческой экспертизе в составе экспертов могут быть лингвисты, психологи, другие специалисты, но обязательно присутствие религиоведа).

Религиовед, каким бы ни был его конкретный трудовой статус — научный сотрудник, преподаватель образовательного учреждения, консультант или референт, или какой-то иной статус, — может быть экспертом только тогда, когда он: (1) *сведущ* в предмете, то есть имеет образование, подразумевающее подготовку к научному изучению религий; (2) профессионально *опытен*, то есть на постоянной основе занимается исследовательской работой по какому-либо направлению религиоведения, предъявляя результаты этой работы в соответствующем формате (в научных публикациях, докладах и обсуждениях на научных конференциях, в публичных выступлениях как специалист); (3) *проверен*, то есть, желательно, имеет ученую степень кандидата либо доктора наук, полученную после защиты диссертации религиоведческого содержания.

И только так. Вариант с порой неплохо эрудированными энтузиастами, которые вне указанных параметров осваивают знания о религиях, сюда не входит. Также недостаточно наличия одного только первого признака, связанного с образованием, — без опыта и научной достоверности такой специалист ещё не может считаться экспертом.

Отдельно скажу о религиоведах, которые соответствуют названным признакам эксперта, но являются при этом последователями какой-либо религии, независимо от того, имеется у них или не имеется определенное положение в религиозных организациях. По моему убеждению, религиоведческая экспертиза — это не то поприще, на котором уместна демонстрация конфессиональных позиций. И такое ограничение не является ущемлением гражданских прав конфессиональных исследователей.

Понимаю полемичность этого утверждения. Особенно в свете нынешнего российского тренда на культивирование теологии в светском образовательном пространстве и деклараций о благотворности теологически обоснованного взгляда на общество и государство.

Но тот модус теологии, в котором её наиболее настойчиво инкорпорируют в отечественное образование, вовсе не предполагает экспертной компетентности в религиоведении. Более того, трактовка самого религиоведения в его сопоставлении с теологией умышленно искажает его смысл и содержание, сводя лишь к функции внешнего описания феноменов религиозной жизни [5, 30].

На разных уровнях официального дискурса о теологии подчеркивается её идейно-воспитательное значение, роль теологии в формировании очередного для нашей страны «единственно правильного» мировоззрения, использование теологии для пропаганды загадочных (поскольку никто не даёт официального полного перечня) «традиционных духовно-нравственных ценностей». Сошлюсь на одно из высказываний авторитетного сторонника интеграции теологии в светское образование, митрополита Илариона (Алфеева): «Очень важно отметить, что у нас существует общая серьезная потребность в теологии как основе воспитания и формирования духовных ценностей. Это касается и технических, гуманитарных, педагогических, медицинских и других вузов. Это касается также военных высших учебных заведений, вузов МЧС, специальных служб и ведомств» [1].

Настаиваю на том, что при необходимости в профессионально обоснованной религиоведческой экспертизе, подход с позиций какой угодно теологии категорически не приемлем. Даже если в России теология будет хоть как-то развиваться не в идеологизированном, а в академическом формате, для неё экспертным предметом должна быть только сфера религиозной мысли, вероучений и религиозных практик, где в полной мере возможно проявление теологической образованности.

Надеюсь понятно, что я вовсе не заявляю о какой-то ущербности теологических оценок, суждений и выводов. Напротив, в подлинном своём значении теология, если она избежит идеологической перверсии в функциональный аналог теории научного коммунизма, вполне может расширить диапазон интеллектуальной свободы, открыть и те смыслы религиозных исканий, которые не доступны религиоведческому инструментарию [6].

Но сфера теологии — это конкретные религиозные (уточню — теистические) традиции. Любой религиозной традиции органично свойственна исключительность собственного образа и понимания истины. Поэтому религиозно мотивированный эксперт в принципе не может быть равно непредвзятым при рассмотрении ситуаций как с исповедуемой им самой религией, так, тем более, в отношении к другим религиозным традициям.

Кстати, это вообще, с моей точки зрения, напряжённая коллизия для ученого-религиоведа, лично приверженного конкретному вероисповеданию, — оказаться перед необходимостью экспертного оценивания феноменов, имеющих другую религиозную идентичность. Наверное, наиболее честно и достойно в таком случае — отказаться от роли эксперта. Впрочем, это вопрос индивидуального выбора, моральных возможностей и социальных обстоятельств такого специалиста.

Всё сказанное вовсе не означает, что религиовед, не связанный вероисповеданием, имеющий названные выше профессиональные признаки, это такой идеальный учёный индивид, которого прямо с ходу можно брать в эксперты. У любого религиоведа могут быть свои идейные, моральные и социальные мотивации, с которыми надо как-то разбираться, когда приступаешь к экспертной деятельности, требующей непредвзятости и объективности.

Светскому религиоведу надо хорошо определить для самого себя — насколько он готов и способен не только провести процедуру экспертирования, но и выдержать сопутствующие ей обстоятельства, далеко не всегда комфортные для научного умонастроения специалиста. Религиовед также включен в социальные пространство и время, как и религиозный объект/предмет его экспертизы, заказчики и иные стороны, ожидающие экспертный результат. Поэтому, если религиовед берется за экспертный труд, он обязан, по моему убеждению, которое, как я знаю, разделяют и многие коллеги по профессии, стоять на принципиальных позициях, обозначающих его самостоятельность и профессиональную состоятельность [3].

Назову лишь одну, быть может, основную позицию — это *научность*. Научность не в том, что религиовед якобы владеет набором безукоризненных формулировок о религиозных феноменах — все мы знаем, что таковых почти не существует. Позиция состоит в следовании тому уровню научных представлений, которые в данное время конвенционально разделяются, в большей или меньшей степени, профессиональной средой и поэтому, так сказать, парадигмальны [7].

Наука — это постоянный процесс познания, результаты которого периодически запечатлеваются в понятийно-категориальном аппарате. Именно в научных понятиях фиксируется реальная динамика религиозной жизни, определяются те смыслы религиозных институтов и практик, которые имеют значение для светского государства и общества, а значит, и для правоприменения в таком государстве.

Думаю, не преувеличу, если скажу, что научное религиоведческое знание очень приблизительно отражено в действующем российском законодательстве, которое в отношении к религии предпочитает оперировать понятиями без их точного правового описания. Хотя в религиоведческом лексиконе эти понятия существуют, имея своё обоснованное толкование [2].

Достаточно будет одного лишь примера — это понятие «верующие», которое присутствует в российском законодательстве совершенно без какого-либо определения его юридического значения. Тем не менее оно применяется, как бы подразумевая, что всем и так очевидно, что за ним

стоит. Но всё-таки, что именно стоит? Ни один правовой акт этого не разъясняет. А ведь есть ещё фразеологизм «религиозные чувства верующих». Это что такое с юридической точки зрения? Убедительных объяснений нет. Но статья 148.1 УК РФ с этим невнятным фразеологизмом предполагает вполне осязаемые санкции.

Не буду утверждать, что в религиоведении эти понятия, равно как, скажем, настойчиво предлагаемые для введения в наше законодательство понятия «религиозной секты» или «религиозного фундаментализма», трактуются совершенно идентично всеми авторитетными изданиями и специалистами. Но набор определений в профессиональной литературе имеется [4; 8]. И можно бы его использовать, остановившись на наименее дискуссионных формулировках — на каких именно, это предмет совместного установления светскими правоведами и религиоведами.

Ясно при этом, что конфессиональные трактовки могут быть иными. Но то, что именно светские специалисты будут определять, что такое «верующий», что такое «член религиозного объединения» и прочие номинации — вполне соответствует конституционной норме о светском характере государства (статья 14 Конституции РФ), согласно которой, в частности, никакая религия не может быть установлена в качестве обязательной.

Однако даже приведенный конкретный пример показывает, насколько проблемным является присутствие в законодательстве понятий, имеющих мировоззренческое звучание, но подразумевающих значения, которые выводятся не из научного, а из политико-идеологического дискурса. И тогда уместно задаться вопросом: так ли необходимо вообще их присутствие или внесение подобного рода понятий в светское право? Особенно, если выделение тех же верующих, как какой-то специфической категории населения, чьи чувства требуют особой защиты, явно диссонирует с конституционной нормой о правовом равенстве граждан (статья 19 Конституции РФ), в том числе независимо от их отношения к религии.

Может быть, правильнее минимизировать мировоззренчески ориентированный понятийный ряд в правовой системе? Ведь для регулирования отношений между гражданами и государством, и граждан (религиозных и нерелигиозных) между собой, вполне достаточно существующих норм гражданского, уголовного, административного и прочих видов права. Это моё частное мнение, я его высказываю, основываясь на личном религиоведческом экспертном опыте.

В завершение вернусь снова к религиоведению. Я уверен, что собственно профессиональная исследовательская деятельность религиоведов это и есть подлинная экспертная работа. Религиоведение — это

основной резервуар выработанных научной мыслью представлений о религиозной жизни индивидов и обществ. И для правовой системы светского государства не должно быть никаких иных источников пополнения или разъяснения применяемой терминологии по вопросам, относящимся к религии.

За последнюю четверть века российское религиоведение, при всех сложностях его развития, выработало целый корпус научно обоснованных трактовок своего объекта и разных его предметных областей. Чем, как не доброкачественным экспертным продуктом, являются, скажем, фундаментальные отечественные коллективные труды: «Религиоведение: Энциклопедический словарь» 2006 г. (более 1500 позиций в словнике); «Энциклопедия религий» 2008 г. (более 3000 позиций), «Энциклопедический словарь социологии религии» 2017 г. (более 420 позиций).

Более полного и точного знания о религиях, нежели то, что удаётся добыть религиоведению, просто не существует. Если это знание в чем-то не удовлетворяет, значит, нужно поощрять религиоведение, развивать его возможности. Если же требуются экспертные суждения о вопросах религии, то религиоведение — это единственный ресурс адекватных оценок.

Список литературы

1. В ОЦАД состоялось совместное заседание Общего собрания членов и Совета НОТА [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. 2018. 6 сентября. URL: <https://mospat.ru/ru/2018/09/06/news163510> (дата обращения: 18 марта 2019).
2. Загребина И. В., Пчелинцев А. В., Элбакян Е. С. Религиоведческая экспертиза: учебник. М.: Юрайт, 2017.
3. Резолюция круглого стола «Проблемы религиоведческой экспертизы» 19 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] // СОВА: информационно-аналитический центр. 2016. 1 марта. URL: <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/03/d33944> (дата обращения: 15 марта 2019).
4. 750 определений религии: история символизаций и интерпретации: монография / под ред. Е. И. Аринина. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014.
5. Теология и образование 2018. Ежегодник Научно-образовательной теологической ассоциации / отв. ред. Д. В. Шмони. М.: ИД Познание, 2018.
6. Шишков А. В. Теология без идеологии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/theology-without-ideology> (дата обращения: 18 марта 2019).
7. Элбакян Е. С. Религиоведческая экспертиза в свете общенаучных принципов [Электронный ресурс]. URL: <http://rusexpert.ru/public/news/01.12.2015.pdf> (дата обращения: 15 марта 2019).
8. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017.

К вопросу о государственно-конфессиональных отношениях и практике религиоведческой экспертизы в Ростовской области

Shchukina E. L.

On the issue of state-confessional relations and the practice of religious studies expertise in the Rostov region

Аннотация. Рассматриваются вопросы государственно-конфессиональных отношений в Ростовской области и религиоведческой экспертизы религиозных организаций. Сделан вывод о необходимости внесения небольших изменений в законодательные акты РФ для упорядочения процедуры регистрации религиозных организаций. Подчеркивается необходимость дальнейшего изучения и уточнения специфики религиоведческой экспертной деятельности и государственно-конфессиональных отношений с новыми, нетрадиционными религиозными организациями и группами.

Ключевые слова: религиоведческая экспертиза, религиозные организации, религиозные группы, государственно-конфессиональные отношения.

Annotation. The questions of religious expertise, state-confessional relations in the Rostov region are considered. It is concluded that it is necessary to make minor changes to the legislative acts of the Russian Federation to streamline the registration of religious organizations. The need for further study and clarification of the specifics of religious expert activity and state-confessional relations with new, non-traditional religious organizations and groups is emphasized.

Key words: religious expertise, religious organizations, religious groups, state-confessional relations.

Ренессанс духовных ценностей постсоветского общества привел к росту религиозных организаций и групп, что породило необходимость разработки новых механизмов нормативно-правового регулирования взаимодействия государства и религиозных организаций. Общественное сознание зачастую склоняется к мнению о том, что сохранение духовных ценностей народов и их возрождение, противостояние «цивилизации потребления» возможно лишь путем возврата к религии, религиозной духовности. Данный подход разделяется далеко не всеми представителями гражданского общества, которые считают светскость государства важнейшим аспектом его жизнедеятельности. Актуализация государственно-конфессиональных отношений привела к необходимости совершенствования процедуры официальной регистрации религиозных организаций и, соответственно, упорядочению религиоведческой экспертизы.

Правовому регулированию отношений органов государственной власти с религиозными организациями посвящены работы А. Себенцова, А. Пчелинцева, В. Ряховского, А. Логинова [2; 5; 6] и многих других, в них проводится исследование российского законодательства, в целом, предлагаются пути его совершенствования. Исследовательская литература по проблемам религиоведческой экспертизы не столь обширна и представляется недостаточной. Значимые работы по особенностям религиоведческой экспертизы, теоретико-методологическим подходам исследования текстов представлена работами Л. С. Астаховой, А. К. Погасия, Р. Н. Лункина, И. В. Загребинной, М. О. Шахова, Е. С. Элбакян и др. Значительные шаги по изучению конфессионального пространства Юга России предприняты Центром системных региональных исследований и прогнозирования ИСиР ЮФУ. В «Южнороссийском обозрении» опубликованы сборники научных статей «Православие в исторических судьбах Юга России», «Православные епархии Юга России в постсоветский период», многие выпуски касались проблем, связанных с «северокавказским ваххабизмом» и исламом. В данных работах уточнены многие исторические и современные аспекты развития православия и ислама на Юге России и Ростовской области, как центре ЮФО, но далеко не все вопросы взаимоотношений органов государственной власти с религиозными организациями и группами, а также религиоведческой экспертизы нашли в них отражение.

В данной статье предпринимается попытка затронуть некоторые аспекты государственно-конфессиональных отношений и проблемы, с которыми сталкиваются эксперты при проведении религиоведческой экспертизы по запросу ГУ Министерства юстиции.

В последнее время все более явно проявляется связь между национальной и конфессиональной самоидентификацией народов Российской Федерации, особенно на Юге. Естественно, что религиозные организации оказывают влияние на социокультурную жизнь региона, поскольку обладают серьезными материальными, интеллектуальными и организационными ресурсами. Поэтому столь значимым является регулирование отношений органов государственной власти с религиозными организациями и группами в рамках права и недопущение дестабилизирующей деятельности религиозно-экстремистских и деструктивных организаций и объединений, в том числе и незарегистрированных официально. Ростовская область считается поликонфессиональным регионом РФ, однако, русское население является здесь доминирующим и насчитывает до 90%, согласно переписи населения РФ от 2010 года, что обусловило доминирование приходов Русской православной церкви Московского патриархата.

Административным центром многих религиозных объединений Южного федерального округа и всего Юга России является Ростов-на-Дону, где расположены областные и Северо-Кавказские руководящие центры 14 религиозных объединений. Конечно, наблюдается динамика численности религиозных организаций, например, по Ростовской области их официально зарегистрированная численность в 2016 году, по сравнению с 2004 годом, увеличилась с 435 до 601. «Самой крупной и влиятельной религиозной организацией в области является Ростовская-на-Дону епархия Русской православной церкви Московского патриархата — 416 приходов. Все приходы имеют храмы или молитвенные дома, действует 2 мужских монастыря и 1 женский, 8 духовно-просветительских центров. На втором месте по количеству организаций стоит Союз Церквей евангельских христиан баптистов — 34 общины, адвентисты седьмого дня имеют 32 религиозные организации. Ислам представлен 17 организациями, объединенными в два управления мусульман, имеется 3 мечети, из них 2 — в приспособленных зданиях. Армянская апостольская церковь — 9 приходов. Иудаизм — 4 организации. Буддизм — 3 религиозные организации и др.» [1].

Кроме этих религиозных организаций, по экспертной оценке, в области действуют более ста религиозных групп. Некоторые из них, такие как баптисты «отделенные», не регистрируются принципиально. Часть была зарегистрирована, но по собственной воле не стала перерегистрироваться в связи с обременительностью регистрации и обязанностей юридических лиц (методисты, пресвитериане, молокане, духоборы, Церковь Христа, буддисты, пятидесятники, Свободная РПЦ, кришнаиты, последователи техники трансцендентальной медитации и др.). По этой же причине многие религиозные объединения имеют, наряду с зарегистрированными религиозными организациями, «дочерние» религиозные группы: старообрядцы, баптисты, пятидесятники, мормоны, евангельские христиане, адвентисты, Армия Спасения и др. [1].

Принципиальная позиция администрации Федерального округа и Ростовской области состоит в том, что ее деятельность направлена на строгое соблюдение законности в сфере религиозной жизни, на создание и поддержание межконфессионального мира и религиозной терпимости между религией и другими социальными институтами общества, между последователями различных религий, но наиболее тесное сотрудничество отмечается с представителями традиционных для донской земли религий. Ростовская епархия имеет около двух десятков соглашений о сотрудничестве с различными министерствами и ведомствами. Законом Ростовской области все религиозные организации освобождены от областного налога на собственность. На ремонт и реставрацию храмов-памятников

истории и культуры ежегодно выделяются миллионы рублей. В целом руководство религиозных организаций поддерживает с представителями органов власти конструктивные отношения взаимодействия и сотрудничества. Такая политика получила высокую оценку высших руководителей религиозных объединений России [1].

Социологическое исследование 2018 года, проведенное Южнороссийским филиалом Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН «Межэтнические отношения и потенциал гражданской солидаризации населения Ростовской области» подтверждает межконфессиональное сотрудничество в регионе (объем выборки — 2256 человек). Более 56% респондентов характеризуют межконфессиональные отношения как спокойные и 10,5% — доброжелательные, однако, 27,1% отметили их как внешне спокойные, но внутренне напряженные, что не следует недооценивать, поскольку, при определенном стечении обстоятельств, межконфессиональные отношения могут стать источником напряженности в межэтнической коммуникации [3].

Говоря об отношениях религиозных объединений с федеральными, областными и местными органами власти, следует остановиться на одном из основных направлений их взаимодействия — правовых вопросах по поводу регистрации и перерегистрации религиозных организаций и религиозных групп. Основой для современных отношений между религиозными организациями и государством стало законодательство, сложившееся после принятия в 1993 году новой Конституции Российской Федерации, и, в дальнейшем, Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». На нормативном уровне закон внёс ясность в содержание конституционных понятий «светское государство», «отделение религиозных объединений от государства», «равенство религиозных объединений перед законом». Слова «религия» и «религиозный» встречаются сейчас более чем в 60-ти действующих федеральных законах. «Порядок проведения религиозно-экспертной экспертизы, определен в приложении 1 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 “О государственной религиозно-экспертной экспертизе”». Так, в данном документе указывается, что «объектами экспертизы являются: а) учредительные документы религиозной организации, решения ее руководящих и исполнительных органов; б) сведения об основах вероучения религиозной организации и соответствующей ему практики; в) формы и методы деятельности религиозной организации; г) богослужения, другие религиозные обряды и церемонии; д) внутренние документы религиозной организации, отражающие ее иерархическую и институциональную структуру; е) религиозная литература, печатные,

аудио- и видеоматериалы, выпускаемые и (или) распространяемые религиозной организацией» [4].

При проведении религиозоведческой экспертизы, основные вопросы, которые ставит перед Экспертным советом Министерство юстиции, это анализ материалов на предмет выявления религиозной составляющей в документах: «Является ли местная религиозная организация религиозной организацией? и являются ли сведения относительно основ вероучения, содержащиеся в представленных местной религиозной организацией документах, достоверными?».

Уже в постановке самого вопроса заключается логическое противоречие — «является ли религиозная организация религиозной организацией?», что вызывает когнитивный диссонанс и порождает поиск более точного определения при написании экспертного заключения, как «религиозная группа» или «религиозная структура». Как отмечает Е. С. Элбакян, «думается, что определение религиозного характера организации должно проводиться по другому основанию — насколько данная религиозная организация соответствует структуре религиозного комплекса и обладает всеми его элементами» [7]. Касательно второго вопроса о достоверности сведений об основах вероучения, они могут коррелировать с основными догматами распространенных религиозных вероучений, а могут быть и совершенно новыми, не имеющими аналогов и даже указывать на «некий священный текст, который не может быть записан». По данному вопросу примерная схема написания текста вероучения и устав религиозной организации частично позволяют экспертам провести анализ имеющегося текста на предмет его достоверности.

В связи с предписанием Европейского суда по правам человека, была отменена норма, прописанная в российском Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», когда религиозная организация должна была существовать на территории РФ 15 лет. Данная норма была признана Европейским судом как «не отвечающая критерию необходимости в демократическом обществе, который является одним из условий правомерного ограничения прав и свобод человека». Часть религиоведов позитивно оценила отмену данной нормы, но следует заметить, что именно она приостановила экспансию религиозных новообразований, поддерживаемых из-за рубежа. В свою очередь, за прошедшие несколько лет Министерством юстиции была запрещена деятельность ряда крупных религиозных структур, финансируемых из-за рубежа, по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». Создание агрессивных культов, стилизованных под традиционные религии, но влияющих на благополучие жизни людей, а порой и организующих экстремистское подполье,

является серьезным вызовом нормальной жизнедеятельности общества и государства.

В рамках религиозно-экспертной экспертизы, в Ростовской области Экспертный совет столкнулся с ситуацией, когда руководитель местной религиозной группы, настаивая на возможности многоженства мусульман на территории Российской Федерации, явочным порядком пытается ввести некоторые шариатные нормы и буквально навязывает полиюридизм, полагая, что российские мусульмане могут руководствоваться, помимо светского законодательства, еще и положениями мусульманского права (фикха) и шариатными установками. Поскольку, в России на конституционном уровне религиозные организации отделены от государства и равны перед законом, то есть светским государственным законом Российской Федерации, навязывание гражданам страны иного законодательства вне рамок светского государства представляет собой политическое начало, влекущее за собой элементы политизации религии. Термин «политическая религия» в настоящее время исследователи начали активно использовать для обозначения политизированных версий ислама.

Нам представляется недостаточным, что для прохождения процедуры регистрации в качестве религиозной организации необходимо заявление только от десяти лиц, входящих в религиозную группу. Когда речь идет о религиозной организации, которая претендует на создание культовых учреждений, религиозное образование, благотворительную деятельность и т. д., количество последователей должно быть существенно более значимым. На наш взгляд, для регистрации в качестве религиозной организации необходимо не менее 50 человек, которые являются последователями определенного религиозного культа. Увеличение количества лиц, заинтересованных в создании организации, позволило бы минимизировать риски, связанные с конструированием новых, псевдорелигиозных учений небольшой группой лиц и, отчасти, создать барьер для прохождения процедуры юридической регистрации в качестве религиозной организации структур, которые содержат элементы политических религий.

В целом, специфика государственно-конфессиональных отношений на Юге России определяется поликонфессиональным и полиэтничным составом населения, где численность религиозных организаций, культовых учреждений и верующих значительно увеличилась с 90-х годов, особенно в регионах с традиционным исповеданием ислама. Возрождение в российском обществе религиозной духовности, обращение к своим традиционным корням целых народов получило ответ в активной деятельности религиозных организаций, прежде всего, культурообразующих для народов Российской Федерации и их активном сотрудни-

честве с органами государственной власти, расширении теологического образования. В то же время следует отметить и активизацию деятельности новых религиозных организаций, конструирование новых религий, никогда не существовавших ранее не только в Ростовской области, но и в России. Все это требует дальнейшего уточнения правового пространства их отношений с государством и, в свою очередь, большей информированности общества о природе и сущности таковых структур. Представители традиционных религий и общественности усматривают в распространении нетрадиционных для России конфессий и новых религиозных движений угрозу духовной и этнокультурной самобытности народов России, интересам национальной безопасности страны и требуют от государственных органов принятия энергичных охранительных мер, что порой вступает в противоречие с существующим законодательством и международными правовыми нормами. То есть реальная жизнь развивается, возникает новая религиозная обстановка и практика отношений органов государственной власти с религиозными организациями и группами нуждается в многогранном и всеохватывающем анализе, в целях ее дальнейшего совершенствования в рамках действующего законодательства.

Список литературы

1. Взаимодействие Правительства Ростовской области с религиозными объединениями [Электронный ресурс] // Официальный портал Администрации Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=75380> (дата обращения: 05.03.2019).
2. *Логонов А.* Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005.
3. Межэтнические отношения и потенциал гражданской солидаризации населения Ростовской области // Исследования в рамках реализации научно-исследовательской темы Госзадания «Межэтнические отношения и национальная политика в регионах Юга России». Ростов-на-Дону, 2018.
4. Приказ Минюста РФ от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиозно-этической экспертизе» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/195078/paragraph/1:0> (дата обращения: 05.03.2019).
5. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. М., 2001.
6. *Себенцов А.* Законодательство о свободе совести в России: применение и развитие // Религия и право. 2008. № 1.
7. *Элбакян Е. С.* Религиоведческая экспертиза в свете общенаучных принципов [Электронный ресурс] // СОВА: Информационно-аналитический центр. 2015. 30 ноября. URL: <https://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/11/d33340> (дата обращения: 5.03.2019).

Феномен русского ислама: проблемы исследования

Tambovtsev Yu. V.

The phenomenon of Russian Islam: research problems

Аннотация. Автор анализирует проблему распространения ислама среди русского населения. Рассматриваются факторы, влияющие на возрастающий интерес к исламу российской молодежи.

Annotation. The author analyzes the problem of the spread of Islam among the population of Russia. The factors affecting the growing interest in Islam of the Russian youth are considered.

Ключевые слова: ислам, неопиты, русские мусульмане.

Key words: Islam, neophytes, Russian Muslims.

На сегодняшний день ислам является самой быстрорастущей религией на Земле. Вполне возможно, что уже через несколько десятилетий количество мусульман, которых насчитывается порядка 1,5 миллиарда человек, обойдет общее количество христиан (приблизительно 2 миллиарда человек) в мире [1]. Естественно, все эти цифры довольно условны. Если мы можем приблизительно оценить количественные показатели динамики развития той или иной религии (причем в случае с исламом это намного сложнее), то с качественными, в силу их специфики, возникают большие сложности. Но так или иначе, в современности те страны и народы, история и культура которых многие столетия формировалась под воздействием христианства, все больше утрачивают привычную всем этнорелигиозную привязку: француз совершенно не обязательно будет католиком, англичанин — представителем англиканской церкви, русский и украинец православными. При этом то, что мы называем мусульманским миром, подобные процессы практически не испытывает, за редкими исключениями, такими как частичная христианизация сирийских беженцев в Европе.

Для России ислам является частью ее многообразной культуры. По разным подсчетам, мусульманское население РФ варьируется от 10% до 20%. Это чеченцы, ингуши, татары, азербайджанцы и т. д., т. е. представители той самой этнорелигиозной привязки. Однако в последние годы все чаще стали учитывать тот факт, что на территории нашей страны растет количество так называемых русских мусульман. Назрела необходимость комплексного исследования данной социальной группы. Определенные статьи на эту тему пишутся, хотя их сейчас довольно немного. В чем же причина неизученности данного феномена? Конечно,

не в том, что русские мусульмане являются каким-то новым явлением в условиях российской действительности. Стоит только вспомнить, что под фактором афганского и чеченского плена в 80-е и 90-е годы были зафиксированы случаи принятия русскими ислама. Однако в те годы количество подобных переходов в иную веру довольно легко можно было отследить в силу их немногочисленности. Сейчас же ситуация кардинально иная. Говорить о том, сколько же существует русских мусульман довольно сложно. Точных исследований на данную тему не проводилось, и вряд ли можно провести. Кандидат философских наук Татьяна Владимировна Излученко в своей статье «Русский ислам: современное положение и тенденции развития» приводит цифру 40 человек русских мусульман на миллионное население жителей г. Красноярска [2]. Принимая во внимание эту цифру, напрашивается вывод, что русских мусульман даже в крупных городах довольно немного. Однако, чем больше город, тем сложнее оценивать динамику развития исследуемого процесса. Количество русских мусульман в таких мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург с их многомиллионным населением установить очень сложно. Автору данной статьи за несколько лет удалось провести личную беседу лишь с 7-ю русскими мусульманами, проживающими в Санкт-Петербурге, что, конечно, составляет лишь малую долю от общей картины.

Говоря о причинах, побуждающих русских принимать ислам, можно выделить два наиболее распространённых направления перехода в другую веру. Это переход в ислам в силу вступления в брак и в результате личных мировоззренческих поисков. Количество тех, кто перешел в ислам из-за первой причины, можно оценить, хотя бы изучая сведения о зарегистрированных браках и разводах. Тех же, кто перешел в веру Пророка в силу своих духовных поисков, приходится искать «вручную», отчасти в силу специфики принятия ислама, который совершенно не обязует человека регистрировать где-либо свои убеждения.

Каким же образом можно проводить исследование в данном направлении? Самый простой способ — это получение информации от имамов мечетей, что подразумевает собой работу огромного числа исследователей по всей стране. Однако, учитывая соотношения количества мусульман и количества мечетей в немусульманских регионах, мы не увидим и малой доли результатов этого колоссального труда. Можно также выйти на контакт с лидерами мусульманских диаспор, с которыми вполне возможно контактируют русские мусульмане, а может быть и инкультурируются в их среду. Определенно, значимую роль играет и контакт с русскими мусульманами через социальные сети. С одной стороны, этот путь исследования весьма важен, поскольку способствует выявлению тех, кто по каким-либо причинам не посещает

мечети и не контактирует с этнорелигиозными группами. С другой стороны — он таит в себе определенные препятствия. В частности, назревает вопрос, где искать русских мусульман? Обзор и общение с участниками исламских тематических групп в Интернете может дать положительные плоды исследования, но количество участников подобных групп может доходить до нескольких сотен тысяч человек, что заметно усложняет процедуру поиска. Немаловажную роль играет и тот факт, что многие русские мусульмане в социальных сетях пользуются псевдонимами. За условным Шамилем Фаваидовым может скрываться условный Иван Иванов.

Обзор тематических исламских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» позволил выявить группу, посвященную исключительно проблемам русских мусульман. «Русские мусульмане поймут» насчитывает чуть более 4,5 тысяч участников [3]. Конечно, совершенно не обязательно, что все они являются по национальности русскими. Участниками сообщества являются и этнические мусульмане. Но это не уменьшает ее значения для исследователей. В этой группе открыто или анонимно русские мусульмане делятся своими трудностями, связанными с переходом в ислам, в частности проблемами во взаимоотношениях с семьей и на работе, в сложности вовремя исполнять религиозные предписания, рассказывают свой личный опыт, побудивших их перейти в эту веру, ищут супругов. Среди участников данного сообщества можно провести социологический опрос или интервьюирование и, вполне возможно, это даст какие-либо качественные результаты, но вряд ли количественные, так как участники сообщества являются представителями разных регионов РФ. Сам факт существования подобного сообщества в Интернете уже говорит о многом. С одной стороны, ислам борется со всеми так называемыми национальными предрассудками, выражаемыми в излишней идентификации себя с тем или иным народом, его обычаями и культурой, что, впрочем, совершенно не мешает нам говорить о самобытности любого этноса, так или иначе связывающего себя с исламской культурой, в той или иной степени. Для новообращенных мусульман (что применимо к любой конфессии) характерно повышенное религиозное рвение, подчас на грани с фанатизмом в желании исполнять нормы шариата так, как написано на бумаге. В этом контексте русские мусульмане, как и любые другие неопиты, могут следовать фундаменталистским убеждениям, что может способствовать их сближению с радикальными группировками. Данное сообщество позволяет обозначить приоритеты определенной части русских мусульман — не уход от русской культуры, а существование в рамках нее, правда с определенными правилами поведения и убеждениями.

Подводя итог всему вышесказанному, нужно отметить, что изучение феномена существования русских мусульман требует большого комплексного исследования. Нужно понять, каково их примерное количество, с какими общими трудностями они сталкиваются, сделать прогнозы на динамику роста данной группы в ближайшие десятилетия.

Список литературы

1. К 2100 году ислам станет самой массовой религией в мире [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 2015. 3 апреля. URL: <https://regnum.ru/news/1911724.html> (дата обращения: 21.03.2019).
2. Излученко Т. В. Русский ислам: современное положение и тенденции развития // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 1. С. 278–282 [Электронный ресурс] // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-islam-sovremennoe-polozhenie-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 21.03.2019).

Шошин С. В.

Некоторые проблемы религиоведческой экспертизы

Shoshin S. V.

Some problems of religious expertise

Аннотация. Основная проблема религиоведческой экспертизы — существующий кадровый дефицит потенциальных специалистов. Особенно — в российской провинции. В силу различных причин, доказывание по делам, связанным с экстремизмом, осуществляется посредством назначения и производства судебной филологической (лингвистической) экспертизы. Методика организации и производства подобных экспертиз официально не опубликована. Это создает определенные затруднения в процессе организации и реализации защиты подобных лиц.

Ключевые слова: судебная экспертиза, религия, теология, филология, лингвистика, защита.

Annotation. The main problem of religious examination is the existing personnel shortage of potential specialists. Especially — in the Russian province. For various reasons, proving in cases involving extremism is carried out through the appointment and production of judicial philological (linguistic) expertise. The method of organization and production of such examinations is not officially published. This creates certain difficulties in the process of organizing and implementing the protection of such persons.

Key words: judicial examination, religion, theology, philology, linguistics, protection.

Сегодня многих российских ученых привлекает возможность подвергнуть анализу в собственном научном творчестве некоторые проблемные моменты, свойственные религиозоведческой экспертизе [3; 8]. Одной из актуальных проблем религиозоведческой экспертизы можно назвать сложность, особенно в условиях провинциального населенного пункта на территории РФ, найти компетентного потенциального эксперта. Сложности в выборе специалиста высокой квалификации, способного с высоким качеством осуществить такое экспертное исследование, оказываются знакомыми многим сотрудникам правоохранительных и судебных органов, а также адвокатам.

В Уголовном Кодексе РФ имеется несколько статей, в которых установлены нормы об ответственности за совершение преступлений, связанных с экстремизмом. Уголовные дела о преступлениях экстремистской направленности, зачастую, оказываются связанными с анализом религиозных категорий. Это: ст. 280 УК РФ — публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; 282.1 УК РФ — организация экстремистского сообщества; 282.2 УК РФ — организация деятельности экстремистской организации; 282.3 УК РФ — финансирование экстремистской деятельности. При расследовании уголовных дел о таких преступлениях доказывание производится, в том числе, и посредством производства филологических (лингвистических) экспертиз. Тем самым экстремизм доказывается посредством использования специальных познаний в области филологии (лингвистики). С точки зрения толкования терминов русского языка, использованных при формулировке соответствующих фраз, выражений, высказываний и т. д. Аналогичным образом осуществляется и доказывание по административным делам по заявлениям, например, органов прокуратуры РФ, о признании печатных изданий запрещенными в РФ (включении изданий в федеральный список экстремистских материалов).

Методики экспертной деятельности, применённые при данных исследованиях и экспертизах, не являются сейчас гласно опубликованными на территории РФ и одобренными широкой научной общественностью. В нарушении Федерального закона № 77-ФЗ от 29.12.1994 г. «Об обязательном экземпляре документов» в фондах Российской государственной библиотеки нет этих источников. Отсутствуют указанные источники и в фондах иных российских библиотек. Не имеется их и в фондах Национальной библиотеки Беларуси.

В ссылках на методики, на которые ссылаются указанные эксперты, не содержится указаний фамилий, имен и отчеств их авторов. Соответственно, научная общественность не имеет возможности произвести обсуждение обоснованности таких методик экспертного исследования.

Фактически, тем самым, не имеется возможности у представителей стороны защиты и иных заинтересованных лиц по конкретному делу подготовить научно обоснованную стратегию защиты интересов клиента (доверителя) по такому делу, используя новейшие достижения мировой науки в соответствующих областях знания.

Фактически имеется монополизм при выработке таких методик и их применении. К производящим такие экспертизы лицам, проходящим службу в специальных подразделениях, не предъявляются требования о прохождении сертификации (лицензирования их деятельности). Информация о них не включается в общедоступный список экспертов РФ. Соответственно, правонарушители, иные заинтересованные лица, фактически, оказываются лишены возможности ознакомиться с перечнем научных трудов конкретного эксперта, назначенного по данному делу судом, следователем и т. д. Фактически, тем самым происходит ограничение подобных лиц в реализации права на защиту. По ст. 198 УПК РФ такие лица вправе высказывать собственное мнение о кандидатуре конкретного эксперта.

Много претензий может быть высказано и по отношению к личностям, а также квалификации таких экспертов, исследовавших указанные материалы. Например, при признании материалов религиозного направления экстремистскими, зачастую, ограничиваются лишь заключением филологической (лингвистической) экспертизы, игнорируя потребность в качественной религиоведческой экспертизе. Например, для производства подобной экспертизы нами рекомендуется указывать конкретное наименование вероисповедания такого эксперта. Или — отмечать наличие у него атеизма. Собственное вероисповедание такого эксперта, несомненно, способно оказать весьма сильное влияние на процесс формирования выводов по конкретной судебной экспертизе. По нашему мнению, ст. 198 УПК РФ следует рекомендовать дополнить, применительно к регламентации процесса выбора конкретного судебного эксперта при назначении экспертизы по делам об экстремизме (делам, связанным с преступлениями в сфере нарушения конституционных прав на свободу вероисповедания). В нее можно внести указание на необходимость заранее, своевременно, уведомить соответствующих заинтересованных лиц о вероисповедании такого потенциального эксперта. Или о том, что выбранный эксперт придерживается атеистических взглядов. Круг подобных заинтересованных лиц уже очерчен в ст. 198 УПК РФ: подозреваемый, обвиняемый, его (ее) защитник, потерпевший.

Сегодня теология стала частью науки в РФ. По ней защищаются в отечественном диссертационном совете диссертации. Теология оказалась

признана в РФ научной специальностью. Соответственно, в данном отношении имеется некоторое движение российской практики и образовательного и научно-исследовательского правового поля в сторону достижения некоторых западноевропейских и северно-американских приоритетов.

Однако в итоге, фактически, нарушается равенство перед судом разных правонарушителей, обвиняемых в деликтах, связанных с религиозным экстремизмом в РФ. Это не является положительным фактором. В размещенных в свободном доступе в Интернете полных версиях образовательных программ высшего и послевузовского образования как по праву, так и по филологии, так и по теологии, так и по философии — отсутствуют указания об изучении студентами таких экспертных методик. Точно узнать, будет ли отнесено конкретное изречение, допущенное правонарушителем, к числу экстремистских экспертом в РФ, не всегда оказывается возможным в оперативном порядке. Иногда подобные заинтересованные лица такую информацию могут узнать, лишь прочитав текст соответствующего заключения эксперта. Даже проверить соответствие точности примененной при этом методике защита не сможет, ибо не имеет доступа к тексту такой методики. Сложно допустить возможность целесообразности существования закрытой методики производства столь критических по своему значению судебных экспертиз, как филологические (лингвистические). Методические рекомендации [7], на которые ссылаются в своих заключениях такие эксперты, представляется целесообразным четко отграничивать от документации, регламентирующей особенности оперативно-розыскной деятельности. Методика организации и проведения судебной экспертизы, как минимум, четко и однозначно должна быть официально опубликована.

Еще более острая проблемная ситуация складывается с методикой производства в современной России судебной религиозоведческой экспертизы. В очередной раз приходится согласиться с мнением О. Р. Авериной, И. Н. Цюпко, обоснованно отмечающих фактическое отсутствие в России методики организации и производства судебной религиозоведческой экспертизы [1].

В итоге, фактически, заведомо обоснованно предсказуемыми оказываются проблемы, связанные с судебными перспективами конкретных актов российских судов, вынесенных по делам, по которым производились подобные судебные религиозоведческие экспертные исследования. Здесь, по нашему мнению, стоит принять меры к оперативной разработке и опубликованию, по итогам надлежащей научной полемики, методики организации и проведения судебной религиозовед-

ческой экспертизы в России. Возможно, позитивное влияние на подобное создание методики экспертного исследования сможет оказать и опубликованное научное творчество, связанное с анализом смежных проблем [4].

По итогам разработки, принятия и опубликования указанной экспертной методики целесообразным может оказаться внесение соответствующих изменений и (или) дополнений и в рабочую программу по дисциплине «Религиоведческая экспертиза» для магистров по направлению подготовки: «47.04.03 — Религиоведение» [5]. Подготовка таких магистров, в частности, осуществляется на философском факультете Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского в настоящее время по очной форме обучения. Похожие изменения и дополнения могли бы оказаться внесенными и в соответствующие методические рекомендации, активно используемые в процессе осуществления учебного процесса [4].

В современной криминалистике в России это можно отнести к проблемам валидации экспертных методик.

Похожие и вытекающие из этого проблемы связаны и с валидацией квалификации и мировоззрения экспертов. Это можно решить в процессе совершенствования содержания различных элементов (проявлений) политики в сфере судебно-экспертной деятельности [2]. Деятельность по изучению подобных явлений общественной жизни современной России вполне заслуживает отдельного самостоятельного научного исследования в будущем.

Список литературы

1. *Аверина О. Р., Цюшко И. Н.* Проблема правового статуса судебной религиоведческой экспертизы // *Власть и управление на Востоке России*. 2016. № 2 (75).
2. *Аристеев М. С.* Государственная политика в области судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве // *Вестник Российской таможенной академии*. № 1. Люберцы: РТА, 2017. С. 159–165.
3. *Воронцов А. В., Прилуцкий А. М.* Методологические проблемы религиоведческой экспертизы // *Труды Академии управления МВД России*. № 4 (44). М.: Академия управления МВД РФ, 2017. С. 13–18.
4. *Загребина И. В.* Религиоведческая экспертиза: учебник для бакалавриата и магистратуры / И. В. Загребина, А. В. Пчелинцев, Е. С. Элбакян. М.: Издательство Юрайт, 2018. 449 с.
5. *Кутырева И. В.* Рабочая программа дисциплины «Религиоведческая экспертиза» по направлению подготовки: 47.04.03 «Религиоведение» для магистров

очной формы обучения. Саратов: СГУ, 2016. Цит. по: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/education/programs/2017/03/religiovedcheskaya_eksper-tiza.pdf (дата обращения: 18.03.2019).

6. *Кутырева И. В.* Религиоведческая экспертиза. Методические рекомендации для магистров очной формы обучения по направлению подготовки: 47.04.03 «Религиоведение». Саратов: СГУ, 2016. Цит. по: СГУ: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/1595.pdf (дата обращения: 18.03.2019).
7. Методические рекомендации по выявлению в текстах призывов к осуществлению экстремистской деятельности, высказываний, содержащих негативные установки, отрицательные эмоциональные оценки, оскорбительные и унижительные характеристики, высказываний, направленных на обоснование и оправдание экстремистской деятельности М.: Институт криминологии ЦСТ ФСБ России, 2012.
8. *Панин С. А., Козлов М. В.* Религиоведческая экспертиза в России: проблемы и перспективы // Религиоведение. № 1. 2016. С. 77–109.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Колотов В. Н.

Актуальные проблемы региональной безопасности на ближних и дальних рубежах России

Kolotov V. N.

Actual problems of regional security on the near and far borders of Russia

Аннотация. В статье исследовано актуальное состояние (а также проведено ретроспективное исследование) созданной вокруг России в интересах ряда западных государств «дуги нестабильности».

Annotation. The article investigates the current state (as well as a retrospective study) created around Russia in the interests of a number of Western countries «arc of instability».

Ключевые слова: Россия, дуга нестабильности, Евразия.

Key words: Russia, arc of instability, Eurasia.

Процессы дестабилизации по периметру российских границ и глубокое переформатирование геокультурных пространств в ключевых регионах Евразии создает особые вызовы для безопасности РФ, которые не могут быть отражены только традиционными вооруженными силами. В условиях очевидной слабости «мягкой силы», демонизации РФ в западных и восточных СМИ, сокращения количества говорящих на русском языке даже в ближнем зарубежье, а также отсутствия влиятельного лобби за рубежом необходимо усиление экспертной составляющей, что подразумевает тщательное изучение угроз нового типа и разработку эффективных мер по их отражению.

Начальник Генерального штаба Вооружённых Сил РФ генерал армии В. В. Герасимов, выступая на общем собрании Академии военных наук, отметил, что «фундаментальной основой практической деятельности стратегии является создание системы исследования прогнозных сценариев развязывания и ведения военных конфликтов. Именно обоснованный

прогноз сценариев возможных конфликтов служит исходными данными для разработки форм и способов применения Вооружённых Сил» [1]. Поясняя свою мысль, он добавил, что «принцип предотвращения войны заключается в предвидении развития военно-политической и стратегической обстановки в интересах своевременного выявления военных опасностей и угроз и своевременного реагирования на них» [1]. Аналогичная мысль была высказана древнекитайским стратегом Сунь-цзы в ставшем классическом трактате «Искусство войны»: «Кто — еще до сражения — побеждает предварительным расчётом, у того шансов много; кто — еще до сражения — не побеждает расчётом, у того шансов мало» [3, 17–18]. Таким образом важность профессиональной экспертной деятельности в деле изучения нынешних и будущих угроз, а также способов их парирования представляется критически важной.

В настоящее время достаточно распространено мнение, что в Евразии существует множество различных конфликтов, однако делается это так, что все эти реальные и потенциальные противоречия рассматриваются изолированно, вне связи друг с другом, в то время как в рамках концепции системы дуг нестабильности данная проблематика представлена системно, показаны причинно-следственные связи между дестабилизацией в различных регионах — от Восточной Азии до Северной Африки. Такой подход позволяет провести более взвешенный и сбалансированный анализ проблем евразийской безопасности. Это очень существенное методологическое отличие подхода с использованием концепции дуг нестабильности от других концепций, применяемых к изучению проблем региональной безопасности.

В 2010 г. один из наиболее информированных в области безопасности экспертов — генерал-майор КГБ СССР, который в своё время возглавлял управление нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР (Управление «С»), Ю. И. Дроздов отметил, что «доктрина полномасштабного доминирования предполагает контроль Пентагона над “дугой нестабильности” от Африканского Рога до Западного Китая» [2, 172–173]. С тех пор прошло восемь лет, и сегодня мы имеем дело уже с целой системой, состоящей из 8 сегментов евразийской дуги нестабильности, которые охватывают основные регионы Евразии — от Тихого до Атлантического океанов и от Северного Ледовитого до Индийского. Такого механизма внешнего контроля Евразия ещё не знала.

В Евразии нет формального механизма обеспечения безопасности, но есть неформальный — система дуг нестабильности, в которую развилась евразийская дуга нестабильности. Именно эта система дуг нестабильности позволяет держать под контролем наиболее ретивых и амбициозных представителей Евразии — в том числе, руками тех, кто

уже утратил суверенитет и полностью подконтролен внешним силам. Состояние этого феномена определяет основные параметры геополитического климата в ключевых регионах Евразии. Его цель — обеспечение безопасности одних за счёт уязвимости других.

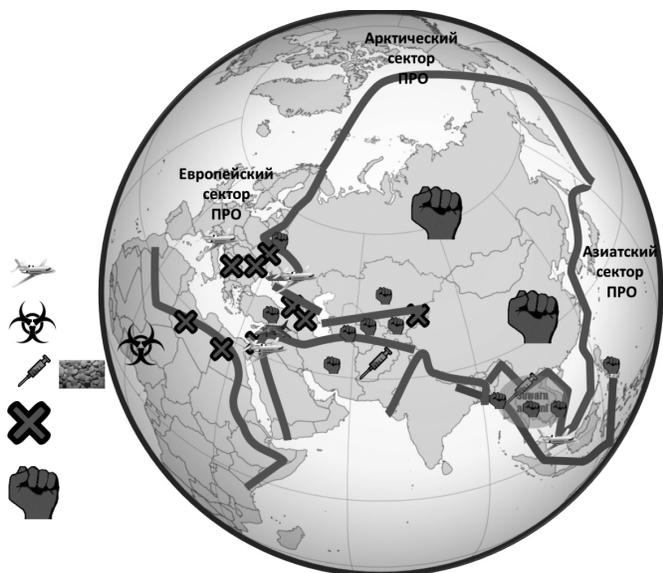
Итак, основным механизмом, который обеспечивает уязвимость основных субъектов евразийской геополитики, является система дуг нестабильности, состоящая из следующих основных сегментов: Восточноевропейского, Кавказского, Ближневосточного, Североафриканского, Центральноеазиатского, Южноазиатского, Восточноазиатского и Арктического. Очевидно, что появление такой системы не является результатом случайного стечения обстоятельств.

Создание вокруг нашей страны системы дуг нестабильности, которые производят нестабильность и экспортируют ее в направлении РФ и других субъектов евразийской геополитики, представляет собой критическую угрозу для национальной безопасности нашей страны. Игнорирование этих данных может привести к тяжелым последствиям в области национальной безопасности. На основе проведенного анализа прогнозируется дальнейшее ухудшение ситуации в области безопасности вокруг РФ, поскольку стратегическая инициатива предоставлена противнику, отсутствует комплексное противодействие системе дуг нестабильности, которая состоит из восьми сегментов разной степени готовности. Работа в области разработки эффективной контрстратегии пока не видна, поиск реальных и потенциальных союзников на международной арене идет неэффективно.

Ещё в VI в. до н. э. выдающийся китайский стратег Сунь-цзы в своём трактате «Искусство войны» вывел следующее правило: «Самая лучшая война — разбить замыслы противника. На следующем месте — разбить его союзы. На следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости» [3, 20; 4]. Согласно концепции Сунь-цзы, воздействие оказывается на четырёх стратегических уровнях: 谋 (замыслы), 交 (связи/союзы), 兵 (войска) и 城 (города). Пока наблюдается лишь активное противодействие только на самом низком стратегическом уровне «военные действия» на территории третьих стран, что, конечно, лучше, чем воевать на собственной территории, но этого недостаточно для победы в современной гибридной войне.

Создатели системы дуг нестабильности попытались существенно изменить суть известного пророчества «Посеявший ветер пожнёт бурю» (Книга пророка Осии. 8, 7) таким образом, чтобы они могли безопасно сеять «ветер», а «бурю» пожинали бы их противники. При этом часть военных действий ведется чужими руками. Для этого используются так называемые «проху», которые закамouflированы под террористов и экстремистов всех мастей.

Для РФ подобная конфигурация системы дуг нестабильности представляет значительную опасность по той причине, что «партнёрам» фактически предоставлен карт-бланш для подготовки и нанесения удара с любой или одновременно с разных сторон, что не позволяет сконцентрировать усилия на наиболее опасных направлениях.

Карта: Конфигурация системы дуг нестабильности в 2019 г.

В зависимости от положения страны или региона относительно сложившейся на данный момент конфигурации дуг нестабильности можно определить, кто на чьей стороне и в какой роли будет принимать участие в очередном раунде «Большой игры». Многие участники пока не определились и находятся как бы на грани, т. е. под давлением с разных сторон, что, очевидно, вносит элемент неопределённости в конфигурацию будущих геополитических битв. Некоторые «фигуры» не раз под

давлением обстоятельств и внутренних причин будут метаться, играя на стороне то одного, то другого игрока.

Основное предназначение системы дуг нестабильности — торпедирование неподконтрольных интеграционных проектов (ЕАЭС, Северный морской путь, Один пояс — один путь, Восточноазиатское энергетическое суперкольцо и пр.), а также защита от появления влиятельного геополитического конкурента в Евразии. Суть этой политики состоит в том, чтобы разделить Евразию на изолированные, ослабленные и зависимые от внерегиональных игроков сектора. Реализация данного курса ведёт к дестабилизации Евразии, ослаблению и изоляции её ключевых регионов. Таким образом, система дуг нестабильности угрожает всем без исключения инфраструктурным проектам евразийского масштаба, в то время как западные проекты ТПП и ТАИП не затрагивают эту систему, а наоборот дополняют её, «высасывая» из Евразии ресурсы в пользу США и выдавливая конкурентов вглубь расчлененного и фрагментированного континента.

Надо чётко понимать, что тянущиеся к нам с разных сторон «щупальца» сегментов евразийской дуги нестабильности действуют не сами по себе, а являются порождением системы дуг нестабильности, которая дестабилизирует евразийское пространство в ключевых регионах, одновременно нарушая связи внутри и замыкая на себя западную и восточную периферии в рамках альтернативных интеграционных проектов ТПП и ТАИП, через которые сегменты дуги нестабильности, кстати, не проходят.

События последних лет убедительно показывают, что передел зон влияния, возникший вследствие дезинтеграции СССР, уже не устраивает основных игроков, и начался новый раунд геополитических игр наиболее мощных игроков за создание новой конфигурации мирового порядка. При этом основным полем битвы вновь стала Евразия, в том числе зона ответственности ОДКБ.

Наши западные «партнёры» на евразийском пространстве проводят политику «разделяй и властвуй», в то время как страны Евразии зачастую способствуют этому, предпочитая интриговать друг против друга, тем самым создавая условия для ослабления евразийских субъектов геополитики. Преодоление сложившегося положения видится в сплочении ответственных стран Евразии, прежде всего стран членов ОДКБ.

В РФ на нормативном уровне прописаны лишь угрозы второго уровня, порожденные системой дуг нестабильности. А если основная угроза первого уровня не прописана на нормативном уровне, то работы по противодействию ей не ведутся, и мы, постоянно отступая, будем тратить

ресурсы на парирование угроз второго уровня, т. е. бороться не с причиной, а с порожденными ей симптомами, что и происходит в настоящее время.

Список литературы

1. Герасимов В. В. Векторы развития военной стратегии [Электронный ресурс] // Красная звезда. 2019. 4 марта. URL: <http://redstar.ru/vektory-razvitiya-voennoj-strategii> (дата обращения: 21.03.2019).
2. Дроздов Ю. И., Маркин А. Г. Операция «президент». От «холодной войны» до «перезагрузки». М., 2010.
3. Сунь-цзы. Искусство войны / пер. Н. И. Конрад // Искусство войны: Антология военной мысли. СПб.: Амфора, 2009. С. 17–18.
4. 孫子兵法 (Сунь-цзы. Искусство войны) // URL: <http://www.thetao.info/artofwar.thetao.info/china/chinatext.htm> (дата обращения: 27.11.2016).

Субетто А. И.

Прогноз ноосферно-геополитической трансформации мира

Subetto A. I.

Forecast of the noosphere-geopolitical transformation of the world

Аннотация. Раскрываются основные тенденции, основания и логика ноосферно-геополитической трансформации мира, которая охватит весь XXI век. Показывается, что сложившиеся подходы к геополитическим прогнозам в США, Китае, Западной Европе и России имеют краткосрочный характер и, как правило, не замечают вступившей в «свои права» Большой Логике Социоприродной Эволюции и наступающей Эры Ноосферной Геополитики.

Ключевые слова: прогноз, геополитика, ноосфера, ноосферизм, капитализм, социализм, рынок, стихийность, управление, экономика, экология, логика, информация, энергетика, интеллект, разум, эволюция, развитие, кризис, катастрофа, цикл, парадигма.

Annotation. The main trends, foundations and logic of the noosphere-geopolitical transformation of the world, which will cover the entire XXI century, are revealed. It is shown that the existing approaches to geopolitical forecasts in the USA, China, Western Europe and Russia are of a short-term nature and, as a rule, do not consider the Big Logic of the Socio-Natural Evolution and the upcoming Era of Noospheric Geopolitics entering into “their rights”.

Key words: forecast, geopolitics, noosphere, noosphereism, capitalism, socialism, market, spontaneity, management, economy, ecology, logic, information, energy, intelligence, reason, evolution, development, crisis, catastrophe, cycle, paradigm.

1. Преамбула

Настоящая статья отражает содержание доклада (с более развёрнутой аргументацией) автора, который он представил на секционном заседании, посвященном теме «Геополитические аспекты экспертной деятельности», в рамках программы Международной научно-практической конференции «Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук». Конференция состоялась 22–23 марта 2019 года. Организаторы конференции — Петровская академия наук и искусств, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета и Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Доклад носил такое же название: «Прогноз ноосферно-геополитической трансформации мира».

Понятие «экспертиза» приобрело масштабное социолого-политическое значение, стало частью социологических, политологических, культурологических и правоведческих дискурсов в последние 30 лет [6; 12; 13; 15; 23; 35; 92; 93 и др.]. При этом в самом явлении доминирования «экспертных сообществ», в которых ученые имеют только определенный удельный вес, просматривается тенденция умаления экспертной функции науки как общественного института. В России этот процесс проявился в умалении или игнорировании со стороны государственных структур экспертной функции Российской академии наук (РАН), Российской академии образования (РАО), Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН) до момента слияния с РАН, Российской академии медицинских наук (РАМН) до слияния с РАН.

Ставя проблему «социального контроля и социального управления» [23, 31], А. Я. Флиер указывает на такие «управленческие процедуры», входящие в содержание этих понятий, как [23, 31]:

- «экспертиза партнеров различных социальных и культурных процессов, имеющих место в изучаемом обществе»;
- «диагностирование наиболее важных социальных и культурных проблем, актуальных для современного состояния общества»;
- «разработка проектов и программ по решению этих социальных и культурных проблем и по предвидению социокультурных последствий принимаемых решений в рамках общего социального управления».

Вокруг понятия «экспертиза» продолжаются дискуссии. В условиях навязывания стратегами глобального империализма мировой финансовой капиталократии [26; 49; 51; 52; 59], идеологии «трансгуманизма» [95], отрицающей социокультурную память и, следовательно, функцию культуры как социально-исторической памяти народа и обеспечения его идентичности, исторического достоинства, исходя из идеала «неокочевников», «цивилизации рынка» и «строая Денег» (по Жаку Аттали)

[10; 11; 16; 25; 33; 35; 38; 50–52; 57; 59; 78], «экспертиза» приобретает содержание «игры», а также обретает функцию механизма «диктатуры просвещенных» — механизма по манипуляции сознанием [15; 25; 26; 31; 41; 44; 50; 51; 52; 57; 59; 73; 86; 87; 92; 95]. Е. В. Листвина прямо указывает на «двойственность экспертизы и самого эксперта», о том, что «экспертиза может приобретать элементы постмодернистской игры» [23, 126–127], что, на взгляд автора, связано с потерей в рамках её подчинения механизмам сохранения строя капиталократии, вернее — Социальной Капитал-Мегамашины (понятие «Капитал-Мегамшины» впервые введено автором в его теории капиталократии [26; 49; 51; 52; 59]), своей главной функции — раскрыть истинные состояние и тенденции в «объекте экспертизы», что особенно ярко проявляется, если таким «объектом» служат социальные и исторические процессы в обществе, в экономике и в мире.

Об использовании «института экспертов» как механизма информационной и экономической войн мировой финансовой капиталократией США свидетельствует Дж. Перкинс в книге «Исповедь экономического убийцы» [32], ставшей международным бестселлером. Фактически речь идёт о создании спецслужбами США специфических корпусов экономических экспертов (выступающих советниками правительства в разработке стратегий развития «развивающихся стран» и превращающих их в экономические колонии глобального империализма США), которые предстают механизмами экономической колонизации.

Рефлексируя над разоблачениями Дж. Перкинса, А. А. Ждановская замечает [10, 43–44]: «Перкинс, который в качестве “экономического убийцы” строил в странах третьего мира по заданию спецслужб современный колониализм в интересах правительства США, концернов и банков, описывает эту систему и роль в ней Всемирного Банка: “...**Экономические убийцы — это высокопоставленные эксперты, которые обворовывают страны во всём мире на миллиарды долларов. Они перекачивают деньги Всемирного банка, Американского министерства международного развития (USAID) и других иностранных организаций, которые якобы должны помочь и развить бедные страны, на счета известных концернов и в карман нескольких богатых семей, которые контролируют ресурсы нашей планеты.** Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчётностью, подтасовка на выборах, секс и убийства. Их игра стара так же, как и власть, но сейчас, в век глобализации, она обрела новые пугающие размеры. Я знаю это — я был экономической убийцей... Мы строим империю. Мы — элита из мужчин и женщин,

которые используют финансовые организации для того, чтобы создать условия, чтобы подчинить другие страны корпоратократии. Как в мафии, за свои услуги экономические убийцы требуют выполнения своих требований» (выдел. нами. — С. А.).

Эта ситуация, когда «эксперты» представляют собой механизм манипуляции сознанием, в том числе сознанием политических элит так называемых «развивающихся» стран, а по сути — экономических колоний в системе глобального империализма [26; 42; 44; 52; 53], ещё более усиливает остроту проблемы идентификации «экспертизы» как социального явления с научно-объективных позиций.

Особенно острой становится проблема геополитических экспертиз, и прогнозов — как неотъемлемой части таких экспертиз, на долгосрочную перспективу.

Здесь разворачивается своеобразная битва между «Анти-Разумом» мировой финансовой капиталократии [73], ставящей своей целью — самосохранение любой ценой, даже за счет гибели 4/5 населения Земли, и истинным «Разумом» человечества, в том числе истинной наукой, за Будущее, за разработку стратегии развития человечества, адекватно соответствующей императиву экологической выживаемости человечества, как императиву выхода из Экологического Тупика Стихийной Истории в форме уже состоявшейся первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы [19; 21; 27; 38; 42–44; 46–48; 50–54; 56; 58; 66; 68; 69; 74; 79; 83; 85; 86; 87; 90].

Именно исходя из указанной рефлексии, автор и определил в качестве ведущей проблемы своего научного доклада «**Прогноз ноосферно-геополитической трансформации мира**».

2. Сложившиеся подходы к геополитическим диагностикам, экспертизам, прогнозам

Если поставить перед собой задачу — охарактеризовать сложившиеся, с позиций методологии, парадигмы геополитических экспертиз, диагностик и прогнозов, то они, эти парадигмы, могут быть описаны следующими доминирующими чертами, признаками, свойствами, подходами.

Первое. Это доминирование линейных прогнозов (т. е. на базе линейной экстраполяции сложившихся тенденций) изменений геополитической структуры мира.

При этом главным «фокусом» таких прогнозов служит исходное положение о доминировании США (в терминологии авторской теории капиталократии и глобального империализма [26; 37; 42; 44; 52,50; 53;

68; 85] — о доминировании глобального империализма мировой финансовой капиталократии США), с обсуждением факторов, тенденций, появления новых геополитических акторов (например, скачок в росте экономического могущества Китая, который выдвинул его на роль главного геополитического конкурента США в их стратегии на установление своего мирового господства над ресурсами мира), угрожающих этому доминированию.

Именно в этой «логике» выстраивался геополитический прогноз — «глобальные тенденции развития человечества до 2015 года», — разработанный представителями целого ряда аналитических организаций США и Великобритании — Мэрилендского университете, ЦРУ, Международного института стратегических исследований в Лондоне, Потомакского института, разведывательного управления министерства обороны, Университета национальной обороны, Гарвардского университета и других — под руководством Национального Разведывательного Совета США в 1999 году [1]. В основу положена модель, учитывающая якобы «ключевые факторы» [7, 10]: (1) демографические тенденции, (2) природные ресурсы и окружающую среду, (3) науку и технологии, (4) мировую экономику и глобализацию, (5) национальные и интернациональные власти, (6) будущее конфликты, (7) роль США. Интересно высказывание авторов доклада: «Методология пригодна для достижения наших целей, хотя, надо признаться, недостаточно строга для социологов» [7, 11]. Главным методологическим фактором в этом прогнозе служит установка на развитие военного могущества США и военный диктат воли США остальному миру, т. е. **военная глобально-империалистическая установка**. Об этом свидетельствует, например, такое положение этого прогноза: «Конкуренты и противники США осознают насколько космос важен для военной мощи США...» [7, 84].

Второе. Это доминирование технологических и рыночно-экономических детерминизмов с акцентом на сохранение либерально-рыночной доктрины развития мировой экономики [2; 4; 5; 6; 13; 20; 32; 18]. При этом автор широко трактует разные разновидности технологических детерминизмов, относя к этому классу прогностических геополитических сценариев и концепцию логики сменяемости технологических и мирохозяйственных укладов С. Ю. Глазьева [5], и разные постмодернистские схемы взглядов на тенденцию становления нового технократического будущего, включая и мировоззренческую систему «трансгуманизм» [95], и другие.

С. Ю. Глазьев [5] раскрывает логику отношения к будущему США, вернее — глобального империализма США, которая исходит из установки на развязывание последней мировой войны, которую США на-

чинают и проигрывают также, как в своё время начал Вторую мировую войну германский империализм (в форме гитлеровского фашизма) и проиграл, капитулировав перед странами — победителями: СССР, США, Британией и Францией. **С. Ю. Глазьев начатую США геополитическую войну за своё господство над миром, над его ресурсами, в том числе ресурсами России, назвал символически: «Последняя геополитическая партия: США начинают и проигрывают»** [5, 7].

Он указывает, что в эту новую мировую войну капиталократии США за мировое господство входит и идеологическая война. Её инструменты ярко проявились в американизации массового сознания на Украине с одновременным культом русофобии. «Процесс идеологического порабощения украинцев не был стихийным. Как показано в ряде исследований, он направлялся, организовывался и финансировался из США. Тысячи американских и европейских неправительственных организаций вели постоянную работу с различными слоями украинского общества, выращая его новую элиту на антирусской идеологии. К концу президентства Ющенко, подготовленные ими русофобы заполнили все республиканские СМИ, захватили ключевые позиции во всех органах власти, нацистская идеология проросла в системе образования» [5, 145].

Косвенно, С. Ю. Глазьев подтверждает империалистическую природу современного мирового капитализма и что после демонтажа СССР в конце 1991 года (см., например, [5]) и «шоковой терапии» по Гайдару, и приватизации социалистической собственности по Чубайсу, Россия превратилась в экономическую колонию системы глобального империализма мировой финансовой капиталократии [26; 38; 40; 44; 49; 51; 57; 61; 65; 66; 68; 77; 78; 84].

Он отмечает [5, 366]: **«Опыт кризиса 2008 года выявил высокую степень зависимости, а следовательно, — и уязвимости российской экономики на мировом финансовом рынке, регулирование которого осуществляется дискриминационными для нашей страны способами, включая занижение кредитных рейтингов** (мое замечание: вот пример использования экспертных оценок в форме рейтингов в стратегии экономического закабаления России. — С. А.), предъявления неравномерных требований по открытости внутреннего рынка и соблюдения финансовых ограничений (мое замечание: это и есть стратегия рыночного геноцида России, управляемая «анти-разумом» [73] глобального империализма. — С. А.), навязывание механизмов неэквивалентного внешнеэкономического обмена, в которых Россия теряет около 100 млрд долларов (мое замечание: а это и есть пример действия механизма экономического колониализма, как одной из сторон системы глобального

империализма [44]. — С. А.). В том числе, около 60 млрд долл. уходит из страны в форме сальдо по доходам от иностранных кредитов и инвестиций и около 50 млрд долл. составляет нелегальная утечка капитала. Накопленный объем последней достиг 0.5 трлн долл., что в сумме с прямыми иностранными инвестициями российских резидентов составляет около 1 трлн долл. выведенного капитала).

Третье. Это взгляд на развитие геополитической эволюции мира через «логику» перехода геополитической войны против СССР («холодной войны») в геополитическую войну против России, особенно с обострением в период — с 2016 года по 2025 годы — и с высокой вероятностью перерастания в «горячую войну» [5].

В качестве подготовки войны против России США уже де-факто развязали против неё наркотическую войну, используя для этой цели Афганистан, который под их патронажем стал главным мировым производителем героина. После американской оккупации Афганистана «контролируемые спецслужбами потоки наркотиков в Россию и Европу увеличилось в 44 раза. Примечательно, — замечает С. Ю. Глазьев, — что под нажимом мирового сообщества к 2001 году власть талибов сама практически свела к нулю производство наркотиков. На сегодняшний день 92% мирового производства героина сосредоточено именно в Афганистане, а 21% мирового потребления приходится на одну только Россию» [5, 94]. **Это пример империалистической геополитики США, применяющей против России, как геополитического противника, особый тип биохимической войны — наркотической войны.**

Четвертое. Это доминирование географического детерминизма и постулата, что захват «мирового пространства», экспансия в нём составляет основу геополитики и геополитической конкуренции, причем конкуренции между лидерами «морских» и «континентальных» цивилизаций. Данная парадигма является, в основном, выражением англо-американской геополитической «когнитивной матрицы».

И. Ф. Кефели и Д. И. Кузнецов так характеризуют эту парадигму [17, 49]: «Программа мирового пространства как единого организма сформировалась на признании мирового лидерства в качестве ведущей ценности мировой политики (мое замечание: на самом деле — это геополитический камуфляж империализма, империалистической политики, как основы воспроизводства капитализма, которое без эксплуатации экономических колоний существовать не может [26; 51; 59; 44]. — С. А.). Твердым ядром данной программы является утверждение, согласно которому в мировом пространстве существуют ключевые зоны,

а контроль над ними обеспечивает мировое лидерство. **В качестве мировоззренческих предпосылок этой программы выступают прагматизм, реализм, географический детерминизм, социал-дарвинизм.** Данная программа реализовалась в англо-американской геополитике, основными представителями которой явились А. Мэхен, Х. Макиндер, Н. Спайкман, Д. Мейнинг, З. Бжезинский» (выдел. нами. — С. А.).

В основе англо-саксонской, и в целом в современное время — англо-американской, геополитики лежит стратегия овладения Россией, которую Макиндер в статье «Географическая ось истории» (1904 год) охарактеризовал как «хартленд». Используя модели А. Мэхена («стратегия анаконды», предлагающая использование Морской Силы США для окружения противника по линии его морских рубежей и затем постепенного сдавливания кольца) и Х. Макиндера (который в книге «Круглая планета и завоевание мира», увидевшей свет в 1943 году, поставил стержнем геополитики Великобритании борьбу против России), **геополитика глобального империализма США видит главным врагом Россию: только убрав её с геополитической карты мира, можно браться за расправу с Китаем** [44]. Николас Спайкман в работах «Стратегия Америки в мировой политике» (1942) и «География мира» (1944) сформулировал кредо стратегии американского империализма — империализма строя мировой финансовой капиталократии [44]: «Кто контролирует Евразию, тот контролирует судьбу всего мира» [17, 52].

Здесь можно указать на монографию «Безопасность в геополитике: теоретические и методологические аспекты» (2017; авторы — В. С. Артамонов, Г. К. Артамонова, В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко, И. А. Малый) [2], в которой достаточно убедительно раскрыты тупики в обеспечении безопасности в мировом геополитическом пространстве, раздираемом противоречиями между странами метрополии системы глобального империализма и странами «периферии» этой системы, которые глобальный империализм пытается держать в состоянии своих экономических колоний. Авторы этой монографии указывают на принципиальное различие в подходах, например, США, Великобритании, стран НАТО и России, Китая, к обеспечению укрепления геополитической безопасности. Эксперты стран Запада, т. е. стран метрополии системы глобального империализма, пытаются подвести теоретическую базу под реальную геополитику этих стран, исходя из системы западных ценностей, которую они пытаются навязать как основу переговорных процессов в этой сфере.

Пятое. Это становящаяся ноосферная геополитика, которая развивается автором как часть разработанной им теоретической системы Ноосферизма [26; 38; 59; 43; 44; 47; 48; 52; 54; 56; 58; 60; 61; 65; 66; 68; 86; 67; 70; 71; 79; 81; 87; 88; 90].

Ноосферная парадигма геополитики как науки возникает в начале XXI века [54; 59; 61; 86; 87; 93] и предстает как один из результатов ноосферной парадигмальной — или вернадскианской — революции во всей системе научных знаний, в научных основаниях человеческого разума [18; 29; 30; 36; 39; 40; 45; 55; 56; 58; 59; 64; 65; 67; 72; 75; 83; 84; 90], которая в свою очередь, по автору, есть научно-теоретическое обеспечение ноосферной социалистической революции, которая охватит, по прогнозу автора, весь XXI век [66]. В работе «Ноосферная глобализация как альтернатива капиталистической глобализации» (2012) [61] автор поставил проблему становления «ноосферной глобалистики», которая последовательно вытекает из теоретической системы Ноосферизма [61, 3]. А. П. Федотов в своей «Глобалистике» наиболее близко подошел к такой постановке. Он указал на тот факт, связанный с глобальным состоянием человечества, что «впервые в истории человечества Земля и её биосфера вступили в принципиально новую антропогенно перегруженную эпоху. Мир как единство биосферы и человечества становится запредельным миром. Это стало квинтэссенцией, сущностью современности» [54, 5]. К этому только можно добавить и сущностью современной геополитики, которую те, кто ведут аналитические исследования в пространстве геополитики как науки, так это не осознали.

Происходящая ноосферная парадигмальная или вернадскианская революция в системе научного знания меняет и всю систему оснований под теоретическим «зданием» геополитики, превращая её в ноосферную геополитику, сопряженную с ноосферной глобалистикой. Без теоретического осознания этого факта геополитическая экспертиза в своей прогностической функции, да еще, если мы хотим осмыслить миссию XXI века, будет оставаться «слепой».

3. Миссия XXI века

Прогноз ноосферно-геополитической трансформации мира, таким образом, с одной стороны — вытекает из ноосферной парадигмы геополитики, в свою очередь связанной с предстоящим ноосферно-социалистическим преобразованием мира как механизмом реализации стратегии выживания человечества [26; 36; 39; 40; 42–44; 47; 48; 56; 58; 61; 63; 66; 67; 70; 71; 72; 76; 81; 86; 88], а с другой стороны — следует из всей теоретической системы Ноосферизма, в частности — ноосферной парадигмы универсального эволюционизма, разработанных автором [37; 39–41; 45–47; 55; 56; 58; 59; 61; 63–65; 69; 74; 75; 77; 82; 84–86; 89; 90 и др.].

Все геополитические картины мира и прогнозы их динамики, основанные на утверждении сохранения рыночно-капиталистического мироустройства, находятся под действием Экологического Отрицания, как и вся рыночно-капиталистическая система бытия человечества [26; 38; 41; 43; 44; 50; 52; 54; 59; 61; 62; 65; 70; 82; 84; 85; 87; 88].

Чтобы правильно подойти к осмыслению предназначения XXI века в логике исторического развития человечества во взаимодействии его с Биосферой, необходимо ответить на вопрос: почему именно в XX веке, не раньше и не позже, возник глобальный экологический кризис, затем перешедший в катастрофическую фазу — первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы? Какой закон, неизвестный доселе, «сработал», породив наступление Экологических Пределов в развитии человечества?

Ответ на эти вопросы был представлен автором в первом варианте в монографии «Ноосферизм» в 2001 году [59], и затем он был развит в серии работ, таких как «Эпоха Великого Эволюционного Перелома» (2007), «Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма: ноосферно-социалистический прорыв или экологическая гибель человечества?» (2010), «Манифест ноосферного социализма» (2011), «Идеология XXI века» (2014), «Революция и эволюция» (2015), «Управленческий разум и новая парадигма науки об управлении» (2015), «Роды Действительного Разума» (2015), «Ноосферная социалистическая революция XXI века» (2016), «Ноосферизм — новая обобщающая научная идея и новая парадигма истории» (2017), «От учения Карла Маркса — к Ноосферизму XXI века» (2017), «200-летие К. Маркса и грядущее 150-летие В. И. Ленина: ноосферизм или ноосферный социализм: “повестка дня” на XXI век» (2018), «Ноосферная Россия: стратегия прорыва» (2018), [37; 47; 54; 65; 66; 69; 74; 75; 86; 83; 87; 90].

Уже в «Ноосферизме» (2001) автором обоснована **новая, ноосферная парадигма универсального эволюционизма**, вытекающая из разработанной автором теоретической системы системогенетики, в частности **из утверждения, что в любой прогрессивной, т. е. сопровождающейся ростом сложности (кооперативности) эволюционирующих систем, эволюции существует антипод закона конкуренции — закон кооперации.**

«Закон кооперации — закон прогрессивной эволюции или эволюции, сопровождающейся усложнением систем, равной по своей значимости закону конкуренции...»

Кооперация всегда имеет синергетический эффект не только за счет увеличения свободной энергии и её более экономичного использования в пользу кооперирующихся элементов-систем, но главным образом

за счет увеличения свободной информации и развития «интеллекта» кооперативной системы...

В XX веке происходит скачок в энергетике хозяйствования человечества в десять в десятой-двенадцатой степени раз. Произошёл Большой Энергетический Взрыв в социальной эволюции человечества [...].

Синтез большой энергетики хозяйствования со стихийными регуляторами развития (Рынком, Войнами, Голодом, Частным Интересом и Частной Собственностью) в XX веке привёл к резкому возрастанию катастрофизма развития человечества, итогом которого стала **первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы к концу XX века.**

Наступил Кризис Классической всемирной Истории, наступил Кризис социально-атомарной модели общества, наступил предел стихийным регуляторам развития и их олицетворяющим Рынку и Конкуренции. Это означает, что наступил Предел, на фоне возросшей энергетики хозяйствования, гармонизирующей функции Биосферы. Возник императив выживаемости человечества в XXI веке. Реализация этого императива связана с предстоящим Третьим Большим Взрывом в социальной эволюции человечества — Большим Социо-ноосферно-кооперационным Взрывом, отражающим скачок в механизмах цивилизационного развития: от механизмов Конкуренции и Рынка — к механизмам Общественного Интеллекта и Кооперации.

Должна произойти смена доминант: от «конкурентной социальной эволюции» — к «кооперационной социальной эволюции».

Само появление первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы можно рассматривать как своеобразный «манифест» о выходе на «арену» Истории человечества **Большой Логикой Социоприродной Эволюции.** В монографии «Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие» (1994) автор выдвинул следующее теоретическое утверждение [81, 61–63]:

«Глубинное понимание кризиса Классической Истории, императива выживаемости человека как императива смены «парадигм истории» [...] неразрывно связано с выдвигаемым автором положением о сложной взаимосвязи Внутренней Логикой Стихийной Истории и Большой Логикой Социоприродной Эволюции, в развитии которой доминантой становится последняя. Большая Логика Социоприродной Эволюции может быть представлена в форме стадиализации цивилизационного развития по критерию энергетического базиса обменных процессов между обществом и природой. Вся предшествующая история по этому критерию разбивается на две «эпохи-цивилизации: эпоха “вещественной цивилизации” (от начала истории “хомо сапиенс”

и до начала XX в.) и эпоха “энергетической цивилизации” (XX в.). **Первый тип цивилизации** — это цивилизация малой “социоприродной энергетики”, когда главной энергетической силой хозяйствования была мускульная энергия человека, домашних животных, ветряных и водяных мельниц, простейших механических устройств. Промышленная революция в цивилизации Запада в XIX в. ситуацию кардинально не изменила: 99% энергетической вооруженности человека в среднем приходилось на вышеприведенные традиционные виды энергии и только 1% на новые типы энергии. По данным [14, 51], “в середине XIX столетия из всей энергии, производимой и потребляемой на Земле, 96% приходилось на мускульную энергию человека и домашних животных. Водяные колёса, ветряные мельницы и небольшое количество паровых машин в то время выработали всего лишь 4% энергии”. **Второй тип цивилизации** — это цивилизация большой “социоприродной энергетики”. Происходит скачок в энерговооруженности человека от 103 до 1012. Метод проб и ошибок как главный метод Стихийной Истории на фоне скачкообразного повышения энергетического потенциала осуществляемых человеческих проектов резко усилил катастрофизм развития...

Большая Логика Социоприродной Эволюции “спрессовывает” Внутреннюю Логичку Стихийной Истории... **Скачок в управляемости собственной Историей — императив в Большой Логике Социоприродной эволюции, императив выживаемости человечества».**

Что же произошло? — Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы поставила Предел всей Стихийной истории, в том числе всей рыночно-капиталистической системе. — Почему? — Потому что «большая энергетика» природопотребления мировым хозяйством в XX веке оказалась несовместимой с самой стихийной (рыночной) парадигмой исторического развития.

Действует открытый автором Закон — Закон опережения скорости роста энергетической мощи хозяйственного воздействия на Биосферу со стороны человечества скоростью роста прогностической мощи коллективного Разума (общественного интеллекта) человечества и качества управления будущим [83, 14]: «Чем больше со стороны социальной системы воздействие по своей энергетической мощи на Природу, тем больше требуется лаг упреждения последствий от этого воздействия, и соответственно — тем более долгосрочным должно быть управление будущим со стороны этой социальной системы». Этот закон можно еще назвать **Законом интеллектно-информационно-энергетического баланса.**

В цивилизации малой социоприродной энергетики, т. е. в эпохе мало-энергетической стихийной истории до XX века, действие этого закона

была ничтожным из-за малой энергетики хозяйственного воздействия на Природу. Этот закон, открытый автором, как и Большая Логика Социоприродной Эволюции, оставались как бы в «тени». История человечества после Неолитической революции как социальная эволюция, развивалась автономно, из Природы только черпая ресурсы. Человечество в стихийной парадигме бытия развивалось под защитой компенсаторных механизмов Биосферы, которые А. Л. Чижевским были названы **законом квантитативно-компенсаторной функции Биосферы**.

XX век, который можно назвать веком «энергетической революции» или «Большого Энергетического Взрыва», именно вследствие такого мощного скачка в энергетике хозяйственного воздействия на Природу, который в этот век произошёл, — стал веком, в котором указанный Закон интеллектно-информационно-энергетического баланса проявился негативно в форме **Интеллектно-информационно-энергетической асимметрии разума (ИИЭАР)** [51; 57; 59; 73; 75; 76; 83], отражающей вот эту несовместимость стихийных форм социально-экономического развития рыночно-капиталистической системы XX века и большой энергетики этой системы, ставшей таковой именно в XX веке, с которой она воздействовала на Природу Земли.

Наступили Экологические Пределы этой форме хозяйствования и соответственно Эпоха Великого Эволюционного Перелома, как Эпоха перехода к Ноосферной, Управляемой парадигме Истории человечества, на базе Ноосферного Экологического Духовного Социализма, — но Истории уже в форме управляемой социоприродной эволюции, в которой начинают выполняться императивы Большой Логики Социоприродной Эволюции, в том числе Закон биосферной, переходящей в ноосферную, гармонии [89] и Закон интеллектно-информационно-энергетического баланса. Итак, мы подошли к пониманию в чем состоит «миссия XXI века».

Миссия XXI века, как века Эпохи Великого Эволюционного Перелома, — это Ноосферная, и одновременно Социалистическая, Революция [66], которая предстаёт и как Ноосферная Человеческая Революция — Роды Действительного, т. е. Ноосферного, Разума человечества, способного управлять ноосферной — социоприродной — эволюцией [36; 39; 45; 47; 49; 55; 54; 59–61; 66; 67; 71; 72; 74; 75; 77; 83; 84; 87; 88; 90].

Роды Действительного Разума в XXI веке — и есть качественный скачок в миссии разума каждого человека на Земле и коллективного Разума — общественного интеллекта — всего человечества: от качества «Разум-для-Себя» — к качеству «Разум-для-Биосферы, Земли, Космоса».

Механизмами обеспечения таких «Родов», т. е. осуществления Ноосферной Человеческой Революции, по автору становится **научно-образовательное общество и научно-образовательная (научоёмкая, интеллектоёмкая, образованиеёмкая), управляемая (плановая) экономика**, в которых обеспечивается **ноосферно-ориентированный синтез науки и власти**, преодолевающий то «разделение науки от государства», о котором писал по отношению к современной России Ж. И. Алфёров [1; 39; 40; 45; 47; 54–56; 59; 60; 63; 65–68; 73; 75,77; 81; 83; 86; 88].

Научно-теоретическая рефлексия над причинами и основаниями выхода на «арену» Истории Большой Логики Социоприродной Эволюции со своим императивом выживаемости человечества (к концу XX века), как императивом смены всей Стихийной парадигмы Истории, включая всю сложившуюся капиталистическую формацию в форме системы глобального империализма мировой финансовой капиталократии, на базе доминирования Закона Конкуренции, **на Управленческую парадигму Истории («подлинную» историю на К. Марксу), но уже в виде управляемой социоприродной, т. е. ноосферной, эволюции**, на базе доминирования Закона Кооперации, — и привела к появлению ноосферной парадигмы универсального эволюционизма.

Ноосферная парадигма универсального эволюционизма поднимает онтологическую статусность миссии XXI века.

В чем состоит научная новизна предложенной автором эволюционной парадигмы? — В том, что она синтезирует в себе 3-и известные парадигмы [59]:

дарвиновскую (автор — Ч. Дарвин; наследственность, изменчивость, отбор; доминирование закона конкуренции),

кропоткинскую (автор — П. А. Кропоткин; в эволюции доминируют взаимопомощь, сотрудничество, любовь; А. И. Субетто предложил эту парадигму определить, как парадигму доминирования закона кооперации),

берговскую (автор — Л. С. Берг; теория номогенеза, состоящая в том, что существуют законы, которые направляют ход эволюции Биосферы на Земле по определенному руслу; таким законом, например, является закон цефализации Дана).

Основой синтеза этих трех парадигм стало авторское теоретическое обобщение, в форме утверждения о существовании двух метазаконных, определяющих «логику» хода прогрессивной эволюции [74, 44; 73, 22] (данная концепция автором развивалась в работах [39; 41; 45; 47; 55; 59; 62; 74,75; 83; 89]):

Метазакона Сдвига от доминанты Закона Конкуренции и механизма естественного отбора — к доминанте Закона Кооперации и механизма интеллекта;

Метазакона Интеллектуализации или «Оразумления» любой прогрессивной эволюции, в соответствии с которым наступление Ноосферного Этапа в космогонической эволюции человечества является Законом этих эволюций.

В соответствии с ноосферной парадигмой универсального эволюционизма XXI век, как век 3-го Большого Взрыва — Большого Социо-ноосферно-кооперационного Взрыва [59, 32], несет в себе миссию перехода (в рамках действия «Метазакона Сдвига») от социальной эволюции на базе доминирования Закона Конкуренции, т. е. от «Конкурентной Стихийной Истории», к социальной эволюции на базе доминирования Закона Кооперации, т. е. к «Кооперационной Управляемой Истории на базе общественного интеллекта или коллективного разума человечества», — и на её основе — Управляемой Социо-Биосферной, т. е. Ноосферной, Эволюции.

Это событие мирового масштаба; оно означает переход человечества к социальной организации воспроизводства своей жизни и своего коллективного разума на базе Ноосферного Экологического Духовного Социализма с одновременным обеспечением планетарной кооперации народов-этносов, живущих на планете Земля.

Можно ставить вопрос об Эпохе Великого Эволюционного Перелома как об эпохе ноосферной апологии человечества, потому что вся предшествующая стихийная история предстаёт как подготовка для перехода человечества в «царство подлинной истории», которая в XXI веке приобретает, под воздействием императива выживаемости — выхода из состояния первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, ноосферное содержание, т. е. обретает качество управляемой социоприродной эволюции.

В «Ноосферной апологии человечества» (2018) автор писал [60, 21]: «Апология Человечества Прошлым» уже состоялось, и она предстаёт как историческое возвышения Человека и Человечества к своему Космическому предназначению [88], за которым стоит историческое движение человечества к социальной организации жизни человека и общества на принципах социальной справедливости, общественной собственности на средства производства, ставящей предел эксплуатации человека человеком, т. е. на основе социализма, мира без войн и насилия.

Но эта “Апология Человечества Прошлым” тогда приобретает свою истинность, когда она подкрепляется “Апологией Человечества

Будущим”. А эта “Апология Человечества Будущим” требует Великого Отказа Человечества от ценностей рыночно-капиталистической системы его бытия и развития, которые уже завели его в Экологический Тупик Стихийной Истории в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, несущей в себе риск экономической гибели всего человечества на Земле, если сохранится рыночно-капиталистическая, эксплуататорская по своему содержанию, форма хозяйственного природопотребления».

Ноосферная апология человечества, которая и есть реализация императива экологического выживания человечества, включает в себя одновременно, как свой момент, планетарную кооперацию народов-этносов [71], что и означает собой переход к Кооперационной, Управляемой Ноосферной Эволюции — управляемой социоприродной эволюции.

В научном докладе на IV Всемирном Научном Конгрессе «Планетарная кооперация этносов — основа гармоничного развития человечества в XXI веке» (2012) автор указывал [71, 7]: «...императив планетарной кооперации этносов — это проявление глубокой закономерности социальной прогрессивной эволюции человечества на Земле, реализация которой есть необходимое условие его экологической выживаемости.

Но, чтобы планетарная кооперация этносов состоялась, вернее — закрепилась в социальной эволюции человечества, в соответствии с выявленным нами законом опережающей интеллектуализации (комментарий автора: в соответствии с Метазаконом Интеллектуализации или “Оразумления” прогрессивной эволюции. — С. А.), должен возникнуть **совокупный, коллективный разум и совокупный интеллект человечества**, реализующий управление взаимодействием человечества с Природой — Биосферой, Планетой Земля, в ближайшем будущем — с Солнечной Системой, с Галактикой, в целом с обозримой Вселенной.

Что такое общественный интеллект или совокупный интеллект общества? В разработанной мною теории общественного интеллекта он определяется так: **общественный интеллект есть единство науки, культуры и образования, реализующееся как механизм управления будущим со стороны общества, через функции управления будущим** — разработку стратегии развития, прогнозирование, планирование, проектирование, программирование и др.

Когда речь идёт о совокупном интеллекте человечества, то в этом случае речь идёт о планетаризации механизмов функционирования науки, культуры, образования, причём с выходом этих механизмов на уровень управления развитием всего человечества. Ноосферная

парадигма науки, культуры и образования в своём становлении в XXI веке и становление на их базе Ноосферы Земли в XXI веке — и есть форма реализации такой планетаризации.

Планетарная кооперация этносов имеет, таким образом, в XXI веке ноосферный вектор. Её предназначение — обеспечить человечеству гармоничное ноосферное развитие — управляемую социоприродную эволюцию».

Из этого следует, что в миссию XXI века входит, как часть ноосферной апологии человечества, как момент Ноосферной Социалистической Революции, в том числе ноосферной парадигмальной революции в науке, культуре, образовании [39], смена парадигм геополитики как науки и геополитики как механизма развития человечества: от геополитики в рыночное-капиталистическом формате, в том числе как стратегии держав — мировых лидеров в битве за господство над мировыми ресурсами, которая независимо от внутренних парадигмальных различий, остается в парадигме социал-дарвинизма, геополитической конкуренции, — к геополитике в ноосферно-социалистическом формате, в которой ведущей становится установка на доминирование Закона Кооперации, на кооперационное единство всего человечества в целях реализации стратегии выживания на Земле, выхода из Экологического Тупика Истории, возникшего именно как следствие доминирования рыночно-капиталистической системы хозяйствования, института капиталистической частной собственности и мировой финансовой капиталократии.

Этот переход к новой, ноосферной геополитике, который охватит весь XXI век, есть только одно из «измерений» содержания Ноосферной Социалистической Революции, которая, по прогнозу автора [66], охватит весь XXI век.

4. Ноосферно-геополитическая трансформация мира и роль России как инициатора такой трансформации

Особую геополитическую, или глобально-цивилизационную, функцию России, как евразийской общинной, с самой высокой энергетической стоимостью своей экономики и воспроизводства жизни общества (из-за «холодного климата» и суровых ландшафтно-географических условий), с самой большой территорией «месторазвития», — как центра устойчивости — неустойчивости мира, автор представил в виде целой концепции в ряде работ: «Россия и человечество на «перевале» Истории в преддверии третьего тысячелетия» (1999), «Мифы либера-

лизма и судьба России» (2001), «Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке» (2005), «Битва за Россию: 1991–2008 гг.» (2009), «Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке» (2010), «Самоутверждение России в XXI веке как лидера в ноосферном прорыве человечества...» (2011), «Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы» (2012), «Слово о русском народе и русском человеке» (2013), «Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика» (2013), «Законы социально-экономического развития России как самостоятельной цивилизации» (2014), «Русская наука: от прошлого — к ноосферной ответственности за будущее России и человечества» (2018), «Ноосферная Россия: стратегия прорыва» (2018) [38; 46; 57; 64; 65; 67; 68; 76–80].

На ноосферное призвание России указывает В. Н. Сагатовский [34], Н. Н. Моисеев [30].

Именно Россия, как евразийская «мир-система», как цивилизация, первой возглавила процесс исторического отрицания всей системы «капитализма», порожденной цивилизацией Запада (по утверждению И. Валлерстайна). Отвергла, как указывал автор в монографии «Основания и императивы стратегии развития России» в 2005 году, именно как цивилизация «цивилизационного социализма», вследствие того, что сработал «ценностный геном» русского народа, «центром» которого служит Правда, как единство Истины, Добра, Красоты и Справедливости [68; 79; 80].

К близкому выводу приходит и А. И. Фурсов в работе «Вперед, к победе. Русский успех в ретроспективе и перспективе» (2014) [19]. Он прямо утверждает [19, 124]: «Русский тип — вот что встало на пути капитализма». Рынку и капитализму вынесен Экологический Приговор самой Природой. В Докладе, написанном по заказу Мирового Банка, группой ученых во главе с Р. Гудлендом, Г. Дейли и С. Эль-Серафи, был вынесен именно в 1991 году вердикт: **в экологически заполненной нише, которую занимает человечество, рынок как механизм развития экономики исчерпал себя [12, 9].**

В. А. Зубаков указывал еще в 2002 году, что «эндоэкологическое отравление (ЭЭО) межклеточной среды ядерных организмов (эукариот) тяжелыми металлами, радионуклидами и химическими токсинами» уже идёт полным ходом. «Как только ЭЭО достигнет субглобального распространения, на Земле начнётся лавинно-необратимый процесс мутации генома большинства высших животных (замечание: в том числе — людей. — С. А.) и, следовательно, вероятную точку в эволюции геохимического режима планеты я обозначил (1999), по аналогии с точками Юри и Пастера, точкой Левина» [12, с. 10].

Б. Коммонер в 1974 году в монографии «Замыкающийся круг» [19], значение которой недооценено многими геополитическими аналитиками, подчеркнул: **технологии на базе частной собственности уничтожают главное богатство человечества экосистемы.** Д. Кортен [21] по-своему, в своей логике приближается к выводу Б. Коммонера, утверждая, что «корпоративный колониализм» ТНК, т. е. мировая капиталократия, завёл мировую экономику в экологический тупик и ставит вопрос об «экологической революции» в мире. Аналогичные выводы представлены в работах О. Н. Четвериковой [95], В. А. Ефимова [4], С. Г. Кара-Мурзы [15], А. П. Федотова [54], современных ученых-марксистов начала XX века А. А. Ковалёва, В. Д. Руднева, М. И. Воейкова, И. М. Братищева, В. Н. Черковца, Р. С. Дзарасова и других [33], А. С. Панарина [31], В. Н. Сагатовского [34], А. В. Кузнецова [22], М. Г. Делягина [8], В. Ю. Катасонова [16], А. И. Фурсова [19], В. Н. Купина [24], А. А. Ждановской [10, 25].

В. А. Ефимов справедливо замечает [15, 95]: «...экологический кризис — биосферно-социальный, а не изолированный в биосфере, по отношению к деградации которой общество может выступать в качестве безучастного наблюдателя. Он — порождение образа жизни капиталократической цивилизации, ушедшей в искусственную среду обитания и подавляющей биосферу планеты и саму себя своей техносферой и процессами её воспроизводства и расширения».

Можно сформулировать своеобразный «вердикт»: человечество столкнулось с «**барьером сложности**», который и проявился, по автору [55; 59; 75; 79; 83] в форме таких феноменов, как «Интеллектно-информационно-энергетическая асимметрия человеческого разума (ИИЭАР)» и «Глобальная Интеллектуальная Черная Дыра». Косвенно, на это указывает и Н. Н. Моисеев в монографии «Расставание с простотой» [29].

В 2017 году появилось «Предупреждение человечеству. Второе уведомление», написанное группой ученых во главе с профессором из университета штата «Орегон» в США Уильямом Рипплом, которое подписали более 15 тысяч ученых из 184 стран мира. Автором написано «Открытое письмо Уильяму Рипплу» [70], в котором указано, что главной причиной экологического катастрофизма, грозящего обернуться переходом человечеством «точки невозврата» в период с 2030 по 2050 годы, является рыночно-капиталистическая система, глобальный империализм. «Нужна мощная, я называю её ноосферной, революция в сознании, в основаниях развития науки, образования, культуры, экономики, общества! Необходима ноосферная социалистическая революция, которая бы затронула все страны мира... необходима коренная ломка духовно-нравственных и ценностных оснований бытия человечества

на Земле. Главной категорией должна стать не Свобода, а Ответственность за будущее всей Мегасистемы Жизни на Земле... Наука должна освободиться от служения Капиталу и Прибыли, которое превращает её в компонент Глобальной Капитал-Мегамашины, и в этом её качестве — в механизм экологического самоуничтожения человечества!» [70, 16–17].

Но этот же вывод распространяется и на геополитику как науку. Ноосферно-геополитическая трансформация мира уже началась. Она еще не бросается в глаза. Научно-теоретические исследования в этом направлении еще не составляют «мейнстрим» геополитических исследований, обобщений, прогнозов.

Геополитические прогнозы, в том числе в парадигме мирового геополитического пространства и конкуренции за мировое лидерство в этом пространстве, например, США, Китая, Великобритании, которые доминируют в настоящее время, в основном носят тактический характер, и в долгосрочном плане будут «опрокинуты» прогнозируемым автором Ноосферным Прорывом, под натиском процессов Глобальной Экологической Катастрофы.

Ноосферная геополитическая трансформация мира начнётся под лидерством России, под воздействием Ноосферизма как становящейся научно-мировоззренческой системы и идеологии XXI века. Главное в этой трансформации — переход от доминирования Закона Конкуренции к доминированию Закона Кооперации. Регионально-геополитический аспект этого процесса автором раскрыт в работе «Ноосферная евразийская интеграция стран. СНГ — императив XXI века» [62].

Стратегия Ноосферного Прорыва России в XXI веке автором представлена в ряде капитальных монографий, в том числе в монографии «Ноосферная Россия: стратегия прорыва» [37; 47; 65; 66; 67; 69; 77]. Россия призвана возглавить ноосферно-геополитическую трансформацию мира, ведущим «вектором» которой будет становление планетарной кооперации народов-этносов. Сможет ли мир избежать мировой войны с применением ядерного оружия и применения других средств массового поражения в процессе агонии системы мирового империализма? Для этого нужна реанимация движения за мир, за установление мира без войн и насилия, как это было в 50-х — 60-х годов XX века, в поддержке которого СССР играл большую роль. Это движение могло бы стать мощным геополитическим фактором для одержания победы со стороны более гуманных факторов ноосферно-социалистического преобразования мира.

Роды Действительного Разума и Действительного человечества уже начались!

Будем верить в победу Ноосферного Человека!

Список литературы

1. *Алфёров Ж. И.* Власть без мозгов. Отделение науки от государства. М.: Алгоритм, 2012. 324 с.
2. Безопасность в геополитике: теоретические и методологические аспекты: монография / под ред. В. С. Артамонова (Серия: Российская Арктика. Вып. 1. Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2017. 26 с.
3. *Бердяев Н. А.* Русская идея, основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: Сварог и К°, 1997. 541 с.
4. Будущее экономики России: роль цифросферы. Вызовы, угрозы, решения. монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. И. М. Братищева. М.: ММА, 2018. 525 с.
5. *Глазьев С.* Последняя мировая война. США начинают и проигрывают (Серия «Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2016. 512 с.
6. *Глазьев С. Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах (Серия «Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
7. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года / пер. с англ. М. Леоновича; под ред. К. Жвакина. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. 120 с.
8. *Делягин М.* Путь России: Новая опричнина, или Почему не нужно «валить из Рашки». М.: Эксмо, 2011. 416 с.
9. *Ефимов В. А.* Россия — альтернатива апокалипсису. М.: Изд-во АСТ, 2015. 362 с.
10. *Ждановская А. А.* Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? Книга 1. Механизмы создания зависимости. М.: ЛЕНАНД, 2015. 256 с.
11. *Ждановская А. А.* Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? Книга 2. Россия в неолиберальной петле. М.: ЛЕНАНД, 2015. 26 с.
12. *Зубаков В. А.* Эндозкологическое отравление и эволюция: стратегия выживания (К саммиту ООН «Рио+10»). СПб.: 2002. 86 с.
13. Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. 18 декабря 2018 г., Ярославль / под общ. ред. канд. экон. наук С. В. Шкиотова, д-ра экон. наук В. А. Гордеева. Ярославль: Изд. Дом ЯГТУ, 2018. 440 с.
14. *Казаченко В., Петленко В., Тихонов М.* Социология и мировоззрение врача. СПб.: ВМА, 1992. 219 с.
15. *Кара-Мурза С. Г.* Антисоветский проект. М.: Алгоритм, 2009. 352 с.
16. *Катасонов В. Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / научн. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. 1072 с.
17. *Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И.* Геополитика в историческом и философском ракурсе: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 225 с.
18. Кибернетика и ноосфера. М.: Наука, 1986. 158 с.
19. *Коммонер Б.* Замыкающийся круг. Л.: Гидрометеоиздат, 1974. 280 с.

20. Контурь будущего: технологии и инновации в культурном контексте: коллективная монография / под ред. Д. И. Кузнецова, В. В. Сергеева, Н. И. Алмазовой, Н. В. Никифоровой. СПб.: Астерион, 2017. 550 с.
21. *Кортен Д.* Когда корпорации правят миром. СПб.: Агентство ВиТ-Принт, 2002. 328 с.
22. *Кузнецов А. В.* Россия и англосаксонский глобализм: монография. М.: КНОРУС, 2019. 212 с.
23. Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт: коллективная монография / авт.-сост. Н. А. Кривич; под общ. ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой, Н. А. Кривич. СПб.: Астерион, 2011. 38 с.
24. *Кутин В. Н.* Геополитические императивы глобальной безопасности. СПб.: Астерион, 2002. 228 с.
25. *Кьеза Дж.* Прощай Россия. М.: Гея, 1997.
26. Ленинская теория империализма и современная глобализация (коллективная монография) / под науч. ред. вице-президента Петровской академии наук и искусств А. И. Субетто: в 2 кн. СПб.: Астерион, 2003.
27. *Медоуз Д. К., Медоуз Д. Л., Рандерс Й.* За пределами роста. М.: Пангея, 1994. 30 с.
28. *Моисеев Н. Н.* Агония России: Есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора. М.: ЭКОПРЕСС — ЗМ, 1996. 78 с.
29. *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. 489 с.
30. *Моисеев Н. Н.* Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
31. *Панарин А. С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издат. корпорация Логос, 1998. 392 с.
32. *Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. М.: Protext, 2005. 319 с.
33. Пределы капитализма и прорыва социализма: матер. Форума марксистов 19 декабря 2015 года / под ред. А. А. Ковалева. М.: Изд-во ИТРК, 2016. 208 с.
34. *Сагатовский В. Н.* Есть ли выход у человечества? (Критика образа жизни). СПб.: Петрополис, 2000. 148 с.
35. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / пер. с англ. М.: ИНФРА, 1992. XXVI, 262 с.
36. *Субетто А. И.* Ноосферное смысловедение / под науч. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Зеленова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. 260 с.
37. *Субетто А. И.* 200-летие К. Маркса и грядущее 150-летие В. И. Ленина: ноосферизм или ноосферный социализм — «повестка дня» на XXI век / под науч. ред. президента Петровской академии наук и искусств, д-ра филос. наук, проф. А. В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2018. 108 с.
38. *Субетто А. И.* Борьба за Россию: 1991–2008 гг. СПб.; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. 420 с.
39. *Субетто А. И.* Великая парадигмальная революция в развитии науки, культуры и искусства в XXI веке: научный доклад на VII Всемирном научном Конгрессе. СПб.: Астерион, 2015. 32 с.

40. *Субетто А. И.* Вернадскианская революция как научно-методологическая основа формирования ноосферного общества (научный доклад) / под ред. заслуж. деятеля науки РФ В. Н. Бобкова. СПб.: Астерион, 2013. 56 с.
41. *Субетто А. И.* Взгляд на мир с «вершины» восьмидесятилетия / под науч. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2018. 416 с.
42. *Субетто А. И.* Владимир Ильич Ленин: гений русского прорыва человечества к социализму. СПб.: Астерион, 2010. 492 с.
43. *Субетто А. И.* Глобальная патология и глобальное здоровье в контексте императива ноосферной гармонии / под науч. ред. д-ра психол. наук, канд. биол. наук, проф. Н. П. Фетискина. СПб.: Астерион, 2014. 11 с.
44. *Субетто А. И.* Глобальный империализм и ноосферно-социалистическая альтернатива. СПб.: КГУ им. Н. А. Некрасова, Астерион, 2004. 98 с.
45. *Субетто А. И.* Грядущий ноосферный синтез науки и власти (восемь положений-теорем) / под науч. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2016. 4 с.
46. *Субетто А. И.* Законы социально-экономического развития России как самостоятельной цивилизации (в контексте закона гетерогенности мировой экономики): научный доклад. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. 112 с.
47. *Субетто А. И.* Идеология XXI века / под науч. ред. д-ра техн. наук, д-ра психол. наук, д-ра пед. наук, проф. В. В. Лукоянова. СПб.: Астерион, 2014. 92 с.
48. *Субетто А. И.* Императив ноосферно-социалистического преобразования мира в XXI веке / под науч. ред. В. Д. Комарова. СПб.: Астерион, 2012. 3 с.
49. *Субетто А. И.* Какое нужно образование в России? Открытое письмо ко всем ветвям власти и думающим людям в России // Улики: приложение к газете «Советская Россия». 2019. 4 апреля. № 126. С. 10–12.
50. *Субетто А. И.* Капиталократическая эсхатология (причины возможного экологического самоуничтожения строя капиталократии): научно-философские очерки («триптих») / под науч. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2016. 47 с.
51. *Субетто А. И.* Капиталократия (философско-экономические очерки). Избранные статьи и интервью. СПб.: ПАНИ, КГУ им. Н. А. Некрасова, 2000. 21 с.
52. *Субетто А. И.* Капиталократия и глобальный империализм. СПб.: Астерион, 2009. 572 с.
53. *Субетто А. И.* Манифест борьбы против глобального империализма. СПб.; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004. 38 с.
54. *Субетто А. И.* Манифест ноосферного социализма / под науч. ред. В. Г. Егоркина. СПб.: Астерион, 2011. 108 с.
55. *Субетто А. И.* Мегакосмическая проскопия Разума (общественного интеллекта) Человечества: монография / под науч. ред. д-ра техн. наук, д-ра психол. наук, д-ра пед. наук, проф., гранд-доктора философии, полного профессора, засл. создат. и испыт. косм. техн. В. В. Лукоянова. СПб.: Астерион, 2014. 218 с.
56. *Субетто А. И.* Место этнокультурного и биологического разнообразия арктических регионов России в логике Ноосферизма как модели устойчи-

- вого развития в XXI веке: доклад на Международной конференции под эгидой ЮНЕСКО «Культура и биологическое разнообразие — основа устойчивого развития арктических регионов Российской Федерации на примере республики Саха (Якутия)» в Париже (Франция) 30–31 мая 2005 года. СПб.: Астерион, 2005. 16 с.
57. *Субетто А. И.* Мифы либерализма и судьба России. СПб.: ПАНИ; КГУ им. Н. А. Некрасова, 2001. 142 с.
 58. *Субетто А. И.* Новая парадигма исторического развития и манифест возрождения / под науч. ред. д-ра техн. наук, д-ра психол. наук, д-ра пед. наук В. В. Лукоянова. СПб.: Астерион, 2014. 52 с.
 59. *Субетто А. И.* Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. СПб.: КГУ им. Н. А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. 537 с.
 60. *Субетто А. И.* Ноосферная апология человечества: научный доклад на X Всемирном Научном Конгрессе / под ред. президента Петровской академии наук и искусств, д-ра филос. наук, проф. А. В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2018. 52 с.
 61. *Субетто А. И.* Ноосферная глобализация как альтернатива капиталистической глобализации: научный доклад на Международном симпозиуме «Глобалистика: состояние и перспективы развития» (на базе Смольного института РАО в Санкт-Петербурге 16 мая 2012 года). СПб.: Астерион, 2012. 22 с.
 62. *Субетто А. И.* Ноосферная евразийская интеграция стран СНГ — императив XXI века // Национальная безопасность и стратегическое планирование: научный журнал [статьи докладов VI Международной научной конференции «Таврическая перспектива. 25 лет МПА СНГ: актуальные проблемы и перспективы евразийской интеграции»]. 2017. №2-2 (18). С. 41–49.
 63. *Субетто А. И.* Ноосферная идеология XXI века — продукт Эпохи Русского Возрождения и основа здоровья русского народа, российской нации и человечества // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения: Труды XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (24–26 ноября 2016 г.). Т. 11. Ч. 1. СПб.: 2016. С. 25–32.
 64. *Субетто А. И.* Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы / под науч. ред. д-ра филос. наук., проф. Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2012. 76 с.
 65. *Субетто А. И.* Ноосферная Россия: стратегия прорыва (основания ноосферного россиеведения): монография / под науч. ред. проф., д-ра техн. наук, д-ра психол. наук, д-ра пед. наук В. В. Лукоянова. СПб.: Астерион, 2018. 340 с.
 66. *Субетто А. И.* Ноосферная социалистическая революция XXI века: основания теории / под науч. ред. д-ра филос. наук, проф., Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2016. 139 с.
 67. *Субетто А. И.* Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке / под науч. ред. В. Г. Егоркина. СПб.: Астерион, 2010. 540 с. (Издание при финансовой поддержке РГНФ).
 68. *Субетто А. И.* Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке. СПб. Кострома: Смольный ун-т РАО, КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005. 32 с.

69. *Субетто А. И.* От учения Карла Маркса — к Ноосферизму XXI века: монография / под науч. ред. д-ра филос. наук, проф. А. В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2017. 132 с.
70. *Субетто А. И.* Открытое письмо Уильяму Рипплу — Subetto A. I. Open Letter to William Ripple. СПб.: Астерион, 2019. 32 с.
71. *Субетто А. И.* Планетарная кооперации этносов — основа гармоничного развития человечества в XXI веке: научный доклад на IV Всемирном Научном Конгрессе. СПб.: Астерион, 2012. 12 с.
72. *Субетто А. И.* Предупреждение человечеству в начале XXI века (в диалоге с В. А. Соколовым). СПб.: Астерион, 2014. 31 с.
73. *Субетто А. И.* Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит?). СПб.: Астерион, 2003. 148 с.
74. *Субетто А. И.* Революция и эволюция (методологический анализ проблемы их соотношения): научно-философский очерк / под науч. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2015. 76 с.
75. *Субетто А. И.* Роды Действительного Разума / под науч. ред. Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2015. 200 с.
76. *Субетто А. И.* Россия и человечество на «перевале» Истории в преддверии третьего тысячелетия. СПб.: ПАНИ, 1999. 827 с.
77. *Субетто А. И.* Русская наука: от прошлого — к ноосферной ответственности за будущее России и человечества: монография / под науч. ред. Президента Петровской академии наук и искусств, д-ра филос. наук, проф. А. В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2018. 200 с.
78. *Субетто А. И.* Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика / под науч. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2013. 128 с.
79. *Субетто А. И.* Самоутверждение России в XXI веке как лидера в ноосферном прорыве человечества — невозможно без учителя // Уровень жизни населения регионов России: научно-практический журнал. 2011. № 2(156). С. 97–105.
80. *Субетто А. И.* Слово о русском народе и русском человеке: научное издание / под науч. ред. проф., д-ра филос. наук А. В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2013. 265 с.
81. *Субетто А. И.* Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез). М.: Исследоват. центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. 168 с.
82. *Субетто А. И.* Сталин и Победа в Великой Отечественной войне — символы высоты Духа Советской Цивилизации (посвящается 140-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина) / под науч. ред. д-ра ист. наук В. П. Казанцева. СПб.: Астерион, 2019. 208 с.
83. *Субетто А. И.* Управляющий разум и новая парадигма науки об управлении (в контексте ноосферного императива XXI века) / под науч. ред. д-ра техн. наук, д-ра психол. наук, д-ра пед. наук, проф., президента Международной академии гармоничного развития человека В. В. Лукоянова. СПб.: Астерион, 2015. 52 с.

84. *Субетто А. И.* Человек, наука и экономика в Эпоху Великого Эволюционного Перелома: ноосферный императив: монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф., заслуж. деят. науки РФ В. В. Чекмарёва. СПб.: Астерион, 2013. 147 с.
85. *Субетто А. И.* Экологический финал глобального империализма и императив ноосферно-социалистического прорыва человечества (100-летию Великого Октября посвящается) / под науч. ред. д-ра филос. наук, проф. А. В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2017. 32 с.
86. *Субетто А. И.* Эпоха Великого Эволюционного Перелома (Посвящается 90-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. 88 с.
87. *Субетто А. И.* Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма: ноосферно-социалистический прорыв или экологическая гибель человечества? СПб.; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 4 с.
88. *Субетто А. И.* Юрий Алексеевич Гагарин — символ Ноосферно-Космического прорыва в Будущее России и человечества / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. В. Т. Пуляева. СПб.: Астерион, 2014. 232 с.
89. *Субетто А. И., Шанти Д. П., Лукоянов В. В.* Ноосферно-Космическая Гармония Мира и Человечества. СПб.: Астерион, 2014. 2 с.
90. *Субетто А. И., Шанти Д. П., Лукоянов В. В.* Ноосферизм — новая обобщающая научная идея и новая парадигма истории человечества: научный доклад на IX Всемирном Научном Конгрессе (Россия — Шри-Ланка — Великобритания) / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф., вице-президента Европейской академии естественных наук А. А. Горбунова. СПб.: Астерион, 2017. 108 с.
91. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
92. Фактор понимания (Тема номера: Власть) / Научно-публицистическое издание Зиновьевского Клуба Новороссии. 2017. № 3(4). Декабрь. 78 с.
93. *Федотов А. П.* Глобалистика. Начала науки о современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. 22 с.
94. *Фурсов А.* Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе (Серия «Коллекция Изборского клуба»). М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2014. 320 с.
95. *Четверикова О. Н.* Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. М.: Благословение, Техноинвест-3, 2016. 160 с.
96. *Шамир И.* Каббала власти. М.: Алгоритм, 2008. 54 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ГУМАНИТАРНОЙ ПРАКТИКЕ

Абишева Н. А.

Психологические корни деструктивного религиозного поведения

Abisheva N. A.

Psychological roots of destructive religious behavior

***Аннотация.** В статье рассматриваются психологические аспекты формирования террористического типа личности, мотивы действий террористов и причины, предлагаются меры противодействия экстремизму и терроризму.*

***Annotation.** The article deals with the psychological aspects of the formation of a terrorist type of personality, the motives of terrorist actions and causes, and proposes measures to counter extremism and terrorism.*

***Ключевые слова:** терроризм, деструктивное религиозное поведение, психологический портрет, психологические мотивы террориста.*

***Key words:** terrorism, destructive religion behavior, psychological profiling, psychological motivations of terrorists.*

В последнее время в нашем обществе наблюдается повышенный интерес к различным религиям, в связи с чем анализ связи психологии и религии стал очень актуален.

Проблема религии рассматривалась в трудах многих ученых: философов, религиоведов, психологов. Проведем краткий обзор мнений философов, психологов по данной проблеме. Так, Кант считал религию осознанием людьми своих моральных обязанностей; Гегель подменил понятие Бога понятием абсолютной идеи, придав решающее значение в религии интеллектуальному моменту. Л. Фейербах определил религию, как связь между людьми; Эдуард Тейлор считал важнейшим признаком религии веру в духовные существа. Э. Дюркгейм подчеркивал социальную природу религии, рассматривая божество как персонификацию социального целого [8, 263].

В последние годы активизировалась деятельность самых разнообразных религиозных структур, в том числе и тоталитарных, деструктивных религиозных организаций, пропагандирующих свои идеи и вовлекающих новых адептов, что приводит к актуализации проблемы терроризма в мире. Ни одна страна не застрахована от террористических атак.

Что представляют собой люди, совершающие террористические акты, с точки зрения психологии? Каковы психологические мотивы действий террористов и причины? Ответ на эти вопросы поможет не только разобраться в ситуации, но и предотвратить данные действия.

В 2014 году в Республике Казахстан Центром социальных и политических исследований «Стратегия» было проведено социологическое исследование 220 осужденных по статье терроризм. По результатам исследования выяснилось, что большинство людей, участвовавших в подготовке, осуществлении или пропаганде терроризма, это молодые люди от 17 до 29 лет. Меньшая часть людей — это люди в возрасте 30–35 лет. Только 18% процентов имели высшее образование, 16% среднее специальное. Большинство людей не имели религиозного образования, только 6% посещали религиозные образовательные заведения.

Конечно, люди террористами не рождаются и не становятся сразу. Становление члена террористической организации проходит через социализацию личности, которая означает процесс вхождения индивида в социальную среду, усвоение им социальных влияний, приобщение к системе социальных и групповых ценностей. Социализация личности предполагает процесс построения ею определенной стратегии деятельности, процесс мобилизации сил и возможностей субъекта. Прежде чем стать террористом, человек проходит через определенные стадии социальной дезадаптации — трудности, нерешенные проблемы, неудовлетворенность, апатию, безысходность и т. п.

Попытка смоделировать процесс формирования террористического типа личности была предпринята на Западе Э. Шоу, который выделяет четыре основных фактора, приводящих человека к терроризму. Такими факторами являются: ранняя социализация; нарциссические нарушения; конфликтные ситуации, особенно конфронтация с правоохранительными органами; личные связи с членами террористических организаций. Э. Шоу приходит к выводу, что террористами чаще всего становятся выходцы из групп риска, которые с детства испытывали проблемы с самооценкой. Идентификация с террористической группой обеспечивает таким людям определенную социальную роль, хотя и негативную. Порвать с группой для террориста почти невозможно, это равносильно психологическому самоубийству.

Для террористов характерно особое отношение к жизни и смерти, выражающееся в дихотомическом соотношении права убивать врагов и готовности погибнуть самому.

Смерть в молодом возрасте вообще не воспринимается как некий конечный (необратимый) феномен. Религиозные идеи вечного блаженства, безусловно, являются более мощными и сопровождаются представлениями о переходе на другой уровень бытия и слияния с Богом или, во всяком случае — ощущениями идентификации с великой идеей или целью.

Особое место занимает потребность ощутить, что мое существование имеет некий особый смысл, выходящий далеко за рамки серой, убогой и безнадежной повседневности. Поэтому, чем более экономически, социально и политически бесперспективна ситуация в окружении, тем больше вероятности возникновения террористического типа мировосприятия.

Исследователь терроризма А. М. Бородин считает, что, исходя из личностной самооценки, возможно выделить два психологических типа, которые чаще других встречаются среди террористов. Первый тип — самоутверждающийся — отличается достаточным интеллектом, завышенной самооценкой. Из таких, как правило, формируются и руководители террористических организаций. Второй тип — неуверенный — объединяет людей с низкой самооценкой, обыденно практическим примитивным сознанием. Такие люди становятся «пушечным мясом», простыми исполнителями. Но как первым, так и вторым свойственна тенденция к поиску источников своих личных проблем вовне, стремление самоутвердиться через привлечение к себе внимания обществу способами чрезмерной агрессивности [2].

Таким образом, рассмотрев нравственно-психологический аспект личности террориста, можно сделать вывод, что у человека, сделавшего выбор в пользу терроризма, формируются специфические, духовно-нравственные ценности и особенный стиль поведения, характеризующиеся крайней нетерпимостью к другим взглядам, культивированием насилия, жестокости и готовности пожертвовать любым человеком и даже собой ради исполнения своих замыслов.

По данным специальных исследований, проведенных правоведами, за 42% насильственных действий обычно стоит так называемое «стремление к насилию над окружающими» (мотив демонстрации своей власти над людьми). 25% лиц, совершающих такие действия, руководствуются стремлением к самоутверждению (мотив самореализации). 10% исходят из стремления к превосходству над окружающими. 7% — из стремления властвовать. 6% — из эгоцентризма. Три последних

стремления, на самом деле, представляются всего лишь разновидностями предыдущих, основных, — им не соответствуют какие-то новые возможные мотивы. В 90% случаев потребности, лежащие в основе насилия, связаны с проявлениями своего «я», чаще всего, в извращенной форме. Обратим внимание на то, что, по данным того же исследования, более чем в 80% случаев эти потребности были вполне осознаны преступниками, в более чем в 30% случаев имели устойчивую личностную значимость.

Личность террориста всегда привлекала к себе внимание исследователей.

С. Рошин предлагал три психологические модели личности. Первая модель — психопата-фанатика. Она расшифровывалась следующим образом: это «человек, который руководствуется своими убеждениями (религиозными, идеологическими, политическими) и искренне считает, что его действия, независимо от их конкретных результатов, полезны для общества. Это человек, у которого сфера сознания крайне сужена теми или иными доктринами и им же подчинена его эмоциональная сфера. Поэтому он оказывается способным совершить все что угодно.

Вторая модель, фрустрированного человека, базируется на бихевиористской теории фрустрации-агрессивности: «Чувство фрустрации, порожденное невозможностью для человека по каким-то причинам достичь жизненно важных для него целей, неизбежно порождает у него тенденцию к агрессивным действиям. Сознание в этом случае может сыграть роль инструмента в рационализации этих действий, то есть в подборе тех или иных поводов для их оправдания».

Третья модель — человека из ущербной семьи. «Жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут привести к формированию озлобленной личности с антисоциальными наклонностями. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать инструментами террористической организации» [6].

С. Ениколопов вообще считает, что, несмотря на наличие определенного числа общих психологических характеристик, говорить о существовании единого личностного террористического комплекса нет оснований. Он выделяет два относительно явных психологических типа, часто встречающиеся среди террористов. «Первые отличаются высоким интеллектом, уверенностью в себе, высокой самооценкой, стремлением к самоутверждению, вторые — не уверены в себе, неудачники со слабым “Я” и низкой самооценкой. Но как для первых, так и для вторых характерны высокая агрессивность, постоянная готовность

защитить свое “Я”, стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм. Для большинства террористов характерна тенденция к экстернализации, к поиску источников своих личных проблем вовне».

Как правило, террористами становятся те, кто находится в стадии маргинализации. Это те, кто-либо испытывает тяжелые жизненные ситуации, либо переехали из села в город, либо поступают на учебу и выпадают из этого процесса, чаще всего такие люди становятся объектом интереса тех, кого называют вербовщиками душ».

В литературе известны следующие характерные черты данных типов личностей:

- смещение чувства времени — прошлое включено в актуальное настоящее;
- стирание границ между реальностью и фантазией;
- некоторая наивность в сочетании с размытостью моральных ограничений;
- садомазохистическая позиция — жалость к себе и своим соплеменникам в сочетании с ненавистью к реальному или мифологическому противнику и готовностью к самопожертвованию;
- идентификация с агрессором, то есть наличие идей типа: «если я сам буду агрессором, то не стану объектом агрессии»;
- ограниченная способность понимать и принимать доводы тех, кто мыслит иначе;
- определенная утрата рациональности, особенно в сфере представлений о доступных и недоступных целях и идеалах.

Поведение террористического типа личности характеризуется следующими признаками.

Крайней раздражительностью, доходящей до приступов неуправляемой ярости.

Периодическими расстройствами настроения (тоска, страх, гнев).

Определенно выраженными, так называемыми моральными, дефектами (антисоциальные установки).

Это активные люди, настойчивые, упрямые, любители сильных ощущений. Возможно застревание каких-либо мыслей в сознании, что говорит о склонности к «сверхценным» идеям. Часто развиваются бурные вспышки гнева, ведущие к насильственным действиям. Обычно эти психопаты крайне нетерпимы к мнению окружающих, не выносят противоречий и противодействий. К этому надо прибавить огромный эгоизм и чрезвычайную требовательность. Они подозрительны, обидчивы, готовы все критиковать и исправлять.

В монографии «Деструктивные социальные эпидемии: опыт социального исследования» А. Л. Катков рассматривает деструктивные социальные процессы в формате термина «социальные эпидемии» [5].

Исследование, проводимое А. Л. Катковым в 2002–2011 гг. с 286 лицами с деструктивной психологической зависимостью, в результате определили следующие универсальные факторы риска — устойчивости вовлечения в социальные эпидемии, в частности по типу вовлечения в деструктивные секты:

- 1) агрессивный информационный прессинг;
- 2) кризис традиционной системы ценностей и ценностных установок;
- 3) кризис в системе интерперсональных отношений;
- 4) наличие острой или хронической психической травмы;
- 5) потребность в сочувствии и помощи;
- 6) кризис идентичности и поисковое поведение;
- 7) психопатология;
- 8) особенности личности.

Также в исследовании определены психологические факторы устойчивости к агрессивному влиянию среды, отсутствие которых может стать условием психологической зависимости от религиозных групп:

- 1) полноценное завершение личностной идентификации;
- 2) наличие позитивного жизненного сценария;
- 3) сформированность навыков свободного и ответственного выбора;
- 4) сформированность локуса контроля;
- 5) наличие психологических ресурсов для реализации позитивного жизненного сценария;
- 6) наличие адекватной информативности об агентах, агрессивных и деструктивных по отношению к жизненным ценностям.

Определены этапы формирования патологической адаптации к зависимому поведению:

- 1) дефицит свойств устойчивости к агрессивному влиянию среды (воспитательная и образовательная запущенность, безработица, социальная неустойчивость, нищенство и т. д.);
- 2) фрустрация, стресс, депрессия, дезадаптация, деморализация;
- 3) поиск поддержки;
- 4) получение патологических адаптогенов: манипуляция, обработка, «промывание мозгов»;
- 5) подкрепление мотивации находждением «короткого пути к счастью»;
- 6) вовлечение в деятельность по распространению информации;
- 7) утрата статуса, связей, средств, соматического благополучия.

В связи с вышеизложенным в качестве одних из мер своевременного противодействия экстремизму и терроризму можно предложить следующее:

- развитие психологической службы во всех образовательных заведениях. Это позволит на ранних этапах увидеть предрасположенность личности и провести соответствующие коррекционные программы;
- улучшение религиозной грамотности. Дисциплину «Религиоведение» в школах должны преподавать только светские преподаватели и разъяснять основные положения всех религий. Также официальные религиозные лидеры и организации должны четко разъяснять основные положения вероучения в обществе в целом.

Список литературы

1. Антитеррор. РГПУ им. А. И. Герцена [Электронный ресурс]. URL: <http://antiterror.herzen.spb.ru/psychology.php> (дата обращения: 21.03.2019).
2. *Бородин А. М.* Политические проблемы современного терроризма: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002.
3. *Буртный К. П.* Организационные структуры современного международного терроризма // Современный терроризм: теория и практика (сборник научных статей). М., 2002.
4. *Дорохов Н. И.* Портрет современного террориста: нравственно-психологические и личностные аспекты // Военно-юридический журнал. 2006. № 5.
5. *Катков А. Л.* Деструктивные социальные эпидемии: опыт системного исследования. Павлодар, 2012.
6. *Ольшанский Д. В.* Психология террора. М., 2002.
7. *Решетников М.* Психологический портрет террориста [Электронный ресурс] // Пси-фактор. URL: <http://psyfactor.org/lib/terror12.htm> (дата обращения: 21.03.2019).
8. Французские просветители XVIII века о религии. М., 1960.
9. *Шахов М. Н.* Теоретические проблемы современного терроризма. М., 2003.
10. *Шибутов М., Абрамов В.* Доклад «Терроризм в Казахстане»: Общины ваххабитов будут только расти // REGNUM. 2012. 28 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://regnum.ru/news/1598478.html> (дата обращения: 21.03.2019).
11. Эволюция исламиста в Казахстане — от обычного верующего до террориста [Электронный ресурс] // Стратегия. URL: <http://ofstrategy.kz/index.php/ru/research/politic-research/item/406-evolyutsiya-islamista-v-kazakhstan-ot-obychnogo-veruyushchego-do-terrorista> (дата обращения: 21.03.2019).
12. *De Angelis T.* Understanding terrorism // Monitor on Psychology. 2009. November. Vol. 40. № 10 [Электронный ресурс] // American Psychological Association. URL: <http://www.apa.org/monitor/2009/11/terrorism.aspx> (дата обращения: 21.03.2019).

Психосемантический анализ терминов, используемых для описания сексуального деликта

Bizyukova E. S.

Psychosemantic analysis of the terms used in the description of sexual delict

Аннотация. В данной статье поднимается проблема несовершенства существующей на сегодняшний день терминологической базы, используемой при проведении судебно-психологической экспертизы по делам о сексуальных деликтах в отношении несовершеннолетних, а также интерпретации их результатов. На основе анализа ряда источников иллюстрируется существующее на сегодняшний день различие в толковании терминов, используемых для описания состояния потерпевших несовершеннолетних.

Annotation. This article raises a problem of imperfection of the existing terminological resources used in the forensic psychological expertise performed in cases related to the sexual delicts against minors as well as at the interpretation of the results of such expertise. Based on the results of the analysis of certain sources the author of the article shows the existing discrepancy in the interpretation of the terms used in the description of the condition of the minors being victims of the previously mentioned delicts.

Ключевые слова: осведомленность, понимание, несовершеннолетние, сексуальный деликт, судебно-психологическая экспертиза, половая неприкосновенность.

Key words: awareness, understanding, minors, sexual delict, forensic psychological expertise, sexual inviolability.

В данной работе рассматриваются терминологические аспекты оценки действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних.

Действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних являются одними из самых тяжких для психического и физического здоровья, а также одним из самых распространённых видов преступлений против детей в России и в мире в целом (статистика). Ситуация, которая складывается с данным видом деяний, осложняется еще и тем, что большая часть преступлений являются латентными по причине того, что в основном насильственные действия сексуального характера происходят в семье, в сферах ближайшего окружения ребенка [1].

В широком смысле под сексуальным деликтом в отношении несовершеннолетних следует понимать любые действия, посягающие на их половую неприкосновенность.

В уголовном судопроизводстве по сексуальным преступлениям в отношении несовершеннолетних часто назначаются судебно-психологические экспертизы (СПЭ). Основной целью СПЭ является определение

способности потерпевшего ребенка понимать характер и значение совершаемых с ним действий. Традиционно перед судебным психологом-экспертом ставятся следующие вопросы [2]:

1. Мог ли потерпевший в силу своих индивидуально психологических особенностей и содержания исследуемой ситуации понимать характер и значение совершаемых с ним действий?

2. Мог ли потерпевший в силу своих индивидуально психологических особенностей и содержания исследуемой ситуации оказать сопротивление?

Если объективная оценка судебным экспертом-психологом способности ребенка к сопротивлению не вызывает особых сложностей, в виду наличия разработанных методов оценки психофизиологического состояния потерпевшего, то выяснение способности понимать характер и значение действий сексуального характера, совершаемых с ребенком, создает для эксперта целый ряд сложностей, вызванных, на наш взгляд, несовершенством методологической базы, в том числе — понятийного аппарата СПЭ по делам о сексуальных деликтах.

В работе О. Д. Ситковской, М. М. Коченова и О. Д. Коньшевой способность несовершеннолетних потерпевших правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий трактуется как совокупность психологических особенностей, обеспечивающая понимание сексуальной направленности действий преступника, возможных биологических и социальных последствий этих действий, принятых в обществе нравственно-этических оценок посягательств на половую неприкосновенность [4].

Под пониманием потерпевшим ребенком характера и значения совершаемых с ним действий, в свою очередь, подразумевается правильное отражение содержательной стороны этих действий в сознании, которое определяется осведомленностью ребенка в вопросах пола [3]. По И. А. Кудрявцеву, осведомленность в вопросах пола включает в себя:

- 1) понимание существа сексуальных отношений и принятых норм их проявления;
- 2) одобряемое моралью начало половой жизни;
- 3) физиологию половых отношений, зачатия, деторождения;
- 4) функциональные особенности мужчин и женщин.

Также сюда можно отнести способность ребёнка оценивать свое поведение и ситуацию в целом с точки зрения принятых в конкретном обществе морально-нравственных норм, понимание ребенком противоправности совершаемых с ним действий.

Согласно сложившемуся, в том числе, в экспертной среде традиционному подходу, неспособность детей младше 7–8 лет понимать характер и значение совершаемых с ними действий никогда не вызывает сомнений,

в то время как в отношении детей в возрасте 9–12 лет этот вопрос эксперту приходится специально выяснять. Еще сложнее определить уровень понимания важных для дела обстоятельств потерпевшими старше 12 лет.

Особое значение для корректной интерпретации и оценки результатов экспертизы имеет правильное и единообразное толкование терминов, причем, не только экспертами, но и всеми остальными участниками уголовного судопроизводства.

При установлении *понимания ребенком характера и значения* совершаемых с ним действий возникает целый ряд сложностей. Вместе с тем данные понятия являются ключевыми и, в связи с этим, заслуживают особого внимания. Как мы указывали выше, это понимание невозможно, прежде всего, без осведомленности ребенка в вопросах пола. Здесь, как нам кажется, возникает необходимость разграничения содержания понятий осведомленности и понимания. Так, в контексте осознания ребенком происходящего с ним события, на наш взгляд, под *осведомленностью* следует понимать общую информированность ребенка о вопросах отношений полов, в то время *понимание* в данном контексте следует рассматривать как совокупность осведомленности и *личного опыта* конкретного ребенка.

Вместе с тем, как в справочной, так и в научной литературе, термины *понимание* и *осведомленность* используются как практически полностью тождественные друг другу. Более того, под осведомленностью может пониматься довольно широкий спектр степеней информированности, начиная от простых знакомства и посвященности и вплоть до компетентности и подготовленности в соответствующей области. При том, что как раз эти оттенки значений и могут иметь существенное влияние, например, на оценку степени беспомощного состояния ребенка, являющегося потерпевшим в результате сексуального деликта.

Кроме того, необходимо отметить, что из внимания эксперта-психолога ускользают такие значимые категории, как владение ребенком действующими в обществе *морально-нравственными нормами, особенности социальной, культурной и национальной среды*, в которой растет и воспитывается ребенок, причем и то, и другое — через призму *возрастных психологических и физиологических особенностей*.

Например, для разных социальных и культурных слоев возраст одобряемого обществом начала половой жизни может отличаться. Национальные особенности могут определять различный возраст появления у детей первичных и вторичных половых признаков, а значит, и осознание своей сексуальности, а также наступления полового созревания.

Таким образом, представляется целесообразным и своевременным формирование устойчивого единообразного понятийного аппарата для описания, оценки и квалификации состояния потерпевшего ребенка

в нормативной и методической документации, регулирующей деятельность судебных экспертов-психологов при проведении СПЭ в отношении детей, потерпевших от сексуальных деликтов.

Список литературы

1. Головач А. А. Анализ преступлений сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних // StudArcticForum: Студенческий научный электронный журнал. 2017. № 3(7) [Электронный ресурс]. URL: <http://saf.petrstu.ru/journal/article.php?id=1662> (дата обращения: 16.03.2019).
2. Горьковая И. А. Основы судебно-психологической экспертизы: уч. пос. Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/32238442-Osnovy-sudebno-psihologicheskoy-ekspertizy.html> (дата обращения: 16.03.2019).
3. Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988. 224 с.
4. Ситковская О. Д., Коньшова П. П., Коченов М. М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М.: Юрл-итинформ, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/6707219/page:10>. (дата обращения: 16.03.2019)

Кiryukhina E. V., Emelyanova Yu. M.

Актуальные вопросы психолого-лингвистической экспертизы по уголовным делам экстремистской направленности

Kiryukhina E. V., Emelyanova Yu. M.

Topical issues of psychological and linguistic expertise in criminal cases of extremist orientation

Аннотация. Статья посвящена вопросам междисциплинарного рассмотрения речевых преступлений экстремистской направленности с использованием специальных знаний в области лингвистики и психологии. Авторами отмечается актуальность комплексного подхода при анализе «экстремистских» материалов.

Annotation. The article is devoted to the interdisciplinary consideration of extremist speech crimes with the use of special knowledge in the field of linguistics and psychology. The authors note the relevance of an integrated approach in the analysis of extremist materials.

Ключевые слова: судебная экспертиза, экстремизм, междисциплинарный подход.

Key words: judicial expertise, extremism, interdisciplinary approach.

Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности по уголовным делам назначается с целью выявления фактов, связанных с содержанием или смысловой направленностью исследуемых объектов. Одна из центральных задач психолого-лингвистической экспертизы состоит в интерпретации, истолковании текста (письменного и устного) с целью его понимания в полном соответствии с тем объективным, действительным смыслом, который заключен в данном тексте. Необходимо подчеркнуть, что при производстве комплексной экспертизы лингвистические и психологические методы используются не суммарно, а интегративно, что в конечном счете позволяет выявить совокупность признаков, характерных для «экстремистских» материалов.

Объектом психолого-лингвистической экспертизы спорных текстов по делам об экстремизме является текст как продукт речевой и коммуникативной деятельности и поведения человека (автора текста). Текст является единицей деятельности его автора и рассматривается как сообщение, имеющее свое содержание и цель. Объект исследования может быть как словесным (т. е. собственно текстом), так и комбинированным. Последний может содержать словесную (вербальную) и невербальную части — изображение, связанное с этим текстом, либо самостоятельные визуальные компоненты, а также паралингвистические компоненты, например, жесты. На исследование могут быть представлены зафиксированные на любых носителях письменные тексты и записи (аудио-, видеофонограммы) устных выступлений (на митинге, в телепередаче, любом ином мероприятии), видео- и кинофильмы, видеосюжеты, книги, журналы, газеты, песни, листовки и др. — всё, что фиксирует результаты вербальной коммуникации [2, 14–15].

Необходимо отметить, спорный текст, предоставляемый на исследование, выступает как продукт речевой и коммуникативной деятельности и поведения человека. При анализе графических изображений и видеофонограмм эксперты обращают внимание на звуковое сопровождение, символы, рисунки, жесты, шрифтовые и цветовые выделения, особенности набора текста, поведение фигурантов и прочие неязыковые знаки (невербальные средства), которые сопровождают текст (высказывание) и влияют на смысловую направленность исследуемых материалов. В экспертной практике управления криминалистики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу ряд комплексных, комиссионных экспертиз проводились с привлечением переводчика с арабского языка.

Самыми популярными темами, в контексте которых чаще всего встречаются случаи употребления «языка вражды», являются межнациональная и религиозная проблематики.

«Язык вражды» — это обобщенное обозначение языковых и психологических средств выражения резко отрицательного отношения «оппонентов» — носителей иной системы религиозных национальных, культурных и других ценностей. Это явление имеет свой категориальный аппарат: ненависть, провокация насилия; подстрекательство к ненависти; оскорбление; социальные стереотипы; предубеждения и дискриминация. «Язык вражды» может выступать как форма проявления расизма, ксенофобии, межнациональной вражды и нетерпимости.

Опишем пример из экспертной практики управления криминалистики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу по уголовному делу, касающемуся обвинения членов ультраправой группировки в связи с совершением её членами ряда преступлений на националистической почве в отношении лиц с неславянской внешностью, среди которых было и убийство гражданина Узбекистана, несколько эпизодов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и др. Особенностью данной группировки являлся ее крайне молодой состав, большинство являлись несовершеннолетними, при этом двоим из них не было и шестнадцати лет. Молодые люди любили записывать свои «подвиги» на видеокамеру и выкладывать в сеть Интернет.

Для производства ряда экспертиз поступили видеофонограммы с «говорящими» названиями: «Хачевская депортация», «Нейтрализация педофила из Узбекистана», «Новая нейтрализация педофила из Средней Азии» и др. Содержание видеофонограмм было направлено на утверждение несовместимости людей определенных культур, носителями которых являются нации. Например, в представленной на исследование видеофонограмме «Хачевская депортация» было зафиксировано оскорбление действием — сжигание паспорта гражданина из Республики Узбекистан. Демонстративное сожжение паспорта и избивание указанного гражданина сопровождалось высказываниями: *«Этого «человека» больше нету в живых, так будет с каждым! Слава России! 1488», «Мы объявляем войну хачевским оккупантам, Слава России!», «Мы будем сражаться за свой отчий край до последнего»,* которые могут стать фактором, побуждающим к насилию тех, кто разделяет точку зрения участников действия (лиц, сжигающих паспорт, произносящих высказывания), зафиксированного на исследуемой видеофонограмме. Экспертами было установлено, что ряд видеофонограмм содержали

агитационную направленность, формирующую у людей, которые симпатизируют (сочувствуют) националистическим организациям и их идеям, испытывают негативное отношение к народам Средней Азии, готовность действовать подобным образом.

Результаты психолого-лингвистических судебных экспертиз имели доказательственное значение по уголовному делу. В свою очередь совершеннолетнему лидеру и организатору преступной группы было предъявлено обвинение в совершении 29 эпизодов преступлений на территории Санкт-Петербурга.

В последнее время всё чаще на экспертное исследование в управление криминалистики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу поступают креолизованные (поликодовые) тексты. Понятие «креолизованные тексты» было введено психолингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым. «Креолизованные тексты — это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [4]. В качестве примеров можно привести кино-, видео-, звукозапись, средства наглядной агитации, демотиваторы, интернет-страницы пользователей социальных сетей. Следует отметить, что креолизованные тексты имеют большую силу воздействия на адресата, поэтому анализ только вербальной составляющей текста во многих случаях не позволит провести экспертное исследование в полном объёме.

Особенностью материалов экстремисткой направленности является использование адресантами «языка вражды». Прежде всего, это явление может выступать как форма проявления вражды, ненависти, нетерпимости.

Посредством применения психологических и лингвистических методов исследования экспертами раскрывается побудительный потенциал «экстремистских» текстов. Практика показывает, что зачастую в указанных текстах используется скрытый призыв, который побуждает к каким-либо действиям, формирует у адресата желание действовать, используя методы речевого манипулирования, воздействия на психику. Наиболее жесткий способ воздействия — это принуждение.

Приведем пример решения вопроса о наличии в тексте переписки абонентов психологических и лингвистических признаков побуждения, привлечения лица к участию в деятельности организации, именуемой в тексте как «Исламское государство» и «ИГ». Соответствующая задача ставилась перед экспертами в рамках производства психолого-лингвистической экспертизы. В исследуемом тексте — предметом речи

является деятельность «ИГ», выражается положительное отношение автора к деятельности организации, именуемой как «ИГ», «ИГИЛ», «Исламское государство». В процессе общения адресант положительно оценивает деятельность «истинных мусульман» из «ИГ», «ИГИЛ», «Исламское государство», оправдывает их действия, убеждает адресата в правильности, допустимости действий братьев по вере, предлагает адресату поехать вместе с ним на джихад, побуждает адресата к изменению мнения, используя речевую цель «убеждение»: «Я говорю это, потому что хочу, чтобы ты изменил своё мнение, понял, что эта точка зрения правильна, целесообразна для тебя и согласился с ней, учел её».

Лингвистический анализ показал, что адресант на протяжении текста выражает положительное модальное отношение к действиям «ИГ», «ИГИЛ», «Исламское государство», к джихаду (в понимании автора), автор высказываний выражает одобрение действий, деятельности «ИГ». Используя аргументы, апеллирующие к истинности, справедливости («справедливость только в Исламе»), адресант побуждает адресата к определенному модальному отношению. Адресант выражает желание (пожелание) в совершении адресатом некоторых действий, а именно: следовать истинному Исламу, не бояться умереть на пути Аллаха, в подтверждение своей преданности Исламу отправиться на джихад в «ИГ».

В тексте содержатся психологические признаки побуждения пользователем «Хамза» девушки к участию в деятельности организации, именуемой в тексте как «Исламское государство» и «ИГ». Цель «побудить» достигается собеседником путем использования при общении с девушкой различных методов и приемов психологического воздействия, при этом используемые приемы не являются агрессивными: «Хамза» не оказывает на собеседницу психологического давления, не угрожает ей и т. п. Общение со стороны мужчины строится исключительно в доброжелательном ключе — он стремится расположить к себе собеседницу: предлагает ей помощь в познании истинной религии; оказывает ей поддержку и одобрение; обращается к ней, используя ласковые номинации. Рассказывая об исламе, «Исламском государстве» и «ИГ», «Хамза» противопоставляет «истинный» ислам и иные религии, подчеркивая «варварство», несправедливость, по мнению собеседника, иных религий и так называемых «не истинных» мусульман, тем самым акцентируя внимание девушки на правильности позиций «Исламского государства». Адресант также подчеркивает, что в истинной религии джихад и смерть — одобряемы Аллахом, а высшая степень близости к вере — стать шахидом. Проведенным анали-

зом установлено, что в представленном тексте переписки абонентов имеются психологические и лингвистические признаки побуждения, привлечения лица (указанного в тексте как «адресат») к участию в деятельности организации, именуемой в тексте как «Исламское государство», «ИГ», «ИГИЛ».

Результаты экспертизы легли в основу доказательственной базы по уголовному делу. Дело рассматривал Московский окружной военный суд на базе Ленинградского окружного военного суда. Он признал обвиняемого виновным в пособничестве террористам и приговорил его к 15 годам колонии строгого режима за вербовку в террористическую организацию «Исламское государство», запрещенную в России.

Таким образом, для полного и всеобъемлющего исследования особо актуальным становится междисциплинарный (комплексный) подход в исследовании признаков экстремизма и квалификации материалов как материалов экстремистской направленности.

Производство судебных психолого-лингвистических экспертиз, возбужденных по уголовным делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, имеет наряду с доказательственным также профилактическое значение. Так, выводы экспертов и специалистов могут быть заложены в основу деятельности следователя по устранению причин, способствовавших совершению преступлений экстремистской направленности.

Список литературы

1. *Гладилин А. В.* «Язык вражды» как коммуникация // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11(19).
2. *Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н.* Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: РФЦСЭ, 2011.
3. *Осадчий М. А.* Использование лингвистических познаний в расследовании преступлений, предусмотренных статьей 282 Уголовного кодекса РФ // Право и безопасность. 2007. № 3–4 (24–25), декабрь.
4. *Сорокин Ю. А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 178–187.
5. *Смирнова С. А., Секераж Т. Н., Кузнецов В. О.* Междисциплинарные исследования в судебно-экспертных учреждениях Минюста России: актуальные направления лингвистической и психологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 4.

Экспертиза в деятельности практического психолога образования

Volkova E. N.

Expertise in the activities of a practical education psychologist

Аннотация. Экспертиза как трудовая функция включена в профессиональный стандарт педагога-психолога. На основании анализа назначения, целей, объекта экспертизы автор показывает ограничения в применении психологической экспертизы в образовании.

Annotation. Expert evaluation is a job function prescribed by professional standard of educational psychologist. By analyzing goals, tasks and object of expert evaluation author reports limitations in practice of expert evaluation in education.

Ключевые слова: психологическая экспертиза, образование, профессиональный стандарт педагога-психолога.

Key words: expert evaluation in psychology, education, professional standard of educational psychologist.

Профессиональная деятельность психолога в системе образования сегодня подвергается существенным изменениям. Эти изменения продиктованы необходимостью соответствовать условиям нового времени, новой образовательной ситуации и новым тенденциям взросления и социализации современных детей и подростков. В соответствии с этим возрастают требования к квалификации и профессиональным компетенциям психолога.

Традиционно в деятельности педагога-психолога определяются такие основные виды деятельности, как психологическая диагностика, психологическое консультирование, психологическая коррекция и развитие, психологическое просвещение, психологическая профилактика [5; 6].

В 2015 году в Российской Федерации был принят и утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты профессиональный стандарт «Педагог-психолог» — стандарт деятельности практического психолога в системе образования. В этом профессиональном стандарте педагога-психолога обозначена новая трудовая функция — «Психологическая экспертиза (оценка) комфортности и безопасности образовательной среды образовательных организаций» и представлены соответствующие ей трудовые действия, необходимые знания и умения.

В соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации профессиональный стандарт — это характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессио-

нальной деятельности. Под квалификацией понимается уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника. Это означает, что психолог, работающий в системе образования, обязан владеть навыками экспертизы, быть готовым проводить экспертизу образовательной среды в соответствии с параметрами комфортности и безопасности. В связи с этим возникает несколько методологических и методических вопросов.

Первое, что требует прояснения, — это определение назначения экспертизы такого рода, ее целесообразность. Известно, что объективная необходимость в экспертизе возникает всякий раз, когда человек и социальные институты сталкиваются с дилеммой, неразрешимой прежними или стандартными средствами. Вторая причина обращения к процедуре экспертизы связана с получением максимально точной оценки имеющейся ситуации и возможных последствий принимаемого решения в тех случаях, когда риск неблагоприятных последствий особенно велик. С этой точки зрения востребованность экспертизы (особенно — гуманитарной экспертизы) в современном образовании несомненна.

Состояние современной образовательной системы многие исследователи — философы, социологи, психологи, педагоги — характеризуют как кризисное: отмечается снижение уровня образования, несмотря на обилие новых форм, инициатив, педагогических инноваций и т. д.; констатируются существенные дефициты в системе управления образованием. В содержании образования по-прежнему сохраняются многолетние недостатки: нет должной системной целостности предметных знаний, сохраняются их обособленность и разнородность; при установлении объема и предметного содержания не учитывается принцип соответствия возрастным и индивидуальным возможностям учащихся; сохраняется стрессовое нарастание информационных перегрузок, что ухудшает здоровье и ведет к невротизации школьников; дисбаланс между логической, рационализированной информацией и недостаточностью художественно-образных форм развития творческой фантазии, интуиции и «схватывания» целостности предметного мира приводит к искажению личностного и нравственного развития подрастающего поколения. «Цифровизация» — новая образовательная реальность, изменяющая структурные и системные параметры современного образования. Однако эти и другие особенности современного образования, если и требуют экспертизы, то не силами практических психологов системы образования. На уровне образовательного учреждения, на уровне районного, городского, республиканского, краевого центров психологической службы и заказ экспертизы, и ее организация и проведение нецелесообразны.

Второй вопрос — это объект психологической экспертизы образования. В профессиональном стандарте педагога-психолога объект экспертизы связан с образовательной средой образовательной организации.

В исследованиях современных авторов выделяют несколько компонентов образовательной среды, каждый из которых по отдельности и в совокупности с другими может выступать объектом психологической экспертизы. Это пространственно-предметный (архитектурно-эстетические, предметные, материальные условия; помещения, оборудование, материалы; материально-техническое оснащение занятий и др.), организационно-управленческий (компетентность и управленческая культура администрации образовательного учреждения и т. п.), психодидактический (содержание обучения, методы обучения и т. д.), социально-психологический (система взаимоотношений, деятельностно-коммуникативных актов и процессов взаимодействия участников образовательной среды) и субъектный (личностные, возрастные, психофизиологические и другие особенности субъектов образовательной среды) компоненты образовательной среды [4]. Однако проведение экспертизы этих объектов в значительной мере обусловлено различными статусными, должностными и прочими характеристиками практического психолога. Так, организационно-управленческий компонент может стать объектом экспертизы в том случае, если психолог работает вне конкретного образовательного учреждения и выполняет экспертизу по заказу, например, органов управления образованием. Пространственно-предметный и психодидактический компоненты, вероятно, могут выступать объектами экспертизы в случае постановки задачи заказчиком, чья деятельность является внешней по отношению к образовательному учреждению (например, при планировании ремонтных работ или проектировании зданий и помещений специальных назначений, а также при проведении специальных научно-исследовательских проектов и научно-технических изысканий).

Фактически деятельность психолога в образовательном учреждении образования ограничена экспертизой социально-психологического и субъектного компонента образовательной среды. Да и в этом случае речь пойдет, скорее всего, не об экспертизе как таковой, а о схожих, близких видах деятельности оценочно-прогностического характера, анализе, оценке, мониторинге и т. д.

Экспертиза — это исследование и разрешение какого-либо вопроса, требующего специальных знаний. Назначение экспертизы состоит в том, чтобы предъявить лицам, принимающим решения, наиболее полную картину экспертируемой реальности. Любая экспертиза, а значит,

и психологическая экспертиза предполагает установление соответствия наличного состояния объекта — будь это личностные, возрастные, психофизиологические и другие особенности субъектов образовательной среды или система взаимоотношений, деятельностно-коммуникативных актов и процессов взаимодействия участников образовательной среды — некоторому заданному состоянию и определению прогноза развития в конструктивном и неконструктивном исходе. С этой точки зрения, практический психолог, работающий в образовательном учреждении, оказывается в весьма затруднительном положении, поскольку невозможно сформулировать эти заданные параметры ни по критерию желательности, ни по критерию реалистичности.

Известно, что ведущим и инвариантными факторами любой образовательной ситуации являются факторы человека, содержания образования и педагогического воздействия [2]. Каждый из этих факторов имеет свое специфическое наполнение в зависимости от особенностей культуры и развития общества. Человек в образовании однозначно не определен функционально-ролевым и возрастным статусом. Гипотетически им может выступать и обучающий и обучающийся, хотя в конкретных ситуациях эти роли могут быть строго оформлены, фиксированы, распределены и персонифицированы. Содержание образования — это обязательный для усвоения материал и способ его усвоения, заданный конкретно-исторической ситуацией. Содержанием образования могут выступать нормы и ритуалы, ремесло и мастерство, стандарт ЗУН, алгоритмы или программы и т. п.

Под педагогическим воздействием мы понимаем процесс регуляции активности взаимодействующих людей, результатом которого являются изменения функционального и личностного состояния, хотя бы одного из субъектов взаимодействия.

Независимо от того, идет ли речь об учителе или ученике, о содержании образования, тем более, о системе взаимоотношений, можно говорить о некоторых аксиомах понимания человека в образовательном процессе. В качестве таких аксиом выступает признание неопределенности и изменчивости как способа существования человека [1].

Образовательный процесс предполагает соприкосновение, по меньшей мере, двух индивидуальностей, двух неповторимых, уникальных гуманитарных систем. Э. Н. Гусинский считает, что для всяких гуманитарных систем справедливы следующие утверждения:

- нельзя однозначно определить подсистемный состав и все внешние связи гуманитарной системы;
- результаты отдельных воздействий не могут быть вычленены в наличном состоянии системы;

- самосознание гуманитарной системы не может быть полным, всегда остается неосознаваемое в ее существовании;
- гуманитарную систему нельзя однозначно и точно описать до конца, ее существование всегда многозначно;
- нельзя указать начало существования и начальные параметры гуманитарной системы, она проявляется уже сформировавшейся определенным образом;
- ни к какому моменту времени гуманитарную систему нельзя считать завершенной и определить ее конечные параметры;
- нельзя определить последовательность и порядок внутренних преобразований гуманитарной системы;
- нельзя выстроить причинность гуманитарной системы по принципу линейной детерминации [3].

Таким образом, как для всякой гуманитарной системы для образования характерно состояние высокой степени неопределенности и изменчивости и поэтому невоспроизводимости во времени и в пространстве в том же самом качестве. Поэтому задать параметры для сравнения объекта экспертизы в образовании невозможно, а значит, и само проведение психологической экспертизы в образовании становится весьма дискуссионным вопросом. Введение же экспертизы как трудовой функции в профессиональный стандарт практического психолога представляется преждевременным и даже опасным, угрожающим имиджу профессии и потенциально дискредитирующим этого важнейшего специалиста в современном образовании.

Список литературы

1. *Волкова Е. Н.* Психология субъектности педагога. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001.
2. *Волкова Е. Н.* Субъектность педагога: теория и практика: дис. ... д-ра психол. наук. М., 1998.
3. *Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И.* Образование личности: пособие для преподавателей. М.: Интерпракс, 1994.
4. *Лактионова Е. Б.* Структурно-функциональная модель образовательной среды как объекта психологической экспертизы // Безопасная образовательная среда: моделирование и развитие / И. А. Баева, И. В. Василенкова, Л. А. Гаязова, О. В. Ковальчук, Е. Б. Лактионова, А. В. Мартынова, С. В. Тарасов. СПб., 2017. С. 66–85.
5. *Овчарова Р. В.* Практическая психология образования: учеб. пособие для студ. психол. фак-тов университетов. М.: Академия, 2003.
6. *Практическая психология образования / под ред. И. В. Дубровиной.* СПб.: Питер, 2004.

**Формирование объединенного Экспертного совета
по гуманитарно-художественному образованию
в пространствах Петровской академии наук и искусств
и АНО ВО «Международная академия искусств»**

Grigorieva O. A.

**Formation of a joint Expert Council on humanitarian art
education in the spaces of The Petrovskaya Academy
of Sciences and Arts and The “International
Academy of Arts”**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности актуализации современной системы художественного образования в Санкт-Петербурге; формулируются его миссия, цель и задачи; дается описание гуманитарно-художественных проектов.

Annotation. the article discusses the possibility of updating the modern system of art education in St. Petersburg; formulated its mission, purpose and objectives; describes the humanitarian and artistic projects.

Ключевые слова: экспертный совет; воспитание творчеством; образование и культура; язык искусства; школьная театральная педагогика.

Key words: expert advice; education; creativity; education and culture; language arts; School of theatre pedagogy.

*Не ругайте свою эпоху. Вы пришли,
чтобы сделать ее лучше...*

Ильин

Современная теория и практика образования видит перспективу человечества в становлении нового гуманитарного мышления на основе принципов целостности человеческого, личностного существования в культуре. При этом образование — это область социокультурной жизнедеятельности, где совершается становление духовно зрелой, нравственно свободной личности, способной нести груз ответственности за судьбу земной цивилизации и культуры, защищать и отстаивать общечеловеческие ценности, творить целостный мир, одушевленный творческим присутствием человека.

Система современного образования предполагает развитие человека не только профессионально компетентного, но и разносторонне образованного, гуманистически направленного. Этическая и эстетическая сферы гуманитарного образования сегодня актуальны, как никогда. Это тот камертон, который в любой сфере деятельности человека позволяет осознанно выбрать собственный путь развития.

Будущее любой страны базируется на образовании и культуре. Время требует от нас духовного деяния. Именно это инвестиции в будущее. Именно поэтому АНО ВО «Международная академия искусств» и МОО «Петровская академия наук и искусств» заключили договор о творческом сотрудничестве.

Миссия: объединение креативно думающих и способных к действию специалистов в сфере художественного образования.

Цель: актуализация современной системы художественного образования для сохранения, развития и популяризации различных видов искусств с привлечением отечественного и зарубежного инновационного опыта.

Предмет договора:

- возрождение «Петровских Ассамблей»: объединение фестивалей «Петербургская осень» и «Театральный остров»; абонементов «Галерея портретов», «Аристократы» и «Гитарный Петербург», выставок российских и зарубежных художников;
- возрождение «Петровских Университетов»: образовательная и просветительская деятельность по эксклюзивным программам, разработанным коллективом обеих академий: «Основы актерской и режиссерской культуры Учителя»; «Театральные технологии в образовательном пространстве, или Школьная театральная педагогика»; «Безопасность творчества» и мн. др.;
- реализация гуманитарно-художественных проектов: «Воспитание Творчеством»; «Интернациональный язык искусства»; «Будущее театрального образования»; «Культурно-образовательная и правовая адаптация иностранных граждан»;
- реализация Программы Международного центра «Школьная театральная педагогика».

Цели и задачи гуманитарно-художественного образования

Цели:

- Становление человека культуры, способного свободно ориентироваться в современной социально-экономической ситуации, избирать сферу общественной практики и созидательно действовать в ней.
- Содействие консолидации и интеграции деятельности творческой молодежи из стран-соседей России ради достижения межэтнического согласия и миролюбия между народами языком искусства.
- Гуманитарная деятельность в интересах детей и подростков из зон межнациональных и межконфессиональных конфликтов.
- Организация сотрудничества с вузами стран-соседей России в области науки и образования, социальной и культурной сферах.

- Организация международных конференций и симпозиумов по евразийской тематике.
- Создание совместных научно-образовательных и культурных центров в странах-соседах для распространения достижений русской науки, культуры и русского языка.

Задачи:

- подготовка современных специалистов на основе достижений российской и мировой науки, образования и культуры;
- гуманитарно-художественная подготовка и отбор талантливых детей из зарубежных стран для их профессионального обучения в соответствии с врожденными способностями;
- раскрытие творческого потенциала студентов средствами театрального искусства;
- нравственно-эстетическое воспитание студентов, учащихся школ и колледжей Санкт-Петербурга;
- военно-патриотическое воспитание студентов, учащихся школ и колледжей Санкт-Петербурга;
- выстраивая концепцию гуманитарно-художественного образования, Петровская академия наук и искусств (ПАНИ) и «Международная академия искусств» (МАИ) продолжают реализацию нескольких проектов, связанных с развитием художественного и гуманитарного образования.

Гуманитарно-художественные проекты «Интернациональный язык музыки»

Там, где не удается договориться политикам, договорятся музыканты. Ибо язык музыки не требует перевода. Он понятен каждому. Идет от сердца к сердцу. От души к душе. Именно поэтому коллективы обеих академий начали реализацию проекта «Интернациональный язык музыки».

Цель проекта — укрепление межэтнических связей, эстетическое и художественное воспитание студентов и учащихся школ Санкт-Петербурга средствами музыкального искусства.

1. Международный фестиваль «*Интернациональный язык музыки*», к участию в котором приглашаются профессиональные музыканты из России и стран СНГ и всего мирового содружества.
2. *Музыкальные гостиные* для представителей диаспор и землячеств.
3. Международная научно-практическая конференция «*Искусство и образование*».

«Будущее театрального образования, или Школьная театральная педагогика»

Цель: эстетическое воспитание старшеклассников и студентов средствами театрального искусства.

Необходимость реализации данного проекта обусловлена рядом социокультурных и образовательных факторов. Динамика социально-экономических изменений, развитие процессов демократизации общественного сознания и практики порождают потребность в личности, способной к адекватной культурной самоидентификации, свободному выбору собственной позиции, активной самореализации и культуросозидательной деятельности. Именно в школе, в образовательно-воспитательном процессе, происходит становление личностного самосознания, формируется культура чувств, способность к общению, овладение собственным телом, голосом, пластической выразительностью движений, воспитывается чувство меры и вкус, необходимые человеку для успеха в любой сфере деятельности. Театрально-эстетическая деятельность, органично включенная в образовательный процесс, — универсальное средство развития личностных способностей человека.

Проект *«Будущее театрального образования»* включает в себя:

Профессионально-образовательный профиль *«Театральное образование, или Школьная театральная педагогика»*, который готовит учителя, способного организовать образовательное театрально-игровое действо в школе, которое оптимизирует освоение ценностей отечественной и мировой культуры, предлагает способы интеграции дисциплин естественнонаучного и социогуманитарного циклов, реализует идею личностной направленности образовательного процесса.

Проекты Школьной театральной педагогики «Я — будущее России!».

Создание и апробация модели формирования гражданско-патриотической позиции

Тема проекта: Формирование гражданско-патриотической позиции обучающихся ГБОУ школы № 351 в рамках Проекта развития школы на период 2016–2020 гг. средствами и методами школьной театральной педагогики (театральных технологий в образовательном и социокультурном пространстве).

Творческое название: «Я — будущее России!». Предмет: Школьная театральная педагогика. Межпредметные связи: русский язык, литература, история, театр.

Цель проекта: создание и апробация модели формирования гражданско-патриотической позиции обучающихся ГБОУ школы № 351 Московского района Санкт-Петербурга с использованием театрально-педагогических технологий.

Задачи проекта:

- создание алгоритма взаимодействия учреждений образования для решения государственных задач по гражданско-патриотическому воспитанию;
- отработка методик и технологий гражданско-патриотического воспитания методами и средствами театральных технологий;
- утверждение в сознании и чувствах обучающихся гражданско-патриотических ценностей, взглядов и убеждений, воспитание уважения к культурному и историческому прошлому России, к традициям Санкт-Петербурга.

Принцип реализации проекта «Я — будущее России!» — взаимодействие личности и коллектива по законам нравственности, активной гражданской позиции и взаимоуважения для решения образовательных задач проекта.

«Международный арт-бизнес центр “Volant”»

«Международный арт-бизнес центр “Volant”» — объединение ведущих тренеров-консультантов международного уровня. Палитра тренингов многообразна и разнопланова. Уникальность «Volant’a» заключается в следующем:

- каждый тренинг является оригинальной авторской разработкой, основанной на богатейшем теоретическом и практическом опыте специалистов;
- методики «VOLANT’a» сочетают в себе психологию и театральную педагогику;
- деятельность Центра ориентирована на успешных и не успокоившихся;
- тренинги проходят в атмосфере «громкой тишины», легкости, радости и полета; включают ролевые и деловые игры, театрализации, наполненные энергетикой Санкт-Петербурга;
- впервые предлагаются психолого-актерские тренинги на европейских языках: английском и французском;
- проводятся выездные тренинги в странах Европы для российских и иностранных туристов;
- гибкая система модулей позволяет реагировать на индивидуальные предложения и пожелания участников.

Палитра тренингов

- Психолого-актерский тренинг «Сыграй гениально самого себя!»
- Эстетика души, или Музыкалотерапия
- Ваше Величество Женщина, или Магия привлекательности
- Бизнес-тренинги:
 1. Тренинг работы с клиентом
 2. Достижение успеха
 3. Моделирование имиджа
 4. Тренинг продаж
 5. Разрешение конфликтных ситуаций

Художественно-эстетическая программа «Преображение»

Художественно-эстетическая программа «Преображение» — творческое содружество неравнодушных людей, которое объединило Санкт-петербургских тренеров-консультантов, педагогов, психологов, стилистов, визажистов и имиджмейкеров международного уровня. Каждая вариация Программы состоит из нескольких модулей, которые являются оригинальными авторскими разработками, основанными на богатейшем теоретическом и практическом опыте специалистов.

«Преображение» — это стремление поделиться культурным наследием Санкт-Петербурга с мигрантами для их скорейшей безболезненной адаптации в петербургском пространстве при сохранении ими своей национальной культуры. Авторы Программы убеждены, что Внутреннее Сияние — это не метафора, это чудо, которое может стать реалией жизни.

Таким образом, можно утверждать, что существуют все предпосылки для создания уникальной системы гуманитарно-художественного образования, охватывающей собою практически все виды искусства и направления нравственно-эстетического воспитания студентов и школьников.

Сформулированные цели и задачи гуманитарно-художественного образования могут быть достигнуты:

- при мотивированной поддержке команды профессионалов, занимающихся данной деятельностью;
- при наличии активной рекламной кампании, освещающей все мероприятия различных проектов, программ, конференций в пространстве Интернета и средствах массовой информации;

Предложения:

- Все программы, проекты, фестивали МОО «Петровская академия наук и искусств» и АНО ВО «Международная академия искусств»

- реализуются под эгидой Комитетов по образованию и Комитетов по культуре Санкт-Петербурга и Ленинградской области.
- Получить государственную поддержку для деятельности Экспертного совета по гуманитарно-художественному образованию в пространствах Петровской академии наук и искусств и АНО ВО «Международная академия искусств».
 - Организовать инновационные площадки на базе уникальных театральных и музыкальных коллективов.
 - Предложить Академиям педагогических наук стран СНГ разработать совместно с Российской академией образования общую программу интеллектуальной консолидации стран Содружества.
 - Для проведения «Петровских Ассамблей» найти в центре Санкт-Петербурга театрально-концертную площадку.
 - Для проведения «Петровских чтений» подобрать конференц-зал в центре Санкт-Петербурга.
 - Для проведения выставок российских и зарубежных художников найти в центре Санкт-Петербурга выставочное пространство.

Экспертный Совет МОО «ПАНИ» и АНО ВО «МАИ»

Воронцов Алексей Васильевич — президент МОО «ПАНИ», доктор философских наук, профессор, академик ПАНИ

Абаев Султан Шамсудинович — ректор АНО ВО «МАИ», заслуженный художник России; член Союза художников Санкт-Петербурга, академик ПАНИ

Григорьева Ольга Александровна — доктор педагогических наук, профессор, Председатель отделения театра и музыки (ОТиМ) «ПАНИ», член Президиума «ПАНИ», первый проректор АНО ВО «МАИ», инициатор и художественный руководитель гуманитарно-художественных проектов

Плужников Константин Ильич — президент Центра современного искусства, народный артист России, лауреат всесоюзного и международных конкурсов, академик ПАНИ

Абилов Шерхан Абдиевич — общественный деятель, академик ПАНИ, член Союза кинематографистов РФ, Гранд-доктор философии в области театра и киноискусства

Героева Людмила Михайловна — академик ПАНИ, художественный руководитель УДО НП «Детский Центр эстетического развития и актерского мастерства им. А. Ю. Хочинского», кандидат педагогических наук, доцент кафедры режиссуры и мастерства актера ФГБОУ ВО «СПБГИК»

Дворко Станислав Борисович — академик ПАНИ, Президент МОО «Национальный совет социальной информации», директор Санкт-Петербургского просветительского театра «Новое поколение»

Жигалко Елена Владимировна — академик ПАНИ, почетный работник общего образования РФ, учитель, педагог-организатор ГБОУ школа № 411 «Гармония»

Журавлев Михаил Георгиевич — академик ПАНИ, член Союза композиторов России, художественный руководитель международного фестиваля русского искусства «Петербургская осень», директор Музыкально-просветительского колледжа им. Б. И. Тищенко

Сидорова Наталия Юрьевна — академик ПАНИ, художественный руководитель, режиссёр, педагог по актёрскому мастерству, театра-студии «Дуэт» ДДЮТ Московского района Санкт-Петербурга, почётный работник общего образования РФ, член Союза театральных деятелей

Иванская Лариса Николаевна — академик ПАНИ, кандидат психологических наук, научный и художественный руководитель Экспериментального театра рассказа

Ильгин Константин Владимирович — академик ПАНИ, кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкально-инструментальной подготовки ИМТиХ РГПУ им. А. И. Герцена

Иконникова Нина Валентиновна — академик ПАНИ, художественный руководитель театра-студии «Отражение» ДДЮТ Приморского района Санкт-Петербурга, почётный работник общего образования РФ

Лапина Валентина Георгиевна — доктор исторических наук, профессор, Ученый секретарь АНО ВО «МАИ», полковник МВД

Лапичева Людмила Юрьевна — академик ПАНИ, художественный руководитель театра-студии «ШкоДА», соавтор и руководитель проекта «Я — будущее России!»

Людько Мария Германовна — академик ПАНИ, заведующая кафедрой камерного пения Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, заслуженная артистка России, кандидат искусствоведения

Цыплакова Елена Октябровна — советская и российская актриса театра и кино, режиссёр, заслуженная артистка РФ, народная артистка России, профессор «МАИ», академик ПАНИ

Шаров Олег Михайлович — академик ПАНИ, профессор и декан факультета народных инструментов и заведующий кафедрой аккордеона и баяна Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова

Опыт разработки и апробации алгоритма проведения гуманитарной экспертизы эффективности социально-психологических услуг в сфере реабилитации детей с особыми возможностями здоровья (ОВЗ)

Malkova E. E.

Experience in the development and testing of an algorithm for conducting a humanitarian examination of the effectiveness of socio-psychological services in the field of rehabilitation of children with special health opportunities (HIA)

Аннотация. Представлен опыт разработки и апробации алгоритма оценки эффективности и целесообразности применения немедикаментозных видов помощи детям с особыми возможностями здоровья в условиях реабилитационного центра. Разработанный алгоритм предполагает поэтапную оценку целевого, содержательного, операционно-деятельностного и оценочно-результативного компонентов отдельных методов реабилитации. Внедрение данного алгоритма позволит обеспечить предоставление качественных реабилитационных услуг и оптимизировать экономические затраты.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, социально-психологическая реабилитация, особые возможности здоровья, нарушения психического развития.

Annotation. The experience of the development and testing of the algorithm for evaluating the effectiveness and feasibility of using non-drug types of care for children with special health opportunities in a rehabilitation center is presented. The developed algorithm as sums a step-by-step assessment of the target, meaningful, operational-activity and estimated-effective components of individual rehabilitation methods. The implementation of this algorithm will ensure the provision of quality rehabilitation services and optimize economic costs.

Key words: humanitarian expertise, socio-psychological rehabilitation, special health opportunities, mental development disorders.

Среди важнейших социальных проблем, стоящих перед государством в настоящее время, одной из основных является реабилитация и социальная защита инвалидов, в частности — инвалидов детства, которые позволили бы им стать им в будущем полноправными членами общества в равной степени со здоровыми людьми, принимать активное участие во всех сторонах общественной жизни.

Основные направления и пути психолого-педагогической работы с детьми с ОВЗ уже несколько десятилетий разрабатываются и успешно применяются на практике в различных учреждениях. Отечественные

учение Ю. А. Разенкова, П. Л. Житянова и другие обосновали необходимость психологического сопровождения детей с церебральным параличом, начиная с первых месяцев жизни. В работах Н. В. Симоновой, М. М. и Н. Я. Семаго рассмотрены задачи и содержание психологического сопровождения в условиях коррекционных образовательных учреждений.

Реабилитация инвалида — процесс и система медицинских, психологических, педагогических, социально-экономических мероприятий, направленных на устранение или возможно полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма. Целью реабилитации ребенка-инвалида является восстановление социального и психологического статуса инвалида, достижение им относительной независимости от сопровождения взрослым и медико-психолого-социальная адаптация.

Основным механизмом осуществления всех реабилитационных мероприятий, установленных государством, является индивидуальная программа реабилитации инвалида.

Индивидуальная программа реабилитации инвалида (ИПР) — разработанный комплекс оптимальных для ребенка-инвалида реабилитационных мероприятий, включающий в себя отдельные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации медицинских, психологических, социальных и других реабилитационных мер, направленных на восстановление, компенсацию нарушенных или утраченных функций организма; восстановление, компенсацию способностей ребенка-инвалида к выполнению определенных видов деятельности.

В то же время индивидуальная программа реабилитации инвалида является обязательной для исполнения соответствующими органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности.

В этой связи следует отметить, что экономически целесообразным для любого региона является организация высокопрофессиональной ранней диагностики и коррекции нарушений развития у различных категорий детей с ограниченными возможностями здоровья. С одной стороны, государственные и благотворительные средства, затрачиваемые на реабилитацию детей с ОВЗ, должны расходоваться максимально рационально. С другой стороны — высокая эффективность реабилитационных мероприятий немедикаментозными средствами позволит привести к снижению количества детей, признанных инвалидами и требующих назначения социальных выплат, к возможности включения ряда детей в процесс общего образования на основе интегрированной или инклюзивной модели, а в будущем — к включению лиц с ОВЗ в производственный процесс региона.

Предпринятый нами анализ исследований, проведенных в 2011–2016 гг., позволяет говорить о наличии различных подходах к оценке эффективности реабилитационных услуг [2]. С одной стороны, речь идет о деятельности учреждения в целом, с другой — о применении частных методов и методик в практике реабилитации нарушений различной нозологии. Кроме того, можно выделить несколько подходов (и, соответственно, групп методов) к оценке эффективности — экономический, социологический, медицинский (клинический), психолого-педагогический подходы.

В то же время далеко не каждый регион России в полной мере располагает возможностями реабилитации всех категорий детей-инвалидов с достаточной эффективностью. Приходится использовать ресурс других регионов страны и даже зарубежных коллег, что ложится соответствующим бременем на бюджет, для наиболее эффективного и целесообразного расходования которых, необходимы соответствующие обоснования.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют говорить о различных подходах к оценке эффективности реабилитационных услуг [1, 6]. В ряде исследований показаны подходы к оценке эффективности мероприятий вне стационара [3], в других — в учреждениях социальной защиты [4], проведены сравнительные исследования нестационарных и полустационарных форм обслуживания населения [10].

В целом, анализ имеющихся в нашем распоряжении источников показывает, что основные исследования оценки эффективности и целесообразности применения немедикаментозных видов помощи, используемых в реабилитации, относятся либо к вопросам лечения соматических заболеваний у детей и взрослых, либо к реабилитационным мероприятиям с лицами после 18 лет, либо подвергаются оценке не отдельные методики, а результаты реализации ИПР в целом.

Однако даже в профессиональных кругах врачей, медицинских психологов, социальных работников и пр. смысл и содержание самого понятия «реабилитация» остается весьма расплывчатым и понимается преимущественно на интуитивно-эмпирическом уровне.

К примеру, известно, что именно комплексный подход к здоровью и лечению человека, активно разрабатываемый в психологии, медицине и нейрореабилитации в последнее время, представляется наиболее эффективным. Тем не менее в ходе реализации коррекционных мероприятий даже в тех учреждениях, которые декларируют командную работу специалистов, данный подход существует лишь номинально. Более того, на практике можно наблюдать выход специалистов за пределы своей компетенции, что негативно отражается на эффективности коррекционной работы. В ряде случаев родители настаивают на оплате за счет средств региона так называемых инновационных (чаще — немедика-

ментозных), а по сути, научно непроверенных, с сомнительной репутацией и условной эффективностью в отношении определенной категории детей-инвалидов методов.

С одной стороны, речь идет о применении частных методов и методик в практике реабилитации нарушений различной нозологии [8, 11], с другой — о деятельности учреждения в целом [12]. Кроме того, можно выделить несколько подходов (и, соответственно, групп методов) к оценке эффективности — экономический, социологический [5], медицинский (клинический), исторический, психолого-педагогический [7].

Исходя из этого, представляется важным дать квалифицированную оценку состоянию данной проблемы и на основе имеющихся научных данных разработать алгоритм оценки эффективности применения немедикаментозных методов лечения и реабилитации детей с заболеваниями центральной нервной системы и психоневрологическими заболеваниями.

Оценка эффективности и целесообразности применения деятельности реабилитационных центров осуществляется в соответствии с Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 1 июля 2013 г. № 287 «О методических рекомендациях по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности подведомственных государственных (муниципальных) учреждений социального обслуживания населения, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категориям работников» [13].

В соответствии с указанными в нем критериями все учреждения социально-реабилитационной направленности проходят комплексную оценку эффективности деятельности подведомственных государственных (муниципальных) учреждений социального обслуживания населения, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категориям работников. На сайтах органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления каждого субъекта РФ отражены результаты этих оценок. Однако непосредственно *исследования эффективности и целесообразности применения немедикаментозных видов помощи*, используемых реабилитационными центрами, в рамках указанных мероприятий не проводятся [14].

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные по оценке эффективности и целесообразности применения немедикаментозных видов помощи, используемых реабилитационными центрами, позволяют сделать заключение: в отечественной теории и практике системные исследования по данной проблематике весьма немногочисленны. Основная проблема, на наш взгляд [9], заключена в необходимости как разработки алгоритма оценки, так и проведения системных исследований эффектив-

ности и целесообразности применения немедикаментозных видов помощи детям с ОВЗ в условиях реабилитационного центра.

На основании проведенного анализа был разработан следующий Алгоритм экспертной оценки эффективности и целесообразности применения немедикаментозных видов помощи, используемых реабилитационными центрами ЯНАО в социально-психологической реабилитации или абилитации, социокультурной реабилитации или абилитации детей с ОВЗ.

Разработанный Алгоритм включил в себя четко прописанные критерии оценки:

- научной обоснованности и доказанной эффективности в отношении конкретных нарушений в развитии;
- функциональных возможностей методов и процедур;
- показаний и противопоказаний;
- наличия описанной технологии применения;
- требований к квалификации специалистов, использующих данные методы и процедуры.

Разработанный Алгоритм предполагает поэтапную оценку:

- целевого компонента метода/процедуры;
- содержательного компонента метода/процедуры;
- операционно-деятельностного компонента метода/процедуры;
- оценочно-результативного компонента метода/процедуры.

Ниже представлены методические рекомендации по проведению экспертной оценки эффективности и целесообразности применения немедикаментозных видов помощи, используемых реабилитационными центрами ЯНАО в социально-психологической реабилитации или абилитации детей с ОВЗ, механизму начисления баллов, а также оформлению структуры итогового заключения.

Анализ *целевого компонента метода/процедуры* строится на научной обоснованности и доказанной эффективности в отношении групп детей с ОВЗ — ограниченными возможностями здоровья (нарушениями психического развития) и оценивается по шкале от 0 до 5 баллов в зависимости от представленности в виде доказанной эффективности проведенных исследований в рамках докторской или кандидатской диссертации, в статьях, в материалах, размещенных на официальных сайтах государственных учреждений системы здравоохранения и социальной защиты или на сайтах коммерческих реабилитационных центров. В этом же разделе оценивается то, насколько учтены особенности и потребности детей с ОВЗ (0–2 баллов) — с четким указанием характера нарушения при определенной нозологической форме, с указанием на определенный класс нарушений развития или без указания специфики ОВЗ.

Анализ *содержательного компонента метода/процедуры, используемого конкретным реабилитационным центром*, предполагает оценку правового и методического обеспечения Организации (от 0 до 3 баллов в зависимости от наличия или отсутствия положений, нормативных и правовых актов федерального, регионального или муниципального уровня, регламентирующих организацию социально-психологической и социокультурной реабилитации или абилитации с использованием конкретного метода/процедуры в подобного рода учреждениях. Кадровое обеспечение Организации, применяющей данный метод/процедуру, оценивается от 0 до 2 баллов в зависимости от наличия/отсутствия специалиста (группы специалистов, в случае командной работы), обладающего соответствующим уровнем квалификации и прошедшего специальную подготовку/переподготовку в рамках владения конкретным методом/процедурой.

Анализ *операционно-деятельностного компонента метода / процедуры* связан с оценкой наличия/отсутствия описанной технологии применения (0–3 баллов) на уровне методических рекомендаций (пособий) по технологии применения конкретного метода/процедуры, рекомендованных Министерством здравоохранения и социального развития, одобренных двумя и более независимыми специалистами-экспертами, либо методических рекомендаций (пособия) по технологии применения конкретного метода/процедуры, не проходивших процедуру рецензирования. Кроме того, оценивается наличие или отсутствие показаний/противопоказаний к применению конкретного метода/процедуры (0–3 баллов), а также степень риска развития нежелательных побочных реакций и побочных эффектов (0–3 баллов). Оценка безопасности применения нелекарственных технологий может быть проведена с использованием информации из различных исследований, включая оценку типичной практики, информацию от пациентов и регистров больных.

Анализ оценочно-результативного компонента метода/процедуры складывается из объективной оценки результативности использования метода/процедуры по шкале от 0 до 5 баллов (ухудшение состояния — полное восстановление) и оценки метода/процедуры пациентами (родителями пациентов, лицами, их заменяющими) — информация о применении технологии, полученная от пациентов, без промежуточной ее обработки третьим лицом (интервьюером, экспертом). Критериями оценки являются изменения выраженности симптомов заболевания, переносимость лечения, качество жизни, связанное со здоровьем, удовлетворенность ожиданий, экономическая и физическая доступность.

Данный алгоритм был нами успешно апробирован в рамках исполнения ГК № 28ок/2016 от 13 сентября 2016 года на исполнение НИР по теме: «Оценка эффективности применения немедикаментозных методов

лечения и реабилитации детей с заболеваниями центральной нервной системы и психоневрологическими заболеваниями) (государственный заказчик — ГКУ ЯНАО «НЦИА»).

Согласно техническому заданию предполагался анализ 22 методик, наиболее часто предлагаемых к включению в процесс реабилитации детей с ОВЗ ЯНАО. Однако в процессе анализа обратили на себя особое внимание и другие, активно предлагаемые различными реабилитационными центрами. К примеру, «Терапия прикосновением», «Гимнастика в лунных ритмах», «Цвето-световая терапия», «Терапия китайских колокольчиков» и «Терапия снов».

В рамках этого проекта нами было осуществлено рецензирование 27 методов и процедур, используемых реабилитационными центрами ЯНАО в социально-психологической реабилитации или реабилитации, социокультурной реабилитации или реабилитации детей Ямало-Ненецкого автономного округа для повышения эффективности работы экспертной комиссии центров и оформлено в виде рецензии.

Проведенная оценка эффективности и целесообразности применения немедикаментозных методик, используемых в условиях реабилитационных центров для лечения и реабилитации детей с заболеваниями центральной нервной системы и психоневрологическими заболеваниями показала, что значительную часть (60%) представленных методов можно отнести к категории эффективных и целесообразных в использовании в целях социально-психологической реабилитации или абилитации, а также социокультурной реабилитации или абилитации детей с конкретными формами ОВЗ, 22% представленных методик отнесены к группе ограниченно эффективных при решении задач социально-психологической реабилитации детей с ОВЗ, а 18% относятся к методам, которые в результате экспертизы были признаны неэффективными и нецелесообразными к использованию для целей реабилитации детей с ОВЗ. В то же время следует отметить, что ряд методов относятся к отдельным направлениям реабилитации. К примеру, арт-терапия является отдельным направлением, включающим в себя изотерапию, музыкотерапию, игротерапию, сказкотерапию, кинезотерапию, имаготерапию и другие. Другим широким направлением является нейропсихологическая коррекция, которая включает в себя целый ряд обязательных этапов и может касаться не только нейропсихологической диагностики, но и целого комплекса специальных психологических методик, которые направлены на переструктурирование нарушенных функций мозга и создание компенсирующих средств (нейродвигательных, нейрокогнитивных и прочих техник).

Таким образом, экспертиза немедикаментозных методик, используемых в условиях реабилитационных центров для лечения и реабилитации

детей с заболеваниями центральной нервной системы и психоневрологическими заболеваниями, позволит обеспечить получение детьми с ОВЗ качественных реабилитационных услуг и оптимизировать экономические и прочие затраты в этой сфере.

Список литературы

1. АСИ // Вопросы социального обеспечения [Электронный ресурс]. URL: <http://mchpravo.ru/voprosy-socialjnogo-obespecheniya> (дата обращения: 21.03.2019).
2. *Баканова А. А., Малкова Е. Е., Машина Е. М.* Проблема использования отдельных немедикаментозных методов реабилитации детей-инвалидов (реферативный обзор публикаций научно-практического журнала «Медико-социальные проблемы инвалидности» за период 2011–2016 гг.) // Теоретические и прикладные проблемы психологического здоровья и экологии человека: сборник научных статей Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 18 декабря 2017 г.) / отв. ред. Р. Р. Халфина. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 8–12.
3. *Ерусланова П. И.* Технологии социального обслуживания лиц пожилого возраста и инвалидов на дому: учебное пособие для бакалавров / Р. И. Ерусланова; 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИТК Дашков и К°, 2012.
4. *Жигарева Н. П.* Комплексная реабилитация инвалидов в учреждениях социальной защиты: учебно-практическое пособие / Н. П. Жигарева. М.: ИТК Дашков и К°, 2012.
5. *Запарий С. П., Полувешкина И. В.* Определение потребности инвалидов из числа взрослого сельского населения Омской области в комплексной реабилитации. Медико-социальные проблемы инвалидности. М.: ФГБУ ФБ МСЭ Минтруда России. 2014. № 2. С. 101–104.
6. Инвалиды в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disability.ru/story/show.php?id=5129> (дата обращения: 21.03.2019).
7. *Киселев М. И.* Генезис отношения к детям с ограниченными возможностями / М. И. Киселев // Молодой ученый. 2012. № 12.
8. *Малкова Е. Е.* Проблемы организации системы медико-психолого-социальной реабилитации детей с детским церебральным параличом // Сб. Тезисов VIII междисциплинарного научно-практического конгресса с международным участием «Детский церебральный паралич и другие нарушения движения у детей», г. Москва, 1–2 ноября 2018 года. М., 1918. С. 96–97.
9. *Малкова Е. Е., Баканова А. А.* Проблема определения критериев оценки эффективности немедикаментозных методов реабилитации детей с ОВЗ // Материалы международного конгресса «Психотерапия, Психофармакотерапия, Психологическое консультирование — грани исследуемого!», 17–18 марта 2017 г. М., 2017. С. 150–151.
10. Организация нестационарных и полустационарных форм социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов г. Новошахтинска 2012 год.

11. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#.
12. Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / под ред. П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Московский общественный научный фонд; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2007.
13. Приказ Минтруда России № 287 от 1 июля 2013 г. «О методических рекомендациях по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности подведомственных государственных (муниципальных) учреждений социального обслуживания населения, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категориям работников».
14. *Сабанцева Т. В., Хмелевская К. И.* Хореография как средство реабилитации слепых и слабовидящих детей // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. № 3(139). 2015. С. 177–180.

Лактионова Е. Б.

Психологическая экспертиза образовательной среды: теоретико-методологический аспект

Laktionova E. B.

Psychological examination of the educational environment: theoretical and methodological aspect

***Аннотация.** В статье представлено современное понимание образования как сферы социальной жизни. Рассматриваются вопросы, связанные с проблемой психологической экспертизы образовательной среды. Образовательная среда рассматривается как составляющая социальной ситуации развития и как условие развития личности ребенка. Обосновывается положение, что основополагающим контекстом, определяющим концептуальную сущность психологической экспертизы образовательной среды, является субъектный подход.*

Ключевые слова: образовательная среда, психологическая экспертиза, условия развития, субъектность.

***Annotation.** Modern understanding of education as spheres of social life is presented in article. The questions connected with a problem of psychological examination of the educational environment are considered. The educational environment is considered as a component of a social situation of development and as a condition of personal development of the child. Situation is proved that the fundamental context defining conceptual essence of psychological examination of the educational environment is subject approach*

Key words: educational environment, psychological examination, development conditions, subjectivity.

Анализ современной образовательной ситуации позволяет констатировать, что в настоящее время сложился новый социокультурный контекст,

системообразующим принципом которого стала смена ценностно-целевых ориентиров, согласно которым главным ресурсом развития становится человек, что требует серьезных вложений в сферу образования и прежде всего, в ее психологическую составляющую. Образованию предстоит изменить свое содержание от специально организованного процесса передачи-приема информации на процесс расширения возможностей компетентного выбора ребенком собственного жизненного пути, что предполагает организацию условий, способствующих обучающимся актуализировать свой личностный потенциал, позволяющий им впоследствии внести вклад в прогресс и улучшение общества в целом.

Акцентирование внимания на образовании как процессе «укоренения» человека в культуре предполагает разрешение противоречия между освоением права и долженствования через сознательный свободный выбор и ответственность за него. Согласно идеям, изложенным в работах А. Г. Асмолова, в соответствии с данной парадигмой, образование должно пройти путь от воспитания культуры полезности к воспитанию культуры человеческого достоинства [1]. На сегодняшний день полагать, что этот путь пройден преждевременно, однако фокус педагогического сознания общества постепенно смещается в сторону сущностного понимания человека: признания его активности, способности к целеполаганию, свободы выбора и ответственности за него, уникальности и готовности к самоизменению. В психологической науке упомянутые качества раскрываются через категорию субъекта. Анализ образовательной среды с точки зрения предоставляемых ею условий и возможностей для развития субъектов образовательного процесса — одно из важнейших направлений повышения качества современного школьного образования.

Образовательной практике необходимы средства, позволяющие получать информацию для определения психологического качества образовательной среды, как совокупности условий и возможностей для развития личности, опираясь на которую можно было бы делать экспертные суждения и заключения прогностического характера. Задачи развития человеческого потенциала общества обуславливают необходимость включения в образовательную практику такой её составляющей, как психологическая экспертиза, которая является не только источником получения достоверной информации, требующей специальной подготовки и наличия профессиональных знаний, но и важнейшей составляющей управленческого процесса в образовании. Сущность и характер экспертизы, а также ее название (педагогическая, экологическая и т. д.) определяются не только методами, но и целью, предметом и объектом исследования. Объектом психологической экспертизы является образовательная среда (в психологическом аспекте), целью — анализ образовательной среды с точки зрения

предоставляемых ею условий и возможностей для личностного развития субъектов образовательного процесса; обеспечение психологически комфортной, безопасной, развивающей образовательной среды (через создание устойчивых механизмов сотрудничества, закрепленных в организационной культуре школы и форм взаимодействия); гуманизация средств и способов воспитательного воздействия на развивающуюся личность и ее защита от деструктивного воспитательного (социального) и психологического влияния (через выработку единого взгляда на природу детства, роль взрослых в развитии ребенка, цели образования).

Основополагающим контекстом, определяющим концептуальную сущность, содержание и технологии психологической экспертизы является субъектный подход. Для разработки теоретико-методологических оснований психологической экспертизы представляется принципиально важным, что отчетливо выступившая в последнее время в психологической науке тенденция методологической переориентации в сторону субъектного подхода имеет безусловную гуманистическую направленность. Отметим, что усиление значения категории субъекта в психологии имеет свои предпосылки не только в логике развития самой науки, но и в тех социальных изменениях, которые наука отражает. На протяжении нескольких десятилетий в центре понятийной системы отечественной психологии находились категории сознания и деятельности, поскольку социально-экономическая организация общества того времени выдвигала на первый план человека труда, реализующего деятельность. Более того, человек труда был неотъемлемой частью коллектива, производящего посредством деятельности общественные ценности. Человек как уникальная индивидуальность, с его бытийными и многими другими проблемами интересовал как общество, так и науку в гораздо меньшей степени. Несмотря на сегодняшние идеологические и методологические подвижки, сила инерции предыдущей социокультурной ситуации оказалась столь велика, что ряд исследователей, справедливо отмечая необходимость применения субъектно-ориентированного подхода к инновационному развитию и образованию, одновременно говорят о бессубъектности как о главной проблеме современной России. Это мнение косвенно подтверждается исследованиями особенностей русского языка, выполненными известным специалистом в области лингвистики А. Вежицкой [2]. Рассматривая язык как наиболее концентрированное выражение национального характера, она выявила в русском языке ярко выраженную особенность, отличающую его от других европейских языков, так называемую неагентивность — ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности;

недостаточная автономная выделенность индивида как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь. Неагентивность проявляется в беспрецедентном изобилии в русском языке безличных языковых форм, так называемых бессубъектных конструкций: «никак не выходит», «получилось как всегда», «есть мнение» и т. п., отражающих отсутствие контроля человека над происходящими событиями. Иными словами, упомянутое лингвистическое исследование показало, что на сегодняшний день в российском обществе сохраняется тенденция к восприятию окружающего мира как совокупности событий, не поддающихся контролю. Поскольку созидательная сила современного общества напрямую связана с личностными проявлениями его субъектов, очевидна необходимость научных исследований, направленных на выявление закономерностей формирования и развития субъектных качеств человека.

В настоящее время в педагогической психологии получила убедительное философски-гуманистическое обоснование концепция субъект-субъектного обучения, согласно которой уважение к личности ребенка, его достоинству, принятие его личностных целей, запросов, интересов, создание условий для его самоопределения, самореализации и развития — неперемнное условие гуманистического, субъектного подхода в образовании. В рамках этой концепции ученик рассматривается как носитель уникального опыта, следовательно, можно полагать, что в образовательной среде происходит встреча данного и задаваемого опыта, в рамках которого выстраиваются индивидуальные векторы развития. Принятие данной концепции вносит определенную специфику в содержание психологической экспертизы образовательной среды как индикатора, способного отражать ресурсные возможности среды, ее ценности и цели, поскольку мера развития личности ребенка становится мерой качества работы и педагога, и образовательной системы в целом. При таком подходе изменяется положение ребенка, он действительно становится субъектом своего развития.

Общий принцип структурного анализа человека как субъекта был разработан С. Л. Рубинштейном и получил свое плодотворное теоретическое и экспериментальное развитие в отечественной психологии. Согласно идеям С. Л. Рубинштейна, человек и мир, вступая во взаимодействие, образуют особую онтологическую реальность: «человек продлен в мир», так как он наделяет объекты этого мира значимыми смыслами, делает их ценностными [3]. Следовательно, личностные свойства отражают позицию человека в обществе и степень приобщенности его к миру человеческой культуры. В контексте нашего подхода к психологической экспертизе данное положение подчеркивает значимость социального компонента образовательной среды, в которой длительное время происходит становление и развитие человека. Для понимания процесса

и ресурса развития ребенка в образовательной среде ключевым является обстоятельство, что субъектность не является врожденной характеристикой человека. Субъект как высшая системная целостность всех сложнейших и противоречивых качеств человека формируется в ходе исторического и индивидуального развития, а субъектность, соответственно, рассматривается как целостная характеристика активности человека.

Многолетнее активное обсуждение российскими психологами проблем становления и поведенческого проявления человеческой субъектности привело к осознанию, что предмет психологии субъекта неоднороден. Одним из современных направлений, органично вытекающим из психологии субъекта, является субъектно-бытийный подход к личности, отражающий, прежде всего, достижения гуманистической психологии с присущими ей акцентами на темах самоактуализации и личностной идентичности. Отметим, что рассматривать жизнь человека исключительно как непрерывную череду сменяющих друг друга деятельностей представляется ограниченным, что полностью согласуется с идеей С. Л. Рубинштейна о недопустимости абсолютизации какой бы то ни было категории в объяснении природы психического, в том числе и категории деятельности. Это означает признание факта, что в формировании психики большую роль играют недеятельностные по своей природе феномены — общение, переживание, созерцание, рефлексия и др. Все это способствует развитию субъектности, формированию и реализации субъектных качеств человека. Данное положение представляется нам принципиально важным для разработки теоретико-методологических оснований модели психологической экспертизы, поскольку находится в полном соответствии как с принципами гуманитарного подхода, ведь «материя», к которой обращается психологическая экспертиза, — это именно интересы и ценности, то есть то, что определяется человеческой субъективностью, так и с представлением об образовательной среде как о со-бытийной общности. Подчеркнем, что категория со-бытийности общности представляет собой ценностно-смысловое объединение людей, создающее условия как для развития предметной деятельности, ценностно-мотивационной сферы, так и для индивидуальных способностей. Со-бытийная общность предполагает наличие со-участников, самостоятельно и ответственно организующих собственную деятельность, тем самым со-бытийная общность онтологически предполагает субъектность ее участников. В ходе разработки концепции психологической экспертизы образовательной среды мы во многом опирались на положения, разработанные в рамках исследований субъектности личности (К. А. Абульхановой, Б. Г. Ананьева, А. В. Брушлинского, Е. Н. Волковой, Е. Ю. Коржовой, А. К. Осницкого, В. А. Петровского, С. Л. Рубинштейна, В. И. Слободчикова и др.) и имеющих принципиальное значение для

развития личности в процессе обучения. Субъектное отношение к учебной деятельности проявляется в обращенности обучающегося к своим внутренним резервам, возможностям выбора, средствам осуществления деятельности, что в конечном итоге определяется взаимодействием компонентов субъектного опыта и умений саморегуляции. Основное качество субъекта состоит в способности взять на себя ответственность за осуществление действий с вероятностным исходом, стать субъектом избрания целей, результат достижения которых не предreshен. Для образовательной среды это и есть механизм, обеспечивающий субъект-субъектный характер обучения и воспитания, которые становятся ресурсным обеспечением психического развития учащихся.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А. Г. Асмолов. М.: Смысл, 2002.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. М., 1996.
3. Рубинштейн С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. М.: Наука, 1997.

Черкасова Е. С., Алехин А. Н.

Психологические и личностные детерминанты экстремистской деятельности: понимание и возможности установления

Cherkasova E. S., Alekhin A. N.

Psychological and personal determinants of extremist activity: understanding and possibilities of establishing

Аннотация. Публикация посвящена проблеме понимания совокупности диагностических и классифицирующих признаков экстремистской деятельности. По мнению авторов, установление триады психологических детерминант экстремистской направленности личности по основным классифицирующим признакам позволит получить объемное представление о внутреннем мире экстремистской личности, будет способствовать пониманию ее эмоционально-чувственной сферы, поведенческой направленности, когнитивным установкам и ментальной сфере экстремиста.

Annotation. The article is devoted to the problem of understanding the set of diagnostic and classifying features of extremist activity. According to the authors, the establishment of a triad of psychological determinants of extremist personality on the main classifying features, it will provide a comprehensive view of the inner world of the extremist personality, will contribute to the understanding of its emotional and sensual sphere, behavioral orientation, cognitive attitudes and mental sphere of the extremist.

Ключевые слова: экстремизм, поведение, **Key words:** extremism, behavior, determinants, motivation, deviation, addiction, diagnostics, activity.

Актуальность исследования проблемы психологических мотивационных и предрасполагающих факторов экстремистской деятельности обусловлена тем, что в социальных и политических реалиях сегодняшнего времени, экстремизм в виде крайнего варианта деструктивного человеческого поведения занимает лидирующие позиции в мировом сообществе в качестве наибольшей опасности максимального разрушительного воздействия.

Триада психологических детерминант экстремистской направленности личности представлена следующими составными классифицирующими признаками:

1. Предпосылки эмоционально-чувственной сферы.
2. Предпосылки поведенческой направленности.
3. Когнитивные установки и ментальная сфера личности.

Более детальное раскрытие каждой психологической детерминанты необходимо с позиции не только глубинного понимания экстремистской направленности, но и представляется важным и необходимым условием объективного диагностического комплекса экстремистской деятельности и личности эту деятельность реализующей, например, в условиях комплексных психолого-психиатрических экспертиз.

Диагностика эмоционально-чувственной сферы должна осуществляться с позиции того, что эмоциональные состояния играют определяющую и ведущую роль как во внешнем поведении личности, так и в его психической деятельности, а чувства в свою очередь оказывают непосредственное влияние на содержательную и внутреннюю сущность переживаний, проходящих через призму духовных потребностей человека. Вопрос, на который предстоит ответить психологам-экспертам: что происходит с эмоционально-чувственной сферой личности еще до того момента, когда эта личность принимает решение начать заниматься экстремистской деятельностью? По мнению авторов, важным моментом, способным стать информативно-полезным, является понимание экспертами ситуации системного социального кризиса. Суть данного кризиса заключается в определенных эмоционально-психологических переживаниях у всех социальных групп, но особую остроту данного кризиса начинают испытывать социальные группы, реально находящиеся под угрозой социального исчезновения, или же те, в чью ментальную систему сознательно и с определенной целью внедряется идея социального исчезновения (угнетения, насилия и т. д.), что неминуемо приводит

к развитию следующей симптоматики: психологическая фрустрация, астения, подавленность, угнетение (в том числе с физиологическими симптомами), страх и психоэмоциональное напряжение, бессилие и т. д. Постепенное ухудшение состояния приобретает элементы амбивалентности, что способствует переходу от вышеназванных симптомов к стеническим чувствам, замещаясь ненавистью, агрессией, жестокостью. В реальной жизни человек попадает в очень сложный и неоднозначный «эмоциональный котел», в который подливают «кипяток агрессии и ненависти» отлично обученные «проповедники», «наставники», «учителя», «Вуду» и т. п., проводящие свою агитационную и разъяснительную работу психологическими техниками и методами, вызывая и усиливая исключительно разрушительные тенденции.

Важно, что в большинстве случаев речь идет о влиянии на молодых людей, не достигнувших возраста психологической и личностной зрелости. Агитационная работа проводится техниками, способными еще больше расшатать незрелую психику молодых людей, а стимулирование выплеска агрессии приводит к формированию поведенческой агрессивной направленности. Поведенческие реакции строятся на основе девиантного и делинквентного поведения, которое при первых проявлениях приносит личности ощущение облегчения (агрессия находит выход), психика расслабляется, накал психоэмоционального напряжения снижается по типу разрядки. Но, спустя незначительное время, у молодого человека формируется определенная форма агрессивной аддикции, которая имеет внешнее социальное одобрение в экстремистской среде, формируя «порочный круг экстремизма».

Применительно к пункту поведенческих реакций и их девиантного исполнения, интересно рассмотреть мнение известного итальянского криминолога Э. Ферри [6, 123–127], который с позиции детерминизма, основываясь на исследованиях Ч. Ломброзо, вводит новый термин «антропобиологические аномалии». Суть этих аномалий, по мнению ученого, заключается в понимании «преступного типа поведения», который характеризуется признаками аномальности, явного несоответствия биологическим и социальным задачам человеческого бытия. В качестве негативно влияющих предпосылок на проявления «преступного типа поведения», Э. Ферри называет сочетанное значение социальных, политических и экономических факторов, в том числе и определенным образом интерпретированных и внедренных в ментальную структуру личности.

Исходя из пары пунктов юридического определения экстремизма [4], можно говорить о том, что сфера когнитивных и ментальных установок национальной психологии изначально имеет определенный зачаток идей

превосходства одних наций над другими, а в условиях «грамотно» организованной пропаганды данные идеи становятся исключительно выпуклыми, что ведет к: публичному оправданию терроризма и иной террористической деятельности, приводит к возбуждению социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

Сложность преодоления экстремистских установок поведения состоит в том, что сформированное и внедренное в сознание убеждение об исключительном влиянии насильственных и жестких мер и действий, способных радикально исправить критическое положение данной социальной группы (нации, народа и т. д.) требует комплексного подхода, социально-политические вопросы в котором должны занимать приоритетное значение.

Важно понимать, что психологическая превенция экстремистских когнитивных и ментальных установок должна заключаться в контрформировании законности, нормативности, духовно-нравственных ограничений и запретов, с комплексом неминуемых юридических (вплоть до уголовно-наказуемых) последствий, следующих за нарушениями.

Распознавание и диагностика специфической природы эмоциональных состояний экстремистской личности возможно посредством установления его жизнедеятельности. В этом аспекте жизнедеятельность экстремистской личности является процессом психического переживания ею определенной ситуации. Установив на первоначальном этапе элементы экстремистской направленности и экстремистские мотивы, ориентированные на экстремистскую идеологию, возникает четкое понимание эмоциональных переживаний, в основе которых лежит негативно-требовательный характер отношения к внешнему миру, идентичный его восприятию внешнего мира, выражающийся в определенных формах взаимодействии его внутреннего мира с внешним миром. В процессе диагностики необходимо уловить рассогласование между представлениями о «правильном» устройстве мира и реальной действительностью, в которой экстремист находится. Важно, что рассогласование является осознаваемым и стимулирующим экстремистскую идеологию, что в совокупности реализуется в экстремистской деятельности. В процессе отстаивания и пропагандирования экстремистской идеологии, неминуемо возникают конфликтные отношения с представителями других социальных, политических, национальных групп, данные экстремистские конфликты в базисе имеют идеологическую подоплеку, выражающуюся в разнице мировосприятия и мироощущения. По способу реализации — это всегда внешняя форма агрессивного и репрессивного реагирования без критического осмысления своих

поступков и без толерантного отношения к мотивационным, идеологическим, политическим и социальным механизмам оппонентов.

Социально-экономические и политические причины изначально порождают психологические детерминанты экстремизма, по мере развития формирования и развития которого, вновь негативно влияют на национальное массовое сознание, формируя дальнейшее развитие экстремистской идеологии.

Список литературы

1. *Дикаев С. У.* Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб., 2006.
2. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 166.
3. *Нуруллаев А. А.* Религиозно-политический экстремизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2000. № 4.
4. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 2015.

Праневич А. А., Гайдуков А. В.

Проект «Я учусь в многоконфессиональном Санкт-Петербурге»

Санкт-Петербург — крупнейший образовательный центр, в вузы которого ежегодно поступают тысячи студентов из других регионов России. Но Санкт-Петербург — это также крупнейший религиозный центр страны, качественной характеристикой которого является поликонфессиональность. В городе живут и исповедуют свою веру представители всех мировых и целого ряда национальных религий — христиане, мусульмане, буддисты, иудеи. Поэтому студентам, приехавшим из других регионов (особенно из таких республик, как Дагестан, Бурятия, Саха и проч.), новая ситуация зачастую оказывается непривычной и даже дискомфортной. Они не имеют необходимых знаний и навыков, системы координат и стратегий для жизни в многоконфессиональном городе. Их однокурсники и люди, с которыми они встречаются вне стен университетов, могут придерживаться совершенно другого религиозного мировоззрения, других взглядов и систем ценностей.

Чтобы решить возникающие в связи с этим проблемы (коммуникативные, адаптационные, мировоззренческие), необходимо своего рода погружение в историю и жизнь современного многоконфессионального города. А кто это может сделать лучше, как не сами студенты, имеющие соответствующую подготовку и знания в данной области? Со своей стороны, для студентов, обучающихся по направлениям/программам/модулям «Религиоведение», «История религиозных культур», «Религиоведческое и теологическое образование», разработка и реализация проектов и программ «погружения» в жизнь многоконфессионального города будет беспрецедентным опытом работы по специальности.

Наша инициатива неслучайна. Герценовская религиоведческая школа с начала 2000-х гг. сосредоточена на изучении религиозной ситуации на Северо-Западе России и Санкт-Петербурге и является лидером в этой области. Студенты-религиоведы РГПУ им. А. И. Герцена объединяются для выполнения мониторинга, разработки профилактических просветительских проектов и их осуществления для адаптации первокурсников в поликонфессиональном Санкт-Петербурге. Проект осуществляется через обучающие семинары-тренинги участников проекта, разработку

проектов и экскурсий, конкурс-фестиваль проектов, создание сайта и справочника-путеводителя.

Описание проблемы, которой посвящен проект

В условиях массовых миграций, которые коренным образом изменили карту всего постсоветского пространства, этническую и религиозную ситуацию в городах России, особенно в мегаполисах — в Москве и Санкт-Петербурге, особое значение приобретает проблема гармонизации межконфессиональных отношений. Она требует не только мониторинга и претовращения конфликтов на религиозной почве, но и выяснения взаимосвязи между этничностью, конфессиональной принадлежностью, радикализмом и экстремизмом. Особую роль здесь начинает играть профилактика конфликтов на религиозной почве в молодежной/студенческой среде. На сегодняшний день это одна из первостепенных задач педагогики, для решения которой нужны новые подходы и технологии.

У приезжих и у первокурсников, замыкавшихся в школьные годы в общении в своих микрорайонах, возникают проблемы в восприятии нового мира мегаполиса, многие особенно удивляются наличием поликонфессиональности и поликультурности, а также исторически сложившимися формами межконфессионального взаимодействия (не всегда возможными в других регионах). Приезжие и неадаптированные первокурсники могут испытывать культурный шок даже от умеренных проявлений поликонфессиональности в культуре Санкт-Петербурга. Непонимание ситуации может подталкивать их к маргинализации, ксенофобским настроениям и экстремистским действиям.

Самоорганизация студентов и студенческие инициативы могут быть эффективным решением проблемы изнутри. В связи с этим Студенческое научное общество религиозоведения (СНО религиозоведения) РГПУ им. А. И. Герцена выступает с инициативой разработки и внедрения проекта/проектов «погружения» студентов (прежде всего иногородних) в жизнь и традиции многоконфессионального Санкт-Петербурга. «Погружение» подразумевает знакомство с религиями и храмами Санкт-Петербурга, а также информирование об организациях, которые могут входить в так называемую «зону риска». Фактически проект/проекты будет решать 3 социально значимые для города задачи: *адаптация иногородних студентов, мониторинг и профилактика негативных явлений в религиозной и социальной жизни города.*

Целевая аудитория проекта — студенты младших курсов (в первую очередь иногородние), поступившие в РГПУ им. А. И. Герцена и другие вузы Санкт-Петербурга.

Цель: Разработка социально-образовательной программы «погружения» иногородних студентов младших курсов в историю и жизнь многоконфессионального Санкт-Петербурга посредством организации силами студентов-религиоведов РГПУ им. А. И. Герцена просветительских экскурсий для 90 первокурсников РГПУ им. А. И. Герцена. Разработка не менее 15 просветительно-образовательных проектов и издание на их базе сборника методических разработок — «Справочника-путеводителя по многоконфессиональному Санкт-Петербургу» с 20 мая до 20 декабря 2019 г.

В разработке проекта примут участие студенты РГПУ им. А. И. Герцена, обучающиеся по направлению «Религиоведение» и модулям «История религиозных культур», «Религиоведческое и теологическое образование», а также студенты Русской христианской гуманитарной академии (РХГА). Будут разосланы приглашения в Санкт-Петербургский государственный университет и Санкт-Петербургскую духовную академию.

Проект предполагает:

- 1) разработку экскурсии (семинара-практикума), которая знакомит студентов с религиозной жизнью Санкт-Петербурга, его религиями и храмами, этнорелигиозными диаспорами, научными центрами изучением религии;
- 2) разработку информационного студенческого интернет-ресурса «Я учусь в многоконфессиональном Санкт-Петербурге», позволяющего получить достоверную информацию об основных конфессиях Санкт-Петербурга, а также возможных «зонах риска», связанных с деятельностью различных новорелигиозных образований.

Студенческие разработки будут представлены на *фестивале студенческих проектов «Я учусь в многоконфессиональном Санкт-Петербурге»*, который планируется провести на базе РГПУ им. А. И. Герцена. Проект победителя ляжет в основу общеуниверситетского студенческого семинара-практикума и студенческого информационного ресурса (на базе РГПУ им. А. И. Герцена) «Я учусь в многоконфессиональном Санкт-Петербурге». Проект создает новое образовательное пространство общеуниверситетского уровня, позволяющее решать 3 важные проблемы в религиозной и социальной жизни Санкт-Петербурга: *адаптация иногородних студентов, мониторинг и профилактика негативных явлений в религиозной и социальной жизни города.*

Задачи:

- 1) формирование команды и обучение участников конкурса проектов (проведение обучающих тренингов-семинаров для участников);
- 2) проведение обучающих семинаров (с привлечением специалистов) по:
 - мониторингу конфессиональной ситуации;
 - профилактике конфессиональных и этнокультурных девиаций;
 - формам и методам адаптации (приезжих) первокурсников;

- 3) разработка проектов:
- проектирование;
 - посещение конфессий: налаживание диалога, выявление ресурсов (мониторинг) для просветительских проектов (профилактика) и их дальнейшей реализации (адаптация);
 - создание методической/презентационной площадки (площадка молодого религиоведа) на базе РГПУ им. А. И. Герцена для обучения участников конкурса проектов из РГПУ им. А. И. Герцена и для подключения участников проекта из других профильных вузов города (РХГА, СПбДА);
- 4) проведение конкурса-фестиваля проектов на базе методической/презентационной площадки (площадка молодого религиоведа) на базе РГПУ им. А. И. Герцена:
- публикация итогов конкурса на сайте (создание информационного интернет-ресурса);
 - издание сборника методических разработок — «Справочника-путеводителя по многоконфессиональному Санкт-Петербургу».

Ожидаемые результаты

Количественные показатели:

1. Будут обучены участники конкурса проектов в количестве 20–30 человек.
2. Будет разработано не менее 15 проектов/экскурсий.
3. Будет проведён конкурс проектов и выявлены 5 победителей в разных номинациях.
4. Будет издан сборник студенческих методических разработок тиражом 1 тыс. экземпляров.

Качественные показатели:

1. Повысится уровень образования студентов — участников конкурса проектов:
 - a. в сфере мониторинга конфессиональной ситуации Санкт-Петербурга;
 - b. в сфере профилактики маргинальности, ксенофобии и экстремизма на этноконфессиональной почве;
 - c. в сфере адаптации (приезжих) первокурсников к условиям жизни в поликонфессиональном и поликультурном мегаполисе;
 - d. в сфере разработки проектов;

2. Первокурсники (приезжие первокурсники) познакомятся:
 - a. с поликонфессиональным многообразием и культурным наследием Санкт-Петербурга;
 - b. с возможностями межконфессионального и межкультурного диалога.
3. Участники проекта и первокурсники сформируют навыки межконфессионального общения и толерантности;
4. Будет создан сайт: итоги конкурса будут опубликованы на просветительском сайте;
5. Будет издан сборник методических разработок.

Ресурсами проекта являются:

1. Студенты-религиоведы РГПУ им. А. И. Герцена.
2. Научно-педагогический потенциал РГПУ им. А. И. Герцена (преподаватели).
3. Конфессиональный потенциал в просветительской сфере.

Основными рисками проекта являются:

1. Повышение цен на полиграфические и издательские услуги, что может вывести бюджет за рамки установленного.
2. Проблемы в составлении рабочей группы проекта. Стоит задача создать рабочую группу из студентов-религиоведов, готовых вести активную работу по проекту и тратить на него значительное количество времени.

Дальнейшая реализация проекта

Опыт проекта будет распространяться через сайт и опубликованный «Справочник-путеводитель по многоконфессиональному Санкт-Петербургу». Стоит отметить, что опыт данного проекта будет полезен для использования в других городах со схожей межнациональной и межконфессиональной обстановкой.

**РЕЗОЛЮЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СФЕРЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»
22–23 марта 2019 года,
Санкт-Петербург**

Совершенствование экспертной деятельности в области гуманитарных наук сегодня является комплексной научно-практической задачей, от решения которой во многом зависит функционирование культурных, научных, общественных и иных институтов современного общества.

Специфика экспертной деятельности заключается в ее научно-практическом характере, однако экспертное исследование, в отличие от научно-исследовательского, предполагает более строгие требования к методической базе. На практике ученые-эксперты не всегда в должной мере учитывают данную особенность экспертной работы, особенно это касается тех областей гуманитарной экспертизы, которые еще находятся на начальных стадиях своего развития. Подход к экспертному исследованию только как к решению той или иной научной задачи зачастую приводит к размыванию критериев оценки и выводов.

Современное общество предъявляет высокие требования к профессиональным компетенциям эксперта, не менее важным являются независимость, неподкупность и объективность его позиции.

К сожалению, в области гуманитарных наук не в полной мере нашёл комплексное решение вопрос профессиональной подготовки экспертов. Профессиональное экспертное сообщество формируется порой стихийно, отсутствуют чёткие критерии оценки компетентности экспертов.

Не менее актуальной является проблема «заказных экспертиз», то есть экспертиз, подготовленных ангажированными экспертами. Отсутствие разработанной научно-методологической базы экспертизы в ряде гуманитарных направлений может привести к практической неверифицируемости экспертных заключений, превратить экспертизу в набор субъективных оценок. Периодически наблюдается явление, которое можно условно обозначить как «войну экспертиз». Возможность распространения некоторыми СМИ недостоверной информации, в которой фигурируют отдельные эксперты и экспертные сообщества, формирует в обществе искаженные представления о состоянии дел в соответствующих областях знаний.

В связи с этим актуализируется проблема общественного доверия к экспертным заключениям, возникают ситуации, делающие экспертов заложниками общественного мнения, часто не свободного от манипулятивного воздействия заинтересованных сторон.

Нормальное развитие института экспертизы требует защиты добросовестных экспертов от диффамации, информационного и психологического прессинга.

В связи с этим конференция констатирует:

1. Экспертиза в области гуманитарных наук представляет собой важнейшую форму научного исследования, а экспертное сообщество ученых-гуманитариев является полноценной частью научного сообщества.
2. Вместе с тем необходимо скорректировать требования к развитию фундаментального образования в системе высшей школы с учетом потребности в выполнении специалистами-гуманитариями функций экспертов.
3. Крайне важной является методологическая стандартизация ряда направлений экспертной деятельности, включая религиоведческую экспертизу.
4. Необходимо на государственном уровне создать полноценную систему оценки качества уровня подготовки экспертов в области гуманитарных наук.
5. Внесенный Президентом Российской Федерации в Государственную Думу Российской Федерации законопроект № 663034–7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации”» и Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации», наделяющий Следственный комитет Российской Федерации функцией организации и производства судебной экспертизы по ряду направлений, являются научно и социально обоснованными.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абишева Н. А.**, главный эксперт Института судебных экспертиз по г. Алматы Центра судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан; e-mail: abishnagima@mail.ru.
- Алёхин А. Н.**, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии и психологической помощи Института психологии РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: termez59@mail.ru.
- Бизюкова Е. С.**, студентка кафедры клинической психологии и психологической помощи РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: elizavetabizyukova@mail.ru; научный руководитель: Алёхин А. Н., доктор медицинских наук, профессор.
- Богданова Т. В.**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Смоленского государственного университета; e-mail: tanbogdan@mail.ru.
- Васильева В. В.**, доцент кафедры медиалингвистики СПбГУ; e-mail: v.v.vasilieva@spbu.ru.
- Вассоевич А. Л.**, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, директор Института востоковедения РГПУ им. А. И. Герцена, ректор Санкт-Петербургской Восточной академии; e-mail: vassoevich@telros.ru.
- Волкова Е. Н.**, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: envolkova@herzen.spb.ru.
- Волкова М. А.**, аспирантка кафедры социального управления и планирования СПбГУ; e-mail: mariekostyuk@gmail.com; научный руководитель: Пруель Н. А., доктор социологических наук.
- Воронцов А. В.**, доктор философских наук, профессор, декан факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, президент ПАНИ; e-mail: vorontsov@herzen.spb.ru.
- Гайдуков А. В.**, кандидат философских наук, доцент кафедры истории религий и теологии РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: a_gaidukov@mail.ru.
- Головушкин Д. А.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории религий и теологии РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: golovushkinda@mail.ru.
- Горюнов А. П.**, консультант отдела профилактики экстремизма и терроризма Департамента региональной безопасности Ярославской области; e-mail: goryunov@yarregion.ru, gap.reg76@mail.ru.

- Григорьева О. А.**, доктор педагогических наук, профессор, Главный ученый секретарь ПАНИ, Председатель отделения театра и музыки ПАНИ, первый проректор АНО ВО «Международная академия искусств»; e-mail: volant-7@yandex.ru.
- Данилова Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ.
- Елагина Е. В.**, кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ.
- Емельянова Ю. М.**, эксперт экспертно-криминалистического отдела управления криминалистики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу; e-mail: satinet38@yandex.ru.
- Ильина В. А.**, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; e-mail: avapeter@mail.ru.
- Кирюхина Е. В.**, старший эксперт второго отдела криминалистического сопровождения следствия управления криминалистики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу; e-mail: kiruhina@yandex.ru.
- Ковальчук Ю. К.**, доктор технических наук, академик ПАНИ, МСА; e-mail: kuko@list.ru.
- Колотов В. Н.**, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ, доктор исторических наук, профессор; e-mail: vladimirkolotov@mail.ru.
- Комиссарова Я. В.**, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент; e-mail: a5143836@yandex.ru.
- Крюков Д. О.**, магистр социологии, младший научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН, старший преподаватель НОИС; e-mail: dionisiy4@rambler.ru.
- Лактионова Е. Б.**, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии развития и образования РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: lena_laonova@mail.ru.
- Малкова Е. Е.**, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической психологии и психологической помощи РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: helen_malkova@mail.ru.
- Мусина Д. Р.**, доктор PhD, главный эксперт Института судебных экспертиз по г. Алматы Центра судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан; e-mail: dimussind@mail.ru.

- Николаева Т. Г.**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ; e-mail: yelagina@bk.ru.
- Новикова С. С.**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»; e-mail: izsochi@mail.ru.
- Петрова И. В.**, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: rinaneva1969@mail.ru.
- Погасий А. К.**, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры религиоведения Казанского (Приволжского) федерального университета; e-mail: kazan_prihod@mail.ru.
- Порохов С. Ю.**, руководитель отделения литературного искусства и журналистики Петровской академии наук и искусств, председатель Ленинградского областного отделения Союза писателей России, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области; e-mail: sporokhov@mail.ru.
- Праневич А. А.**, студент факультета истории и социальных наук, II курс; научный руководитель: Гайдуков А. В., доцент кафедры истории религии и теологии РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: shura.kardamon@yandex.ru.
- Прилуцкий А. М.**, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории религий и теологии РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: alpril@mail.ru.
- Редькина Т. Ю.**, доцент кафедры медиалингвистики СПбГУ; e-mail: t.redkina@spbu.ru.
- Салахутдинова Р. Х.**, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, кандидат социологических наук; e-mail: rezeda_soc@mail.ru.
- Сванкулов А. Э.**, магистр филологии, главный эксперт Института судебных экспертиз по г. Алматы Центра судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан; e-mail: asset_81@list.ru.
- Свободный Ф. К.**, кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; e-mail: sfk_felix@mail.ru.
- Сироткин П. Ф.**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: spf@list.ru.
- Смирнов М. Ю.**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии ГАОУ ВО ЛО Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: kaffilosof@lengu.ru.

- Субетто А. И.**, доктор экономических, доктор философских наук, профессор, вице-президент ПАНИ; e-mail: subal1937@yandex.ru.
- Тамбовцев Ю. В.**, студент факультета истории и социальных наук, II курс магистратуры; e-mail: gua_13@mail.ru; научный руководитель: Головушкин Д. А., доцент кафедры истории религии и теологии РГПУ им. А. И. Герцена.
- Тепляков О. В.**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры организации кадровой и воспитательной работы, ФКУ ДПО Санкт-Петербургский институт повышения квалификации ФСИН России; e-mail: otvspb@yandex.ru.
- Фролова Ю. Н.**, кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии (ГПД) РГПУ им. А. И. Герцена; e-mail: frolovayuliya@yahoo.com.
- Церекидзе Я. В.**, магистрант ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»; e-mail: yasoncer@mail.ru.
- Черкасова Е. С.**, кандидат психологических наук, подполковник юстиции, доцент кафедры криминалистики Новосибирского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»; e-mail: cherkasova75@mail.ru.
- Шошин С. В.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; e-mail: serguei8@mail.ru.
- Шуванов И. Б.**, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей психологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»; e-mail: schuvanov@gambler.ru.
- Щукина Е. Л.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, председатель Экспертного совета по проведению Государственной религиоведческой экспертизы при ГУ Министерства юстиции РФ по Ростовской области; e-mail: elshukina@sfedu.ru.

ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Сборник материалов международной научно-практической конференции,
Санкт-Петербург, 22–23 марта 2019 года

Корректурa *И. Л. Климович*
Верстка *Д. В. Лаптухиной*

*Материалы публикуются в авторской редакции. Мнение авторов
материалов может отличаться от позиции редакционной коллегии.*

Подписано в печать 14.05.2019. Формат 60 × 84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,75. Тираж 100 экз. Заказ № 257к

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Типография РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48